

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ **N4(106)**

МОСКВА 2016

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2016. № 4. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; академик РАН В.Л. Макаров; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
член-корр. НАУ А.А. Гриценко; д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н. К.А. Зимарин; д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакционная коллегия:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова (научный редактор), А.А. Антропов, С.С. Мерзляков,
К.В. Молчанов, С.С. Нипа, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына (редактор)

Организационно-техническое сопровождение:

О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова
Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496, e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайм: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fljournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2016

Содержание

Белые одежды (<i>главный редактор</i>)	7
Раздел I. Юбилей	
<i>А.А. Гриценко</i>	
Человек-философия (к 75-летию Юрия Михайловича Осипова)	11
<i>В.К. Королев</i>	
Persona grata: вольность мысли аристократа!	14
<i>А.А. Погребняк</i>	
Слушать метафизику (к 75-летию Ю.М. Осипова)	20
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Признавательное заявление	25
<i>В. Драшкович</i>	
Великий создатель (к 75-летию Ю.М. Осипова)	29
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Архитекторам русской максимы	32
Раздел II. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение	39
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Человек и мир Иного	42
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
От интеллектообщества к обществу колониальной демократии (накануне еще более важных перемен)	60
<i>В.В. Атаян</i>	
Стадии развертывания овеществленной ценностной ориентации	72
<i>К.В. Сеньюткин</i>	
Система ценностей в западнохристианской и восточнохристианской культурах	78
Раздел III. Экономическая теория	
<i>С.А. Дятлов</i>	
Фундаментальные понятия новой экономической теории	83
<i>В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева</i>	
Природное регулирование общественного воспроизводства: сколько можно помыкать им?	108
<i>В.К. Петров</i>	
Новая экономика для современной России	127
<i>Г.А. Ахинов, А.Л. Рвачев</i>	
Вопросы регулирования предпринимательства в условиях развития рыночных отношений	136
<i>А.А. Олейников</i>	
Предмет экономической теории как политической экономики евразийского национального хозяйства — евразийский мейнстрим: русский взгляд	150

<i>Т.Н. Юдина</i>	
Цифровизация в контексте сопряженности Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути	161
<i>А.М. Цикин</i>	
Проблема экономических интересов при формировании конкурентоспособности национальной экономики	171
<i>К.В. Молчанов</i>	
Рост российской экономики — три экономических концепции и диалектический принцип	179
<i>В.Н. Иванова</i>	
Частные деньги как перспективный элемент национальных кредитно-денежных систем	187
<i>Е.В. Купчишина</i>	
Цифровое развитие: тенденции и перспективы	197
Раздел IV. Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Введенский: поэзия плодотворного непонимания	211
<i>А.Н. Нечухрин, С.В. Сняжков</i>	
Россия и Западный мир (опыт дискуссии в отечественной философии истории конца XIX — начала XX в.)	219
<i>И.В. Демин</i>	
Соотношение техники и идеологии в концепциях Ф.-Г. Юнгера и Ю. Хабермаса	230
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Человек литургический	240
Раздел V. Актуальная политология	
<i>С.В. Бирюков, А.М. Барсуков</i>	
Перспективы и проблемы расширения ЕАЭС	253
<i>Л. Юрчишин</i>	
Трансграничный политический экстремизм в эпоху глобализации: общая угроза для безопасности Российской Федерации и Евросоюза	261
Раздел VI. Рецензии и отклики	
<i>М.А. Румянцев</i>	
Антропология хозяйства в «Обретении» Ю.М. Осипова (опыт понимания)	273
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Отклик на поэму «Блики и срезы»	280
<i>К.А. Хубиев</i>	
О научной школе Ю.М. Осипова	282
Научная жизнь	289
Анонсы	291
Наши авторы	293

Contents

White Clothes (by <i>Chief Editor</i>)	7
Part I. Anniversary	
<i>A.A. Grytsenko</i>	
The Person-Philosophy (on 75 Anniversary of Yu.M. Osipov)	11
<i>V.K. Korolyov</i>	
Persona grata: aristocrats' free thought!.....	14
<i>A.A. Pogrebnyak</i>	
Listening to Metaphysics (on 75 Anniversary of Yu.M. Osipov)	20
<i>V.A. Kutryov</i>	
The Grateful Statement	25
<i>V. Drashkovich</i>	
The Great Creator (on 75 Anniversary of Yu.M. Osipov)	29
<i>A.V. Kuznetsov</i>	
To the Architects of Russian Maxima	32
Part II. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Ethnonational Consciousness and Economic Behavior.....	39
<i>N.B. Shulevski</i>	
A Person and the World of Other.....	42
<i>M.L. Alpidovskaya</i>	
From The Intellectualist to the Society of the Colonial Democracy (On the Eve of the Still More Important Changes)	60
<i>V.V. Atayan</i>	
Deployment Stages of the Materialized Value Orientation.....	72
<i>K.V. Senyutkin</i>	
System of Values in West Christian and East Christian Cultures	78
Part III. Economic Theory	
<i>S.A. Dyatlov</i>	
Fundamental Statements of the New Economic Theory	83
<i>V.I. Korniyakov, N.A. Vakhrusheva</i>	
Natural Control of the Social Reproduction for How Long Could it Be Pushed Around?	108
<i>V.K. Petrov</i>	
New Economics for the Modern Russia.....	127
<i>G.A. Akhinov, A.L. Rvachyov</i>	
Questions of the Regulation of Business in the Conditions of the Market Relations.....	136
<i>A.A. Oleynikov</i>	
The Subject of Economic Theory as Political Economy of Eurasian National Economy. Eurasian mainstream. Russian opinion	150

<i>T.N. Yudina</i>	
Digitalization in the Context of Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt connectivity.....	161
<i>A.M. Tsikin</i>	
The Economic Interests Issue When Forming the National Economy Competitiveness.....	171
<i>K.V. Molchanov</i>	
Russian Economy Growth — the Three Economic Concepts and the Dialectical Principle.....	179
<i>V.N. Ivanova</i>	
Private Money as the Perspective Element of National Credit and Monetary Systems	187
<i>E.V. Kuptchishina</i>	
Digital Development: Trends and Prospects	197
Part IV. Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
Vvedensky: Poetry of Fruitful Misunderstanding	211
<i>A.N. Nechukhrin, S.V. Sinyakov</i>	
Russia and Western World: (Experience of Discussion in National Philosophy of History in the Late XIX — Early XX Centuries).....	219
<i>I.V. Demin</i>	
The Relationship of Technology and Ideology in the Concepts of F.-G. Junger and J. Habermas	230
<i>N.N. Rostova</i>	
The Person Liturgical.....	240
Part V. Actual Political Science	
<i>S.V. Biryukov, A.M. Barsukov</i>	
Prospects and Problems of EAEU Expansion	253
<i>L. Yurchishin</i>	
Transnational Political Extremism in the Era of Globalization. Common Threats to National Security for the Russian Federation and the European Union.....	261
Part VI. Reviews and Responses	
<i>M.A. Romyantsev</i>	
Anthropology of Economy«Foundation» by Yu.M. Osipov (Experience of the Understanding)	273
<i>F.I. Girenok</i>	
Response on a Poem «Glare and Shears»	280
<i>K.A. Khubiev</i>	
About the Scientific School of Yu.M. Osipov	282
Scientific Life	289
Announcements	291
Our Authors	293

Белые одежды

Побеждающий облачётся в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни...

(Откр. 3:5)

Являются, вписываясь в «книгу жизни», люди, события, институции, мысли, учения; что-то непременно вокруг совершается, входит в текущее бытие, его обогащает, в нем остается, но и его вдруг покидает, погружаясь напрямиком в небытие; повсюду случаются и перемены, иной раз вполне и судьбоносные: позитивные, негативные, полезные, вредные, животворные, смертельные.

Образовалось однажды из ничего, хотя и по решению Правительства СССР, некое научное учреждение — *Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова*, образовалось внезапно, хотя и не без прелиминарного намерения, а по прошествии времени стало ни с того, ни с сего искрящимся очагом оригинальной мировоззренческой мысли. Причем не этой и не той, даже и не между ними интегративной, а... *своей* — *мета-догматической*, никогда ранее не бывшей, вовсе не реестровой, никак деловито не задокументированной, — даже не совсем и научной, не признанно философской, не привычно религиозной, а весьма все-таки иной — *софийной!*

Много чего из важного, ценного и даже вешего успел высказать упомянутый Центр за четверть века своего существования, как-то вдруг иначе увидев и услышав мировскую реальность; не так, как это принято в ученой среде, он ее воспринял, уловил и прочитал; не ограничил себя тривиальными исследованиями феноменальной реальности, а дополнил их откровенческими проникновениями в ноуменальную суть, войдя не без робости в софийное смысловое поле и не приткнувшись оказаться в творческом контакте с самой *Софией!*

Здесь вовсе не частное научно-исследовательское приключение, а вполне целостный разворот, если не переворот, пусть еще не слишком осознанный ученой общественностью, но, заметим, весьма уже почувствованный ее наиболее пронизательной частью, и не в последнюю очередь его — этого неожиданного умственно-духовного переворотного происшествия — противниками, коих оказалось вокруг в не малом изобилии

Центр не ограничился созданием нового мировоззрения, опираясь на открытую им софийную гносеологию, а выступил и в роли эффективного обозревателя-комментатора текущей реальности — что мировой, что российской, осуществляя ее — этой реальности — *концептуальный мониторинг*, обращаясь при этом не только к внешней событийности, но и к неявной внутренней «процессуальности», рас-

смаатривая не только общее, целостное, глобальное, но и многочисленное частное: антропологическое, обществоведческое, историческое, хозяйственное, экономическое, политическое, идеологическое, культурное, словесническое.

Центр — вовсе не нейтральный наблюдатель, лишь раздающий направо и налево экспертные оценки, он — заинтересованный конструктор национальной и международной действительности, весьма при этом и проницательный. Прогнозно-проективная способность Центра не просто известна, она воистину *исключительна!*

Четвертьвековой вклад Центра и ученого сообщества, им объединяемого, в отечественную и мировую мысль не так, знаете ли, значителен, как... *огромен*, но при этом еще и... *бесценен!*

И никакой тут резвой и тщетной самонадеянности, ибо это... *верно!*

Центр — широко признанный очаг, он же и столп, современной *философии хозяйства*, ее безусловный зачинатель и креатор, хотя и несомненный продолжатель славного дела С.Н. Булгакова, он же и во всеуслышание уже заявленный продукт плодоносной *софиасофии!*

И вот в разгар своего плодovitого и неподражаемого бытия Центр вдруг подвергся некоей учредительно-организационной реконструкции, проведенной в рамках навязанной сверху «оптимизационной трансформации» университетской науки.

И случилось то, что случилось: кто-то из малых собратьев по несчастью насовсем исчез; кто-то ловко сманеврировал, уйдя под крепкого покровителя; кто-то удачно во что-то новое преобразовался. Что касается Центра, то он как раз преобразовался, немало при этом и преобразившись. Главное — изменив статус, внешность и способ реализации, он сохранился — в качестве огненного средоточия интеллект-энергии и пламенного источника своеобразной мысли!

Центр — по-прежнему упрямый и действенный предвестник новой познавательной-когнитивной эпохи — *софийно-метафизической*, которая не где-то там — в отдаленном будущем, а прямо уже здесь — *при дверях!*

Форма одежды у Центра и его адептов теперь новая, а вот цвет у нее все тот же — *белый!*

И журнал «Философия хозяйства» никуда «не деется», он тоже остается в гуще интеллект-бытия, шаг за шагом повышая свой формальный рейтинг и явно претендуя на рост своего официального конкурентного статуса.

Виват, старейший российский университет, упорно дарующий жизнь всему действительно жизненному, как и искренний респект благосклонной к Центру общественных наук изящной судьбе — вполне, кажется, и *софийной!*

Главный редактор

Ю.М. ОСИПОВ — 75

А.А. ГРИЦЕНКО

Человек-философия
(к 75-летию Юрия Михайловича Осипова)

Аннотация. Показан объективный смысл деятельности Юрия Михайловича Осипова — новооткрывателя философии хозяйства — способа постижения мира, соединяющего и преодолевающего собственные границы науки и искусства.

Ключевые слова: философия хозяйства, познание, наука, искусство.

Abstract. The article shows the objective meaning of Yuriy Mikhailovich Osipov activities as of the newfounder of economic philosophy as a way of understanding the world, connecting and overcoming the boundaries of science and art.

Key words: philosophy of economy, cognition, science, art.

Познание мира — чрезвычайно сложный и до конца непознаваемый процесс. Вот и сейчас — глобальный кризис, фрагментация человека и общества, возрастание неопределенности и рисков, смена парадигм, поступки, возвышающие человека, и зверства, низводящие его «ниже некуда», потрясающие открытия и деградация личности. Все смешалось. Деньги и честь, разум и сумасшествие, боль и радость, преступление и геройство. И уже ни разделить их, ни разложить по полочкам, ни дать им общую оценку невозможно. Нет такой науки. Нет критериев. Вернее, они есть, но только разные и часто даже противоположные для разных субъектов, групп, сетей и т. д., а значит, уже и не критерии, а субъективированный инструмент противоборства.

Наука познает объективное, даже если объектом есть субъект. Ньютон, Эйнштейн, Гейзенберг, Дарвин, Смит, Кейнс и т. д. открыли миру то, что существует в самой действительности и независимо от них. Их величие состоит в том, что именно они первые проникли в тайны бытия. Форма подачи материала, их личные качества — это обстоятельства открытий, никак не меняющие сути научных истин. Со всем другое дело — искусство. Это тоже форма познания мира, его художественное отражение. Но такое, которое отражает то, чего реально нет. Вернее, оно есть, но не такое, а другое, может быть, похо-

жее, а может быть, и совсем не похожее. Однако неизменно связанное с субъект-субъектным отношением. С тем, кто отражает, и с тем, для кого это отражают.

Отражение есть одновременно созидание того, чего еще нет. Поэтому оно и не отражение вовсе, а если и отражение, то не простое, а такое, которое постигает нечто неподдающееся научному познанию, существующее, но не схватываемое непосредственно ни разумом, ни чувством. Произведение искусства не существует не только без их автора, но и без со-автора-почитателя. Только тогда, когда со-автор-почитатель принял его, освоил, прочувствовал, оно стало произведением искусства. Иначе — это просто предмет, звуки, краски, движения, запахи, мазня, шум и т. д. Но принял и освоил он его по-своему, в контексте своей жизни, своего чувственного и умственного опыта, следовательно, в контексте своего отражения реальности. Здесь сходятся две отраженные реальности. Сходятся через общность порождения чувств и мыслей. Не одинаковость, а именно *общность порождения*, возможно, совсем разных мыслей и чувств. Так рождается взаимность, со-авторство художника и его почитателя. То, что создано, и то, что освоено, никогда полностью не совпадают. А иногда различаются существенно. Но они живут именно в этом субъект-субъектом отношении.

Для науки результат — это отражение реальности. Для искусства — возбуждение и изменение чувств и мыслей человека, своего рода «инженерия человеческих душ» — как метко было сказано в индустриальную эпоху и совсем неловко повторять сейчас. Искусство — исторически первая, еще не явившаяся в своих собственных одеяниях, форма виртуальной реальности. Но есть еще нечто, что не является ни наукой, ни искусством, и одновременно является тем и другим. Это нечто появляется там, где наука углубляется до пределов в познании собственных оснований и где не может помочь ни опыт, ни эксперимент, ни логическое мышление, а искусство поднимается до своей вершины, где мастерство художника приобретает форму мысли. Предельное углубление и предельное возвышение сходятся. Каждое выходит за свои собственные пределы и одновременно преодолевает чужие, попадая в сферу беспредельного, неопределенного, непостижимого. Эта сфера схождения — философия.

Но в самой философии есть свой корень. Он лежит на стыке предметности, человечности и духовности, где человек как субъект очеловечивает предметный мир, одухотворяя его и превращая в мир человека. Это — философия хозяйства. В ней сходятся всеобщее и индивидуальное, субъективное и объективное, мировое и националь-

ное, глобальное и локальное. В ней важно не только то, что говорится, как в науке, но и то, в какой форме это представляется, как в искусстве. Она дает возможность мыслить то, что в научное мышление не укладывается, и чувствовать то, что искусством не представляется. Это есть методология постижения, отличная от науки и искусства. Поэтому именно сейчас, когда мир раскладывается на фрагменты, сходит с ума, переходит в постчеловеческое пространство, философия хозяйства приобретает особую актуальность как адекватный способ постигать современный мир.

Такая философия имеет иную персонификацию по сравнению с наукой и искусством. Ее субъект должен быть и ученым, и писателем, и творцом, и прорицателем, не чередуя эти роли и функции, а совмещая их в одном акте созидания философии хозяйства. Именно таков ее первооткрыватель, вечный двигатель и представитель — Юрий Михайлович Осипов. Собственно, написанное выше и есть его портрет в абстрактно-объективном исполнении. Он начинал как ученый-политэконом, стал писателем (и членом Союза писателей России), творцом философии хозяйства (независимо от С.Н. Булгакова, произведения которого по философии хозяйства в то время еще не были опубликованы) и, наконец, прорицателем, остро ощущающим дуновение будущего и делящимся этим с обществом. Он есть сама философия, наиболее адекватно субъективированная в его личности: человек-философия.

Внешние же проявления этого процесса весьма впечатляющие. Достаточно посмотреть летопись-философию, подготовленную Ю.М. Осиповым к 25-летию Центра общественных наук при МГУ, создателем и неизменным руководителем которого он является [1], и посвященный этой же дате юбилейный монографический сборник [2]. 75-летний юбилей Юрия Михайловича, следующий сразу же за юбилеем Центра, не случайное совпадение, а историко-практическое подтверждение существования феномена человека-философии.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Восхождение. Четверть века в походе за истиной. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015. М.: ТЕИС, 2015. 365 с.
2. *Хозяйство и мысль.* Юбилейный монографический сборник. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015 / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2015. 438 с.

References

1. *Osipov Yu.M. Voskhozhdeniye. Chetvert veka v pokhode za istinoy. 25 let Tsentru obshchestvennykh nauk pri MGU. 1990—2015. M.: TEIS. 2015. 365 s.*
2. *Khozyaystvo i mysl. Yubileynyy monograficheskiy sbornik. 25 let Tsentru obshchestvennykh nauk pri MGU 1990—2015 / Pod red. Yu.M. Osipova, E.S. Zotovoy. M.: TEIS. 2015. 438 s.*

В.К. КОРОЛЕВ

Persona grata: вольность мысли аристократа!

Аннотация. Размышляя над судьбами современной философии хозяйства, автор характеризует свое восприятие ее основоположника и лидера — Ю.М. Осипова: он выступает не просто как известный ученый, но как личность, воплощающая истинный аристократизм духа свободного научного творчества, как мощный и оригинальный «генератор» идей самостоятельного направления русской социогуманитарной мысли.

Ключевые слова: философия, хозяйство, экономическая теория, культура, гуманизация.

Abstract. Reflecting on the fate of the modern philosophy of economy, the author describes his perception of its founder and leader, Yu.M. Osipov: he appears to be not only a noted scientist, but as a person that embodies the true aristocratic spirit of free scientific creation, as a powerful and original «generator» of independent direction ideas of Russian socio-humanitarian thought.

Key words: philosophy, economy, economic theory, culture, humanization.

К юбилею, тем более столь солидному, принято всячески расхваливать виновника торжества, изошряться в комплиментах и пожеланиях; тут трудно быть оригинальным, да и нужно ли? Тем более что в брошюре, изданной к двадцатипятилетию лаборатории философии хозяйства МГУ, профессор Ю.М. Осипов всесторонне и обстоятельно охарактеризован как замечательный «...мыслитель, организатор, работник» [1]. Тем не менее позволю некоторые впечатления по поводу личности юбиляра, его творчества.

Пожалуй, трудно найти какую-нибудь сферу (не школу, не систему) социогуманитарного знания (кроме, естественно, «марксизма»), для которой один человек сделал так много, как Ю.М. для философии хозяйства. Он не просто обратил внимание на, прямо скажем, не имевшую век назад заметного значения для русского философского знания работу малоизвестного юриста-экономиста, но прозорливо углядел в ней большой и разноплановый теоретический и методологический потенциал. Реализуя его в своих многочисленных трудах, (очевидно следуя девизу Французской академии наук — «Invenit et perfecit»), Ю.М. не просто вновь открыл, «реанимировал» эту сферу знания, ввел ее в научный оборот, но создал свою, фирменную — «осиповскую» — философию хозяйства, не только более актуальную, но и более богатую «разномысленно», междисциплинарно, нежели собственно «булгаковская»; воспламенил, объединил вокруг себя единомышленников и последователей.

Это — не обычная юбилейная лесть, а, как говорится, «медицинский» факт — достаточно сравнить содержание первоисточника — «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова и трудов Ю.М. с их вольнодумством, «широкоформатной неформатностью», ментальной и мировоззренческой открытостью новому. Разумеется, «философия хозяйства» (как философия) не является «предметной» (и даже не вполне) наукой, но интенцию «беспредельности», незавершенности этой области мысли Ю.М. реализует в своем творчестве просто блестяще, ярко и откровенно. Более четверти века он подвижнически и с пророческой тяжелой радостью несет сладостную ношу вольной мысли. Как говорится, Бог в помощь!

Десять лет я знал Ю.М. только по его трудам, поэтому столь впечатляющей была моя первая личная встреча с ним в ходе III Российского философского конгресса, проходившего в Ростове-на-Дону в сентябре 2002 г. Хорошо помню, что его появление в зале, где работала секция философии хозяйства, как-то сразу повысило интеллектуальный уровень собрания, ответственность выступающих; в аудитории сразу почувствовался приход настоящего «хозяина» этого философского хозяйства! Негромкие реплики, неожиданные вопросы и замечания, деликатные комментарии Ю.М. сделали работу секции не традиционно скучноватым мероприятием — «обязаловкой», а интересной «произвольной программой». Аналогичная картина наблюдается и в работе секции философии хозяйства ростовских экономических биеннале, в которой Ю.М. участвует с 2006 г. по настоящее время, в других его встречах с единомышленниками.

За двадцать пять лет Ю.М. написал десятки монографий, сотни статей, где обстоятельно рассмотрел сложность взаимоотношений философии хозяйства с философией и экономической теорией, множество актуальных проблем социогуманитарной мысли. И каждый раз, приступая к чтению нового творения Ю.М., поневоле испытываю некоторое волнение: смогу ли верно понять всю изысканность и глубину мыслей автора, не разочаруюсь ли в его таланте «всматриваться в реальность и видеть в ней *иное*»?

Главная ментально-мировоззренческая заслуга Ю.М. как ученого — доктора экономических наук мне видится в том, что он в своей философии хозяйства выходит далеко за пределы собственно экономики, нетрадиционно обращается к традиционным, фундаментальным проблемам бытия — Мира, Общества, Человека, Познания, Добра и Зла и т. п.: показывает возможность видеть их в свете метафизического восхождения к «Иному». Это — очень серьезный, трудно реализуемый, доступный не каждому профессионально образованному философу подход! Но Ю.М. не просто справляется с ним, он делает это «фишкой» своей философии хозяйства.

Своим творчеством Ю.М., по сути, спасает ее от необходимости какого-то однозначного решения проблемы неявного, но неустранимого, имманентного выбора, с которым сталкивается любой читатель при знакомстве с философией хозяйства, — к какому берегу, философскому или экономическому, так или иначе, влечет это течение мысли, или оно должно «течь» само по себе, без этих берегов. В этом он идет много дальше С.Н. Булгакова: поняв неадекватность такого «основного вопроса философии хозяйства», Ю.М. филигранно проводит ее между «Сциллой» (экономикой) и «Харибдой» (философией), не решает его ни в чью пользу, трактует философию хозяйства как вольное, «беспредметное» размышление над метафизическими, и не только хозяйственными, проблемами бытия Человека и Общества.

По мнению Ю.М., философия хозяйства возможна как «течение мысли», постнаучное и метафизическое, но не как отрасль философии (а Булгаков, как известно, хотел видеть в философии хозяйства новое направление именно философской мысли) и не раздел экономической теории. Он изящно уходит от предметной определенности философии хозяйства, тем самым сохраняя ее в виде некоего проблемного социально-гуманитарного поля. В этом смысле какая-то, даже компромиссная, связь с указанными «берегами» несет опасность для статуса философии хозяйства. Парадоксально? Да, но зато продуктивно! Полагаю — осиповскую лабораторию философии

хозяйства можно считать своего рода прообразом «Сколкова» — места свободного «выгула» идей, их генерации и провокации, межпредметных связей. (Только вот о собственно «сколкове» уже ничего не слышно, а Лаборатория живет и здравствует, благодаря неисчерпаемой энергии ее руководителя.)

Наряду с монографическими работами Ю.М., большое влияние на меня оказали оригинальные по содержанию и часто новаторские по стилю, лексике его публикации (как главного редактора), по актуальным и часто неожиданным аспектам проблематики философии хозяйства, задающие тон интеллектуального свободомыслия, «непричесанного» умствования работе нашего любимого одноименного журнала — «луча света» в царстве академического «формата».

Новым этапом в моем понимании и осмыслении часто ускользающей и болезненно манящей проблематики философии хозяйства стал научно-публицистически-художественный цикл метафизической прозы Ю.М. — «Иное», «Requiem», «Обретение», «Наедине с Софией». Эти работы не просто расширили мои представления о философии хозяйства, но и обозначили ее интересные перспективы в теоретическом освоении актуальных проблем современности (и не только экономических), в частности, возможности бытия «Иной» России в мутящем, требующем метафизического пересмотра своих мировоззренческих основ кризисном Мире современности.

В целом мне близок, пафос этих книг, автор буквально «читает мои мысли» (или я — его?). Особенно большое впечатление на меня оказал «Requiem» — своим сочетанием глубокого научного содержания и блестящей литературной формы, труд, достойный члена союза писателей России, коим является юбиляр [4]. Главное в «Реквиеме» для вдумчивого и терпеливого читателя, на мой взгляд, — его гуманистическая «сверхзадача» по актуализации вечных, философско-богословских антропологических проблем в современных условиях *российского бытия*. Авторская трактовка творчества М.А. Булгакова дает читателю интересный и серьезный повод для размышлений по поводу современного Бытия, Человека, смысла его жизни, Бога и Антихриста, Христианства, Добра и Зла, судьбы России...

Мне как большому любителю словесности (в молодости подумывавшему о журналистике) особенно нравится лексика работ Ю.М. В присущем юбиляру самобытном, оригинальном и вместе с тем изящном, подчас поэтическом, «словотворческом» (но и «смыслетворческом») стиле Ю.М. остроумно играет словами, ярко проявляя свой талант проникновения в волшебные глубины русского языка, его умелого использования. (Правда, говоря об этом, иногда вспоминаются

рукописные, посмертно опубликованные слова Ф. Ницше о том, что одинокий мыслитель нежится и лукавит со своими мыслями, дергает их за уши [2, т. 1, 5]).

Ю.М. интересно, образно и вместе с тем вполне научно характеризует рассматриваемые проблемы. В своих работах он подчас просто балует читателя блестящими по краткости и точности определениями образами, сюжетами, очерками феноменов человека и человеческого мира, включая хозяйство, социум... цивилизацию, современность, акцентируя родные и проклятые российские проблемы. В этом Ю.М., как всегда, блещет эрудицией, проявляет свой недюжинный энциклопедизм и смелость суждений, сочетая глубину содержания с изысканностью литературных форм, демонстрирует способность системного и оригинального осмысления самых фундаментальных метафизических проблем Бытия и Мысли.

Своей метафизической прозой Ю.М. выводит читателя (по крайней мере — меня) на новую постановку главной проблемы — природы Человека, его греховности, возможности ее преодоления, по своему ставит вопрос о воспитании нового Человека, в том числе и нового субъекта экономической деятельности. Хочется поддержать юбиляра за его грустный, но честный вывод: человечество больше не может доверяться «экономике», оно должно обратиться к постэкономическому (нео)«хозяйству»; его теоретической основой и призвана стать философия хозяйства как «миф над мифами», как обоснование метафизического мира софийного хозяйствования. Ю.М. похвально настойчив в этих суждениях, хотя, подчас, в них проскальзывает понятная грусть по поводу невостребованности многих пророческих идей юбиляра. Держитесь, Ю.М., — «Dum spiro, Spero!»

Да, чтение его работ — дело, подчас, тяжелое, умственно дискомфортное. Очевидно, прав был «мученик познания» Ф. Ницше, отмечавший, «...что сила ума, пожалуй, измеряется той дозой “истины”, которую он может еще вынести...» [2, т. 2, 271]. Публикации, аудиторные выступления Ю.М. как «размышления-сомнения-комментарии-откровения», «вопрошания» и «обословнивания» дают подчас дозу тяжкую, но не смертельную, скорее — лечебно-профилактическую, поэтому в любом случае их восприятия полезны, нужны уже, как минимум, своим примером, приглашением к сладостным мукам попыток обретения размыслительной мудрости. Ю.М. как умелый психолог-стимулятор «цепляет», «покалывает» своей метафизикой «Иного» заплывший академическим «жирком» Разум, даря (в чем-то мазохистское) наслаждение умственных исканий и переживаний.

«Осиповская» философия хозяйства является своего рода хорошим «провокатором» гуманизации обществоведческого и антропологического знания, обоснования метафизических проблем (экономической теории), межпредметным «инкубатором» идей, полезных всем социально-гуманитарным наукам. Полагаю, в таком качестве «вольной мысли» она вполне состоялась и имеет несомненные заслуги. И, несомненно, главная роль в жизнеспособности философии хозяйства принадлежит юбиляру лично! Вместе с этим Ю.М. всегда прост и доступен в общении, без тени снобизма и гордыни, доброжелателен и скром.

Что же пожелать редкому аристократу духа, интеллектуалу, достигшему третьего, высшего этапа пути в иное «познавательноразмыслительное» пространство учености и вместе с тем дорожащему своими фаустовскими терзаниями утверждающегося «первоотступного» разума? У Ю.М. есть все, что нужно такому мыслителю: огромный и заслуженный, по «гамбургскому счету», научный авторитет, уважение коллег, учеников, академического сообщества.

Желать нужно только одного — продолжения своей миссионерской деятельности, дальнейшей генерации мудрых мыслей! Хочется верить, что здоровье даст ему историческое время и возможности для такой работы; какие, как говорится, его годы! Уверен, своим творчеством Ю.М. Осипов еще долго будете радовать коллег, учеников, почитателей... Ergo bibamus!

Литература

1. Двадцатипятилетие лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 1988—2013. М.: ТЕИС, 2014. 52 с.
2. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. 832 с., 830 с.
3. Осипов Ю.М. Requiem. Метафизическая проза. М.: ТЕИС, 2010. 592 с.

Referenses

1. Dvadsatipyatiletie laboratorii filosofii khozyaistva ekonomicheskogo fakulteta MGU imeni M.V. Lomonosova / 1988—2013. M.: TEIS, 2014. 52 s.
2. Nitsshe F. Soch.: v 2 t. M.: Mysl', 1990. 832 s., 830 s.
3. Osypov Yu.M. Requiem. Metaphizicheskaya proza. M.: TEIS, 2019. 592 s.

А.А. ПОГРЕБНЯК

Слушать метафизику
(к 75-летию Ю.М. Осипова)

Аннотация. Ю.М. Осипов, ученый, философ, поэт. Его призыв — слушать и слышать метафизику, в которой есть всё. Размышления и рассуждения в дни юбилея философа хозяйства.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, метафизика, философия.

Abstract. The article is devoted to Yu.M. Osipov, a scientist, a philosopher, a poet. His appeal is to listen and hear metaphysics in which there is everything. The article presents reflections and reasonings concerning anniversary.

Key words: Yu.M. Osipov, metaphysics, philosophy.

«Мне безразлично, откуда начать, ибо снова туда же я вернусь». Таковы слова, которыми Парменид предваряет свой обращенный к нам рассказ — рассказ о том, как все в мире обстоит согласно *истине*. И в то же время это слова, обращенные к самому Пармениду, причем изрекает их сама Истина. Слова эти — ясное и четкое определение того, как должно быть устроено слово философское, слово философа: так, что любое единичное высказывание должно сразу схватывать всё — пусть потенциально, пусть из какого-то «частного контекста», но — именно *всё, всё без остатка!* «Всё» — это единственная тема философии, «как есть всё?» — единственный подлинно философский вопрос. Петербургский композитор Олег Каравайчук однажды сказал о Гоголе примерно следующее: каждая фраза у него — словно аккорд, который есть в то же время полностью завершенное произведение. Гоголь и Каравайчук — один из них писатель, другой композитор — но оба едины («заодно») через пространство, время и вопреки разделению труда, поскольку оба — философы.

Теперь я процитирую почти наугад из статьи «Перемены в мире и провидчески-державный курс России» Юрия Михайловича Осипова:

«Искренний и наивный Александр Блок, этот по сути последний великий поэт Империи, призывал слушать и слышать “музыку революции”, той самой революции, от которой, когда она разыгралась во всю мощь, и получил “ужасного сполна”. Мы же, не будучи ни завзятыми поэтами, ни бойкими революционерами, призываем слушать и слышать... *метафизику*, если хотите, даже музыку метафизики, ту са-

мую метафизику, в которой есть все, а не одни лишь революционные мотивы: события и процессы; силы и слабость; геройство и трусость; верность и измены; разумность и безумие; размеренность и турбулентность, тиши и бури; войны и революции, в общем — все!» [1, 26].

Возможно, что уже из одного только названия этой статьи мне должно было бы стать ясным, что со многими вещами в ней я вряд ли буду согласен — возможно, что некоторые или даже все мои политические и эстетические оценки существенно иные, подчас прямо противоположные, чем те, которые высказывает ее автор. И в то же время я не могу не согласиться с этим *чисто философским* высказыванием о безусловном первенстве метафизической постановки вопроса. Метафизика — одно из древнейших имен философии, поясняющее, в чем же смысл этого странного занятия. Такое высказывание, такой императив — «слушать метафизику» — сразу же меняет суть дела: теперь все оценки, рекомендации, разоблачения, которые высказывает автор от своего лица — в его же собственном тексте (это вопрос: насколько философский текст может быть собственностью автора, и каков здесь смысл слова «собственность»?) оказываются тем, что *подлежит суду метафизики, ее собственного слова о Всём*. Взгляды («мнения», по Пармениду) могут быть какие угодно: радикальные или консервативные, правые или левые, модернистские или постмодернистские — но теперь, перед этим судом, они не более чем гипотезы о том, как сегодня, в нашей исторической ситуации, раскрывает себя это самое Всё.

Юрий Михайлович не считает себя «завзятым поэтом», но разве его слово не поэтично? (Разве не обвинял Мартина Хайдеггера Рудольф Карнап в том, что его философия — это просто «плохая поэзия»?). На это надо ответить: философ должен говорить так, как если бы размежевание «науки» и «искусства» еще не произошло — и оттого часто ему приходится выходить за рамки конвенционального языка той области (например — науки о хозяйстве, «экономической теории»), *исходя из которой* он задается вопросом о том, как есть опять-таки это самое Всё (как экономика участвует во Всём и что претерпевает само Всё, примеряя на себя форму экономики — вспомним в связи с этим тезис Сергея Николаевича Булгакова об «экономизме» как господствующем мировоззрении современности). Да, язык (и образ мысли) Юрия Михайловича может раздражать «ученого» — и по праву, ведь сам этот язык также возникает из раздражения, порождаемого «позитивной наукой», ее языком и ее постановкой вопроса, которая (как принято считать, по праву) исключает из рассмотрения упомяну-

тое Всё в силу его «беспредметности». Наука мыслит себя «преодоленной» метафизику, но разве «научное» определение метафизики (например: ложное знание о том, что не подлежит верификации или, скажем, фальсификации) не говорит о метафизической природе самой науки — о том, что она построена на вытеснении своего изначального интереса? Конечно, есть смысл различать метафизику и науку, а также метафизику и диалектику (хотя для «позитивной науки» диалектика тоже метафизика¹) — но только если не упускать из виду, что и наука, и диалектика возможны лишь как выражения изначальной *метафизической природы человека*: «человеческое» в человеческом животном есть *трансцендирование* всего «от природы данного» — а вот то, к чему это трансцендирование ведет, и есть то самое Всё, которое лишь впоследствии будет как-то определено и поименовано (Космос, Бог, Природа, Свобода, Справедливость), станет «традицией» и, таким образом — обяжет к своей дальнейшей трансценденции. (Отсюда понятна проблематичность всякого гуманизма: человек остается человеком, только становясь «неочеловеком», а это невозможно без горизонтов «постчеловеческого», «нечеловеческого» и, в первую очередь, «слишком человеческого» во всей сложности их переплетения.) Поэтому если Юрий Михайлович, например, ратует не за Революцию, но за Традицию — то читателю не надо забывать, что *прежде этого* он слушает метафизику, музыку метафизики: а значит, слышит (и доносит услышанное до нас), что Революция — тоже часть нашей Традиции, более того, есть и Традиция в самой Революции (опыт классовый борьбы и т. п.).

Если согласиться со сказанным, то становится очевидной необходимостью говорить о трансцендентности в экономике и хозяйстве:

¹Примечателен пример Карла Маркса: он претендовал на научность своей теории, но в то же время был диалектиком *и* (парадокс! парадокс ли?) оставался метафизиком — не в том смысле, что полагал некую «абсолютно запредельную» сущность, а в том, что рассматривал это самое «мета-» (или «транс-») в качестве *способа бытия* человека, его сущностной *историчности* (в рамках которой становится понятной и неизбежность появления всяких мистических «вещей», в том числе и в рамках «всецело рациональной» экономики — таков, как известно, товар, эта «чувственно-сверхчувственная» вещь). Диалектика есть ритм, логика этой метафизики — а наука должна быть воспроизведением в дискурсе именно этой диалектики, а не абстрагированной (вырванной из контекста) фетишизированной предметности. Сходной с позицией Маркса в отношении политической экономии будет позиция Зигмунда Фрейда в отношении экономии психической.

утверждать, как иные критики Юрия Михайловича, что «в стоимости нет ничего трансцендентного или трансцендентального», значит, скорее всего, просто не понимать значения этих философских категорий. Возможно, в некоторых своих размышлениях он и дал повод к тому, чтобы понимать трансцендентность по преимуществу в мистическом ключе, как нечто принципиально непознаваемое. Но, даже если так, то все-таки остается различие между рассудочным познанием и разумным мышлением, и здесь уже нет никакой мистики. А то, что о трансцендентном мы *мыслим* (пускай и не познавая его, в позитивистском понимании познания), Юрий Михайлович никогда не отрицал. Но важно еще и другое: разве в современном мире сама экономика не трансцендирует собственные пределы? Разве вся история западной цивилизации — не история «стоимости» как того, что трансцендирует (превосходит) любые положенные ей пределы (границы ойкоса, полиса, наконец, даже и космоса, выходя в хаос!)? В этом — правда, к примеру, Жана Поля Сартра, увидевшего в логике безудержного самопреодоления единственно адекватную современности форму онтологии (это не значит, что ее саму не следует пытаться превзойти!). На этом и только на этом фоне становится ясно следующее положение Юрия Михайловича Осипова: «Вот почему философия хозяйства — не отрасль науки и не раздел философии, тем более богословия, а самостоятельная сфера человеческой мысли, в ядре своем способной, как чудесный ларец, вбирать в себя все и вся, служить, как какой-нибудь магический кристалл, просмотру и осмыслению всего и вся, и, наконец, быть, как сказочный плодотворный очаг, источником мысли для всего и вся. Это-то и показал Булгаков, хотя это-то менее всего и было современниками и потомками замечено и достойно оценено» [2, 15].

Эти слова взяты из другой статьи с характерным названием: «С.Н. Булгаков: век одиночества». Одиночество здесь момент принципиальный, неслучайно уже упомянутый Хайдеггер включил его в триаду основных понятий метафизики (два другие — мир и конечность), чему был посвящен его знаменитый одноименный курс 1929—1930 гг. Скажем так: это одиночество мыслителя-метафизика есть одновременно и неизбежное следствие, и необходимое условие его рода деятельности — ведь его задача задержать и сконцентрировать внимание на том, что обыкновенно мгновенно ускользает как не-реальное, не-предметное, не-значимое и т. п. То, что обыкновенно остается без внимания: *сам* мир, а не то или иное его «преобразование» (научное, политическое, экономическое). Именно в таком метафизическом клю-

че, как мне кажется, следует прочесть следующее, казалось бы, сугубо эмпирическое, практическое положение Юрия Михайловича: «Остальной мир обязан выдвинуть свой *общемировой проект*, к примеру — *планетарной равноправной кооперации и планетарного солидаризма*, и заставить имперско-передовой мир его принять, для чего сам остальной мир должен имперски же сконсолидироваться» [1, 21].

«Солидарность», «консолидация» и *одиночество* (solitudo) — слова одного корня. И мы видим здесь требование принять в расчет то, что обычно (таково обыкновение нынешней «имперско-передовой» силы) как бы выносится за скобки, не рассматривается в качестве имеющего реальное значение. Можно спорить, так ли уж обязательно мыслить этот процесс под знаком Империи, но есть в этом положении и нечто, я думаю, совершенно бесспорное. Расставлю акценты немного иначе: *остальной мир* должен выдвинуть *общемировой проект*. Общее — а это и есть *мировое* («космический коммунизм бытия», «софия мира»), о которых по-разному, но со-гласно говорили Булгаков, Лосев, Биbihин) – повсеместно оказывается «остальным», «остатком», едва ли не *отбросами* — уделом одиночки-метафизика, которым парадоксальным образом в основе своей является каждый из нас. Это общее, коллективное одиночество, переживаемое подчас совершенно физически, и есть метафизическое основание искомой солидарности.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Перемены в мире и провидчески-державный курс России // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
2. *Осипов Ю.М.* С.Н. Булгаков: век одиночества (к столетию выхода в свет работы С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» и защиты им в Московском университете одноименной докторской диссертации) // *Философия хозяйства*. 2012. № 4.

References

1. *Osipov Yu.M.* Peremeny v mire i providcheski-derzhavnyj kurs Rossii // *Filosofiya khozyajstva*. 2012. № 5.
2. *Osipov Yu.M.* S.N. Bulgakov: vek odinochestva (k stoletiyu vykhoda v svet raboty S.N. Bulgakova «Filosofiya khozyajstva» i zashhity im v Moskovskom universitete odnoimennoj doktorskoj dissertatsii) // *Filosofiya khozyajstva*. 2012. № 4.

В.А. КУТЫРЁВ

Признательное заявление

Аннотация. «Феномен Осипова». Мой опыт общения с ученым, свободным духом, — лидером современной школы философии хозяйства.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, философия хозяйства.

Abstract. «Osipov's phenomenon». The article presents my experience of communication with the free-spirited scientist who is a leader of modern school of philosophy of economy.

Key words: Yu.M. Osipov, philosophy of economy.

Можно уверенно утверждать, что по случаю юбилея Юрия Михайловича все будут говорить о «феномене Осипова», его уникальности. Потому что так оно и есть. И это будет не уникально, а банально. Мне отдать должное юбиляру тоже хочется, даже очень, но как избежать ненужной никому и ему самому восхваляющей тавтологии — вот проблема. Эта трудность как-то преодолима, если объективный портрет будет складываться из субъективно личного опыта общения с ним.

Оказывается, когда в 1965—1970 гг. я учился на философском факультете МГУ, Ю.М. Осипов был секретарем университетского комитета комсомола. Но мы не пересекались. Только дышали одним воздухом того времени. Секретари Комитета в Высотном здании в представлении рядовых студентов обитали на седьмом небе, да по правде говоря, энтузиасты познания, заря(а)женные стремлением к достижению его идеала, скептически относились к их деятельности. Считаю, что туда шли люди, променявшие свои творческие таланты на социальную карьеру или вовсе их не имевшие. Случай Ю.М. свидетельствует, что это упрощенное (само)мнение теоретических волководиночек, каким студентом был я и, может быть, остаюсь, способных жить только в бумажно-виртуальном лесу. А реально в данном факте его биографии, по-видимому, дала о себе знать предпосылка к роли ученого-организатора, когда в человеке счастливо соединяются мыслительные и волевые качества. Тогда мы имеем харизматических лидеров, создателей школ и направлений, теоретиков-учителей. Большая редкость, особенно в сфере гуманитарного знания.

Но вот получилось. Экономика и философия, производство и культура рассматриваются в работах его самого и последователей во взаимной связи, вернее нет, не «в связи» отдельных сущностей, а как напряженные стороны одного = единого континуума Хозяйства. Это именно то, чего не хватает современным экономистам, оснащенным изощренным математическим аппаратом раз за разом абсолютно точно решающим множество мелких проблем по пути к основной ошибке. Потому что даже не ставят задачи считаться с политическими (это был бы уже марксизм, «преодоленная» политическая экономия), психологическими («субъективизм», недопустимый в точных науках), культурными (веберовский «идеологизм») особенностями какой-либо страны или эпохи. Из-за чего экономические кризисы всегда застают их как простых обывателей — врасплох — и не предсказываются никакими нобелевскими лауреатами по экономиксу.

Философии хозяйства тоже вряд ли стоит претендовать на подобные предсказания. Она, однако, хотя бы правильно ориентирует нашу мысль, показывая, что дело здесь не в количественной «точности», а в качественной адекватности представлений о происходящих процессах, т. е. в учете их многомерного, нелинейного характера. Что содержанием жизни, в том числе социальных отношений, является не один эгоистический интерес, чистый разум и логика, а Дух народа и времени, включающий в себя кроме знаний и сознания — бессознательное: веру, страсти, желания, иногда свободную волю, а чаще... Рок — как объективную детерминацию настоящего будущим. Если не решать, то хотя бы размышлять, не манипулируя формулами в пу(чи)стоте, а пытаясь сохранять себя, адаптироваться в этом сверхсложном хаосе — уже полезно, более содержательно и, в конце концов, более интересно.

В плане интересной, необычной мысли Ю.М. Осипов действительно уникален. У него много неологизмов, но не из слов, а из смыслов и идей. Слова потом. Очень свободный дух, совершенно не боящийся нарушить правила научного письма. Многим другим это бы не сошло, сочли неакадемичным, «непечатным», а тут почему-то получается красиво. «Остранение», которое освежает привычные и раскрывает новые возможности языка. Русского, родного. Дар стиля. Такой, что кажется, будто он пишет лучше, чем говорит. Талантливый человек, как правило, плодотворен, отсюда обилие статей, эссе, книг, при этом не по одной экономике, но и культурологического характера, о художественной литературе, по философии. И всегда получаешь «удовольствие от текста».

Здесь уместно признаться, почему, несмотря на нередкие предложения написать рецензию на ту или иную его философскую монографию, я от этого уклоняюсь. Признаться добровольно и честно, не нуждаясь в детекторе лжи. У меня получаются рецензии, если они в основном критические. В отношении работ харизматического лидера, который сделал лично для рецензента много доброго, покровительствуя провинциальному автору (включен в редколлегию журнала «Философия хозяйства», избран действительным членом Академии хозяйства, награжден серебряной медалью имени С.Н. Булгакова и прочее), который, по крайней мере, по статусу, еще и младше его, настроиться на критический лад трудно. Не за что зацепиться, возмутиться, озлобиться. Не хочу, хотя, кажется, Автора это иногда удивляет. Но надумывать текст, боясь как бы (не)обидеть, балансируя среди плюсов и минусов, никому не нужно. Не могу.

Могу лишь не удержаться от одного, скажем так, предостерегающего соображения. В последнее время при рассмотрении тех или иных болезненных, тревожных для судеб человечества вопросов в его работах появляются некие упования на «Иное», которое придет на смену существующим угрозам, злу (в экономике, обществе, человеке). Это *иное* будет более совершенным, может быть, и телесно, тем идеалом, к которому надо стремиться. Таких упований все больше. Но если помнить о контексте, то: с учетом реальных тенденций отрицания существующего человека и замене его «усовершенствованной моделью», что предлагается в трансгуманизме и без(д)умными технократами вообще, разговоры вокруг *иного* фактически означают отказ от идентичности человека как такового и соответствующего ему жизненного мира, нашей = Homo Genus онтической реализации возможного. Это благие намерения, которые де факто означают «скольжение к антропологической границе» (С. Хоружий), или, как я позволил себе в одной книге утверждать, к *Mortido*. Влечение к смерти. Как обычно незаметно, они ведут в ад, the road to Hell. «Инонизм» — путь самоапокалипсиса, пролагаясь и подпитывая себя теоретически, он параллельно перерастает в социально-антропологический.

Юрий Михайлович, пожалуйста, не надо. Игра с огнем. Давайте защищать *этого* человека, его уникальное «несовершенное совершенство». Иное, иные позаботятся о себе сами. Роботообразные уже заботятся. Кто умственно не ослеп, может видеть, как идет восстание техноидов. Подумайте, в московском метро теперь не просто всех наблюдают, а «отслеживают нестандартное поведение». По выражению лиц, по жестам. Будут выхватывать и допрашивать. Все под предлогом «борьбы с терроризмом». По программам «совершенный — безопас-

ный город». То же самое будет с улицами. Чипизируют собак, вот-вот начнут очиповывать детей, «чтобы всегда знать, где находятся», в передовых странах всех — сначала «на рабочих местах», потом чтобы жить в «умных домах», потом... Каждый день поток сообщений о новых и новых достижениях по манипулированию человеком. Я уже не говорю, что намереваются делать и делают с нашими головами, превращая образование в программирование. Дистанционное. Посмотрите на лица руководителей этого процесса — они все еще похожи на людей, но их сознание перезагружено, переформатировано силами иного. Его первые типичные носители, легкие зомби. Потом придут undead, тяжелые. Понятно, почему они не любят философию, в том числе и хозяйства. Любые размышления сверх технологий, мировоззренчески дальше хода e-2—e-4, о целях и смыслах деятельности, для них опасны. Все как в антиутопиях и пугавших голливудских фильмах о порабощении человека техникой. Теперь, кажется, подобных перспектив перестают бояться. Миром, живыми людьми начинают править их отрицательные герои. Революция мутантов!

И последнее, хотя не совсем праздничное, скорее рабочее заявление признательности юбиляру как забота о дальнейших перспективах его дела. К несчастью для индивидов и к счастью для рода, люди не бессмертны. Происходят обновление жизни, смена поколений. Мне, рядовому соратнику Центра общественных наук, причисляющему себя к сторонникам философии хозяйства, хотелось бы более явственно видеть, как лидер этой школы пестует своих преемников, продолжателей его идей и дел. Находит, выдвигает их, как они его теснят, «подсигивают», постепенно забирая себе руководящие функции. Готовятся поддержать «бренд» создателя школы, который, отбирая лучших, снисходительно им потворствует (возможно, это происходит, я просто не знаю, издали не видно). Философия хозяйства в любом случае останется в истории, по крайней мере, российской теоретической мысли, но хотелось, чтобы ее высшие достижения были подхвачены последующими консервативными носителями будущего, способными бороться за сохранение настоящего и памяти о прошлом. За бытие, а не прогресс ради прогресса в ино(ни)куда. Так продлимся.

Итак, продлимся...

В. ДРАШКОВИЧ

**Великий создатель
(к 75-летию Ю.М. Осипова)**

Аннотация. Знакомство с удивительным человеком с широкой русской душой — творцом, создателем, ученым, борцом за истину, философом хозяйства Юрием Михайловичем Осиповым.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, ученый, творец, философ хозяйства.

Abstract. The article presents an acquaintance to an amazing person with a Russian soul who is a creator, a scientist, a fighter for truth, a philosopher of economy Yuriy Mikhaylovich Osipov.

Key words: Yu.M. Osipov, scientist, creator, philosopher of economy.

Четверть века назад я начал читать лекции в Школе магистров экономического факультета МГУ. Тогда профессор А. Худокормов познакомил меня с представительным, седым, пятидесятилетним коллегой, который встретил нас сердечно, с улыбкой и искренней добротой, был простым, как и все великие создатели, непосредственным, близким и гостеприимным. Необычно обычным. На стенах его кабинета — пейзажи России, пронзительные и многомерные, множество журналов и книг, стопки газет на столах. Я сразу же увидел специфическую и широкую русскую душу. С тех пор всегда, когда бываю в Москве, что бы ни происходило, несколько часов провожу с ним. Только одно свое обещание он пока не выполнил — не приехал в Черногорию! Но сказал, что обязательно приедет!

Нелегко писать об универсальных и изобретательных авторах — таких, как Юрий Михайлович Осипов. О нем уже все известно, все уже сказано и написано. Больше всех о себе сказал он сам — своими гениальными произведениями различной тематики и содержания. Его необыкновенные, продуманные тексты — мудрые и оригинальные, с особым стилем, смелыми параллелями, метафорами, иронией, критикой, историческими аналогиями, философскими интерпретациями и объяснениями физической и метафизической реальности, необычными идеями и т. д. делают его научные опусы очень редкими и

долговечными. Профессор провоцирует читателей, рождает в них вдохновение, волнение и восхищение, вызывает жажду читать его вновь. Я убежден, что каждый знающий и читающий его человек мог бы сказать: цель его работы — борьба за правду, Россию и православие, за уважение знания.

Целенаправленные научные тексты Ю.М. Осипова предназначены в основном для профессионалов. Их понимание требует глубокого знания философии, истории, экономической теории, истории экономической мысли, *философии хозяйства* и ряда других важных экономических дисциплин. Синергия этих дисциплин и является тонкой нитью, из которой соткана научная душа его трудов.

Это как раз тот отличительный, честный, крайне открытый, убедительный и компетентный способ, которым профессор Осипов доказывает, что экономика не мистика, не секрет, даже не ценность Божья. А Бога он упоминает, я думаю, из-за отсутствия хозяина, интересного и оппортунистического поведения, которое на практике — всегда и по существу — монополистическое, а в теории сопровождается «алиби-апологетикой». Он справедливо замечает, что это приводит к сокращению выбора и свободной конкуренции, извращению экономической реальности, доминированию лоббистически-сетевому меньшинства, которое беспощадно контролирует, эксплуатирует и маргинализирует дезорганизованное большинство. Он все это мастерски, смело и умно критикует.

В поисках *Истины* профессор интеллектуально раскрывает философские и реальные различия между кажущимся и реальным. И не только различия, но даже туманную границу, которая часто лежит под слоями ошибочных и/или рассчитанных интерпретаций, заблуждений, догм, невежеств, бесплодных разработок, апологетических объяснений и многого из того, что я часто называю «экономическим klototrizmom (бульканьем)», — мягко говоря, «продажей тумана». Современные «klototristi» (бульканисты, «продавцы тумана») больше всего похожи на вечных коммунистов, так как безгранично и нечувствительно потребляют нерыночно заработанное богатство и используют ту же большевистскую идеологию: говорят одно, думают второе и делают третье. Вероятно, Ю.М. в своем собственном стиле здесь добавил бы: они не заботятся о Боге, об Истине, о неравенстве, бедности, проблемах, кризисах. Они не соблюдают правила игры и приводят к неокOLONIALИЗМУ, полному контролю и неоимпериализму.

И опять же, в его литературном стиле одно из моих (комплиментарных) замечаний: может, В.И. Ленин нашел вечную

экономическую истину в своем гениальном и пророческом труде «Империализм как высшая стадия капитализма»? Потому что, как мне кажется, история действительно повторяется в своих мрачных прогнозах. Разве неконтролируемые центры силы империалистически не злоупотребляют ею в своих собственных интересах? Разве экономическая свобода, конкуренция, частная собственность и предпринимательство как массовые явления не остались только лозунгами и обещаниями? Разве государственная собственность не разрушилась в спешке и не превратилась в частную собственность немногих привилегированных групп лиц?

По этим причинам, возможно, в контексте *поисков истины* Осиповым следует эту истину искать в безответственности государства в период постсоциалистического перехода, когда она была инструментом на службе редких (привилегированных) пользователей и когда она имела покровительственно-перераспределительную роль, скрытую под обличем неолиберальной (квазирыночной) стратегии.

«Прогулка», «променад» Ю.М. Осипова по философии хозяйства грамотно ведет по главным магистралям и дорожкам, раскрывая практические и теоретические ошибки современной экономической политики государства, критикуя ее различные аспекты. Это настоящий академический способ разоблачения всех мифов, догм и неграмотных поворотов в науке и практике и указывания на экономические и стоимостные альтернативы. Он вложил огромные творческие усилия и энергию как автор, организатор, руководитель и издатель в не самое благоприятное для книги и для творчества время. Долгий и общий кризис исказил стоимостные критерии, предпочтения, потребности и мотивации, обремененные борьбой за выживание. Это увеличивает научный вклад и важность больших и малых произведений Ю.М. Осипова, которые переживут время.

Многие его произведения являются «праздниками» российской экономической и философской мысли. Праздники существуют, чтобы их отмечали. Мне повезло — я счастлив — как его друг и автор его изданий могу быть одним из участников в этом праздновании.

Поздравляя Юрия Михайловича с 75-летием, хочу, чтобы он был здоровым в течение длительного времени и всегда творчески настроен!

Я держу тост для его будущих праздников!

А.В. КУЗНЕЦОВ

Архитекторам русской максимы

Аннотация. Выдвинут тезис о несовместимости жизнеутверждающих мыслей с их коммерциализацией. Обоснована исключительная роль философии хозяйства как генератора русской цивилизационной максимы.

Ключевые слова: научная школа Ю.М.Осипова, философия хозяйства, русская цивилизация.

Abstract. The article reveals the incompatibility of life-affirming thoughts and their commercialization. The role of philosophy of economy as a generator of Russian civilization maxim is discussed.

Key words: Yu. M. Osipov' scientific school, philosophy of economy, Russian civilization.

Сегодня мы ежедневно и ежечасно пользуемся плодами трудов и умственных усилий людей, которые жили и творили десятилетия, столетия, тысячелетия до нас, отдавая себе отчет в том, что они работают для потомков.

Именно это объединяет и древнегреческого мыслителя *Сократа*, и древнеримского философа-стоика *Сенеку*, и австрийского поэта *Рильке*, и английского историка *Бокля*, и немецкого мыслителя *Шпенглера*, и многих, многих других.

Сенека свой основной философский труд создал в форме писем к своему другу Луцилию [3]. Рильке гениально раскрыл природу поэтического творчества в «Письмах к молодому поэту» [5]. Бокль, в процессе двадцатилетней работы над главным трудом своей жизни — «История цивилизации в Англии» [1] — избегал какой-либо публичности, а Шпенглер редко покидал свою квартирку в Мюнхене, в которой и предвидел приход на смену западной цивилизации новой мировой культуры с духовным центром, расположенным в России («третье христианство») [4, 659]. Никто из них в бытовом, материальном плане не обогатился плодами своих размышлений.

Стремление к коммерциализации идей означает уход от служения истине и не совместимо с подлинным творчеством. Да, Сенека и

Бокль были людьми состоятельными, поэтому коммерциализация идей их вряд ли бы заинтересовала, но Рильке и Шпенглер, хотя и жили без особого достатка, все же не беспокоились о повышении своего имущественного статуса. Куда в большей степени их мозг занимал процесс формирования оригинального мировоззрения через поиск пространственных и временных взаимосвязей. Сократ настолько был увлечен общением с другими, что не успевал даже записывать свои мысли, которые дошли до нас исключительно из произведений его учеников.

В современном же мире коммерциализация идей превратилась в эффективный инструмент создания «добавленной стоимости». В эпоху высокоразвитых товарно-денежных отношений, вооружившись «железной» логикой и силой убеждения и отбросив моральные принципы, зарабатывать на идеях стало несложно.

В настоящее время искушения «золотым тельцом» не выдерживают многие ученые, писатели и даже философы, которые возжелали получать выгоды от своих идей «здесь и сейчас». Слова-коды с бесчисленным множеством эмоциональных комбинаций, эти интеллектуальные импровизации, приводящие слушателей в состояние экстаза, способны создавать сильнейшие образы, которые через ассоциативные потоки нашего подсознания преломляются в самые твердые убеждения.

Человечество неоднократно в своей истории находилось на краю пропасти, но в критические моменты обязательно появлялись личности, которые удерживали его от окончательного падения. Они находили для своих мыслей такие слова, которые проникали в самую глубину человеческого сознания, совершая там чудеса преображения. Выработывая в себе противоядие против порочной животной стороны своего существа, человек встряхивался и возрождался очищенным и обновленным.

Одним из самых замечательных периодов подобных переворотов был опыт СССР. Придав жизнеутверждающей мысли четкое словесное выражение через максимум «строительство коммунизма», впервые в истории человечества СССР реализовал на практике новую форму жизнеустройства социума. Вот тогда и был осуществлен прорыв человека в сферу своих вездельных способностей, обеспечивший ему выход за пределы земного существования — в космическое ноосферное пространство.

Но СССР не суждено было долго удерживаться на высоких рубежах из-за неспособности его политической элиты обеспечивать со-

блюдение главного принципа социалистического общества — «от каждого по способностям, каждому по труду».

Сегодня необходима критическая переработка этого опыта. Мысль материальна. Устремленная ввысь мысль-максима способна увлечь за собой критическую массу населения Земли. Ретранслятором и рупором современной максимы выступают философы хозяйства, перерабатывающие весь массив мертворожденной информации современного экономического мейнстрима в качественно новую субстанцию, очищенную от налета вездесущего утилитаризма, квазирыночной коммерциализации и суеты бытоустройства.

Философия хозяйства оттачивает максимум русской цивилизации — трансцендентной, метафизической, софийной, открытой, гибкой, импровизационной, творческой [2, 20]. Философия хозяйства высвобождает человека из летаргических объятий космополитического потребительского каннибализма, возвращая его на жизнеутверждающую орбиту русской иномирнической свободы [2, 27].

Роль личности в истории невозможно переоценить. Любая максима требует своего Прометея, Буревестника, Глашатая, Первопроходца, Организатора, Вдохновителя, Покровителя, Скалистой Глыбы, на основании которой кирпичик за кирпичиком выстраивается здание Нового знания и понимания. Все эти качества воплотил в себе Юрий Михайлович Осипов — бессменный инициатор и создатель уникальной интеллектуальной платформы, в течение десятилетий объединяющей разрозненных одиноких, и не подозревавших о существовании столь разносторонних и глубоких единомышленников. Без этого универсального форума многие идеи так и остались бы не рожденными и не высказанными, а тернистый путь философии хозяйства не был бы пройден и пережит в умах и сердцах теперь уже многочисленных почитателей творческого таланта и выпускников научной школы Ю.М. Осипова.

Литература

1. *Бокль Г.* История цивилизации в Англии. Пер. А. Н. Буйницкаго. С.-Петербург: Типография Ю.Н. Эрлихъ, 1896.
2. *Михайлов Ю.* Невразумительное чтение, или Книга ни о чем и ни для кого. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015.
3. *Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.

4. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Минск: Попурри, 1999.

5. *Rilke R. M.* Briefe an einen jungen Dichter. Frankfurt am Main und Leipzig: Insel Verlag, 1995.

References

1. *Bokl' G.* Istoriya civilizacii v Anglii. Per. A. N. Bujnic-kago. S.-Peterburg: Tipografiya Yu.N. EHrl'ih, 1896.

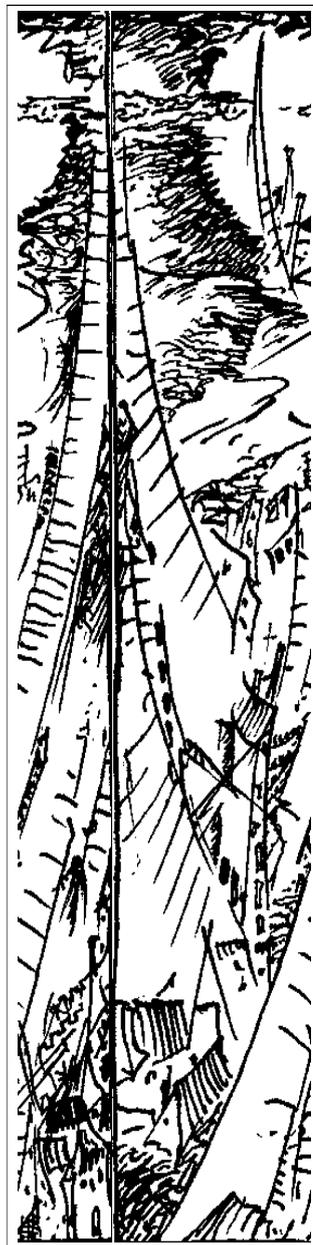
2. *Mihajlov Yu.* Nevrazumitel'noe chtivo, ili Kniga ni o chem i ni dlya kogo. M.: Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015.

3. *Seneka L.A.* Nravstvennye pis'ma k Luciliyu. M.: Nauka, 1977.

4. *Shpengler O.* Zakat Evropy: Oчерki morfologii mirovoj istorii. Т. 2.

II

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение*

Аннотация. Влияние этнонационального сознания на хозяйственное поведение неоспоримо, хотя сила и значение этнонационального фактора как будто бы ослабевают в современном мире. Так это или не так, в особенности для России? Наряду с нивелированием этнонациональных различий по образу современного бытия имеет место усиление роли этнонационального фактора в связи с ростом потребности в суверенном и самостоятельном бытии стран, наций, государств. Что характерно для нынешней России — стирание своей специфики или, наоборот, ее усиление?

Ключевые слова: хозяйство, название, этнос, нация, культура, история, глобализм, суверенитет, Россия, США, Европейский союз.

Abstract. The article is devoted to incontestable influence of ethnonational consciousness on economic behavior though force and value of an ethnonational factor weaken in the modern world. The author argues that along with leveling of ethnonational distinctions on an image of modern life, a role of an ethnonational factor strengthens in connection with growth of need for sovereign and independent life of the countries, nations, states. What is actual fact for present Russia, deleting of the specifics or, on the contrary, its strengthening?

Key words: economy, names, ethnos, nation, culture, history, globalism, sovereignty, Russia, USA, European Union.

Зависимость (хотя бы корреляция) хозяйственного поведения от этнонационального сознания (антропохарактера и культуры) очевидна. Вся человеческая и хозяйственная история об этом свидетельствует, но и современность это подтверждает. Даже сейчас, в эпоху унифицирующих технологий, стандартов, товарообменов, культурных (и антикультурных тоже) новин, интенсивных (хаотичных) миграций и вооб-

* Текст вступительного доклада на международной научной конференции «Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение» (МГУ, экономический факультет, 16.06.2016).

ще глобализации мирового бытия, этнонациональные особенности достаточно выражены и никак почему-то не исчезают.

Американцы выглядят американцами, европейцы — европейцами; северные европейцы — не южные, западные — не восточные, а что говорить о китайцах, индийцах, разного рода мусульманах, латиноамериканцах, африканцах и других этносах, народах, больших и малых регионах, нациях, континентах?

Даже единообразие (не то, что однообразие) не может одолеть разнообразие, присущее человечеству, его сознанию и хозяйствованию.

И дело тут не в одном генетико-культурном историческом наследии, не в генотипах и архетипах, не в консерватизме и инертности, даже и не в живительном разнообразии как таковом, а и в том, что называется ликом, личностью, действующим лицом, субъектом, разумеется — всегда качественно особенным, но при этом и по возможности — самостоящим — бытующим по-своему, хотя редко когда воистину самостоятельно и независимо.

За этнонациональным сознанием стоит не одна «окраска», там прячется и «самость», не дающая «окраске» выцвести и исчезнуть, как и вдруг стать... другой.

Настоящее испытание на прочность этнонациональных «окрасок» и «самостей» проходит сегодня Европа, объединившаяся в Европейский союз. «Окраски» пока в совокупности, «самости» еще наличествуют, а... «межплеменные» противоречия в ЕС нарастают, а сам ЕС, хоть и держится, но уже и весьма потрескивает. Кризис! Европейского монолита не получается, конгломерат же не очень жизнеспособен, союз неоднозначен и... неустойчив! Выйдет ли в Европе что-то подобное реальным Соединенным Штатам?

США тоже ведь не монолит, хотя и не союз народов — всего лишь смесь народов, и как будто бы там единый американский народ, но... англосаксы с другими белыми европейцами — одно, афроамериканцы — другое, азиаты — третье, мексиканцы — четвертое... и все почему-то не становятся одинаковыми, не теряют этнических черт, охотно воспроизводят свои генотипы и архетипы.

Вот и СССР был «союзом братских народов», имевших в отличие от США и в копию с ЕС конкретные территории своих исторических пребываний, да вот взял СССР и распался, хотя и не насовсем, сохранив многонародную Российскую Федерацию.

Пережив глубочайший общий кризис, Российская Федерация как многоэтнонародное образование не исчезла, а сохранилась, даже

нашла в себе силы укрепиться, а сейчас уже и на этнонациональном (патриотическом) подъеме!

Не будучи аналогом ни США, поднимавшихся с чистой доски, ни ЕС, объединившим «готовые» нации, еще и великие, бывшие имперские, высокоразвитые, Российская Федерация, скрепляемая Русью и оказывающаяся Россией, идет своим особым устройственным и историческим путем. Попытка мирового глобализма прихватить Россию и поставить под свою хитроумную длань не удалась: Россия предпочла субъектность, личностность, самостоятельность.

Вопрос «Быть или не быть?» решился в пользу «Быть!», правда, не без меча в российской руке!

Самостность предполагает так или иначе опору на собственные силы, на свое сознание, свою созидательную инициативность, свой способ бытия и хозяйствования — и все это на базе учета и использования общемирового опыта: индустриального, неоиндустриального, высокотехнологического, нанотехнологического, но и менеджериального, конструкторского, операторского, любого иного.

Да-а, опыт этот мировой в основном евроамериканский, хотя уже и японо-юго-восточный, частично китайский, т. е. в той или иной степени... этнонациональный, что лишь подтверждает силу и значение вообще «этнонациональства».

Российское население разнообразно по этнонациональному признаку, а соответственно и российскому сознанию с российским хозяйственным поведением, но различия тут не настолько концентрированы и глубоки, чтобы помешать возможности общего и вполне эффективного хозяйственного отправления. Все этносы и народы не только имеют свое жизнеотправное местоположение, но и находят приемлемую позицию не то что в общественном хозяйственном разделении, а скорее в хозяйственной структуре российского общества, разумеется, без какой-либо намеренной официальной дискриминации (о бытохозяйственных коллизиях мы здесь не говорим: они есть, и ими необходимо усердно заниматься, для сего и существует особого рода воспитательно-нивелирующая деятельность).

Для российского образа бытия, коллективного сознания и способа хозяйства характерна великая роль государственного, властного, центровского фактора, как и единой для страны и ее народов национальной идеологии.

И бесполезно это отрицать: против этого выступать, с этим усиленно бороться! Негативистское диссидентство может устроить в стране беспорядок и даже хаос, но... всегда и к глубокому разочарованию диссидентства... порядок возвращается в то же самое русло, пусть

с изменившимся ликом и даже телом, когда центральная власть опять во главе страны, от нее все самое главное исходит, а граждане ей подчиняются, служа стране, истории, будущему. Власть в России (в стране, кстати, совершенно имперской) всегда сильнее всего, даже и денег!

Россия — это Россия! И не надо из нее делать ни США, ни ЕС, ни КНР, ни еще что-нибудь. Разумеется, России надо меняться, модернизироваться, идти вперед, а для этого нужен креативный класс, которого так сейчас стране не хватает. Но он есть, и власть должна им заниматься, растить, однако и воспитывать — идеологически. Трудно, не совсем и ясно, почти невозможно, а... надо!

Россия сейчас вовсе не сама по себе, она в центре мировых событий, в главном на сегодня потоке истории, и, что очень важно, в противостоянии, да не с кем-нибудь, а чуть ли не со всем миром, во всяком случае — с передовым, Западным, Евроамериканским. И это не только силовое, но и концептуальное противостояние, еще и «фьючерсное» — на будущее и за будущее — залог движения нынешней России, несмотря на все трудности, препятствия и зигзаги, не только по этнонациональному российскому, но и по новому, уже общечеловеческому (и тоже российскому), пути.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Человек и мир Иного

И раскаялся Господь, что создал человека Земле, и воскорбел в сердце Своем.

(Быт. 6: 6)

Аннотация. Исследуются истоки трагизма современного человека, теряющего сущность и растворяющего свое существование в инфернальных и виртуальных сетях. Предлагается альтернативная смысловая перспектива мира Иного, проекты которого представлены русским фольклором, Платоном, Гегелем, православием, софиасофией. Мир Иного довольно неопределенный, не позволяя сочинять о себе утопии, но этот мир достаточно определенный, чтобы указать перспективы человеку, исчерпавшему смысловые ресурсы религий, науки, философии, технологий, и увидевшему себя в окружении черных дыр.

Ключевые слова: человек, кризис, Иное, смысл, пространство.

Abstract. The article is devoted to sources of tragic elements of the modern person losing essence and dissolving the existence in infernal and virtual networks. The author offers an alternative semantic prospect of a world of Other which projects are submitted by the Russian folklore, Platon, Hegel, Orthodoxy and by sophiasophiya. The world of Other is quite uncertain, without allowing to compose about himself utopias, but is rather certain to specify prospects to the person who settled semantic resources of religions, sciences, philosophies, technologies and seen himself in an environment of black holes.

Key words: person, crisis, Other, sense, space.

Уничтожая природу, социокультурные ценности, отвергая телеологию жизни, современный человек идет путем суицида, трансформируясь в другое создание, порывающее с известной нам человечностью. Эта самодеконструкция вынуждает нас обратиться к общему вопросу о сущности человека. Ведь все мироздание, вся история, культура, науки, искусства, религии, все взлеты и преступления человека инициированы его неведомой миссией. Какое следствие в мире и в самом себе должен производить человек-причина? Зачем миру нужно существо, способное разрушать его? Какова «правильная» программа жизни человека?

Человек — важнейших источник тайн, загадок, секретов, парадоксов, проблем истории, культуры, наук, мудрости, самой жизни. Человек — наблюдатель, определитель, судья, свидетель, измеритель, освячитель, хулиитель мира и самого себя. Без человека мир теряет свою телеологию, интерес к самому себе. На всем существующем лежит взор, тень, печать человека, который открывает, активизирует смысловые опоры мира¹. Великий строй и хаотический суицид мира, его замысел, смысл, промысел, неопределенность и эсхатология, его бифуркации и поиски сакральной идентичности упираются в феномен человека.

Человек — категория абсолютного познания, что закреплено в антропном принципе космологии, признающей, что основные константы и законы мира таковы, чтобы не мешать мыслящим существам. Гипотетическое допущение, что каждое создание есть «становящийся человек», обладает неисчерпаемым сакральным,

¹Ф.И. Тютчев видел в Земле живое существо, обладающее всеми свойствами человека: душой, языком, свободой, способного даже и на любовь.

эвристическим, эволюционным смыслом. Даже незнание человека служит истоком идей, смысловых перспектив, будничных ужасов и страхов. А самопознание составляет не только сотериологическую задачу человека, но и задачу мироздания, возникшего, видимо, для ее решения. Но для превращения знания о человеке в абсолютный метод нужно обрести эти знания, что является почти неразрешимой проблемой для человека.

Дельфийский оракул увидел в самопознании человека суть мудрости: «Познай самого себя, и ты познаешь богов и вселенную!». А как истинно познавать человека? Возможно ли познание человеком самого себя? Русский фольклор ответил на эти вопросы антиномией: человек — уникальное непознаваемое бытие, познаваемое каким-то неведомой парадоксальной гносеологией: «Познай свою непознаваемость, пойми свою непонимаемость, определи свою неопределяемость!».

Исследованы все сакральные, мирские и демонические проекты человека, но не выражается его суть в знаниях; более того, она ограничивает любые его онтологические притязания. Религии, мудрость, науки, искусства, технологии, опыт истории, фиксируя отдельные аспекты человека, не могут охватить своими смысловыми сетями его загадочную и тайную беспредельную сущность, найти требуемый метод его познания и понимания.

Если человек — божественное творение, то почему он отвергает своего создателя? Если человек — inferнальное существо, то почему он не покорен дьяволу? Если человек — плод эволюции, то почему он губит природу и обезьян? Если человек — социокультурное существо, то почему он запускает хаос? Если человек — духовное существо, то почему он признает и антидуховность? Если человек — дитя хаоса, то почему он борется с ним? Если человек — живое существо, то почему оно смертное? Если человек — ничто, то почему он выводит из ничто его пленников? Если человек — продукт бытия, то почему его влечет ничто? Если человек есть человек, то почему он отрицает себя, не желая оставаться человеком?

Человек непрерывно выявляет свою сущность, но столь же непрерывно и скрывает ее от мира и от самого себя². Человек не только превращает неизвестное в знания, но постоянно отрицает эти знания и творит непознаваемое, неизвестное в мире и в себе. Человек тво-

² Есть данные, знания, которые каждый человек скрывает не только от других людей и мира, но и от самого себя; и никакая исповедь даже перед кончиной не сможет открыть эту последнюю дверь человеческого «Я».

рит рок, для которого, как и для человека, неприемлемы ни мир земной, ни мир inferнальный, ни мир райский (человек, рок там уже были!); рок ведет с человеком неведомую игру, выигрышем в которой может стать отмена рока.

Б. Паскаль в отчаянии от этой многосущности человека воскликнул: «Что же это за химера — человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной» [9, 110]. И есть у этой химеры свой замысел упрямый, которому она следует, нарушая все божественные, природные, культурные и демонические границы. Человек преступает все пределы власти, свободы, смысла, оставляя лишь пустые гадания о себе³.

Первым экспериментатором самопознания человека был Сократ, который, исследуя себя, пришел к выводу, что философия и человек должны быть заняты, «по сути вещей, только одним — умиранием и смертью» [10, 21]. Ирония Сократа заслонила его открытие: самопознание обесценивает жизнь людей; они строят свои вавилонские башенки, в которых не они познают самих себя, а их самих признает смерть. Паскаль заметил, что неумение человека изучать самого себя, вынуждает его обретать знания о разных вещах, которые вместе с малой пользой несут большие беды. А буддизм уверен, что после одоления всех иллюзий человек узнает, что его, строго говоря, нет; но эта иллюзия его небытия уже непреодолима, а потому она идет вместе с человеком на вечный карантин в неоткрываемый файл нирваны. Христианство полагает, что уже одно желание познать добро и зло порождает смерть. (А что породит желание познать смерть?) Ф. Ницше утверждал, что самопознание — смертельная опасность, ибо человек становится палачом своего ума, и доказывал эту идею практически в психиатрической больнице все последние свои годы. После осознания себя человек уже не сможет принять свою жизнь и уйдет в безумие или в суицид.

³ Б. Паскаль, отмечая позитив подобного рода проблем, писал: «Без сомнения, нет ничего столь оскорбительного для нашего разума, как слова, что грех первого человека сделал виновными тех, кто так удален от этого источника, что как будто никак не мог в том грехе соучаствовать. Конечно, ничто нас так не ранит, как это учение. И, однако без этой тайны, самой непостижимой из всех, мы остаемся непостижимы для самих себя. Запутанный узел нашей судьбы берет свои начала и концы в этой бездне. И потому человек более непостижим без этой тайны, чем эта тайна непостижна человеку» [9, 111].

О губительной невозможности самопознания человека говорят парадоксы психоанализа. В человеке ведут войну сознательно-разумное существо, служащее объектом репрессивного воспитания культурой, и бессознательно-порочное существо, движимое запретными преступными желаниями. А поскольку предел бессознательности — смерть, то человека — по логике психоанализа — может изучать лишь патологоанатомия. Претендуя на глубинное познание человека, психоанализ не дает нового знания о нем, а отрицает даже его обыденные знания, становясь рабом столь почитаемой им бессознательности. Познанный человек выступает в психоанализе как злобное, развращенное, агрессивное, существо, скрывающее свою сущность в формах культуры. И чем больше человек познает себя, тем больше он теряет свою человечность, становясь мерзавцем, подлецом, развратником и садистом. Познание разлагает человека, превращая его в преступника. Поэтому самосохранение человека, хотя и пораженного вирусами греха, требует отмены его познания. В мудрости психоанализа о человеке много грязи, заливающей саму эту мудрость. А бессознательность самого психоанализа бросает его в объятия демонизма⁴.

И за взаимной враждой люди инстинктивно сопротивляются познанию, спасая свою жизнь от его смертельных объятий. Смерть и безумие — такова цена научного познания, не ведающего подлинного контекста, в котором возможно безопасно проводить эту операцию. И этот смертный контекст науки царит и поныне, делая все знания людей абстрактными, частными, имеющими дело не с предметами, а лишь с их мертвыми копиями. Поэтому и поныне каждая мысль, любое знание скрыто содержат в себе смерть, но человек может узнать об этом лишь *post festum*, когда уже все решено. Покаяние прародителей не открыло для них двери Рая, а лишь умножило их страдания. В уме людей поселился вирус смерти, поражая все добываемые знания. Даже в Аду нет

⁴ К. Юнг видит цель самопознания человека в том, чтобы заключить договор с демоном бессознательного и тем самым восстановить свою целостность человека. Самому Юнгу с трудом, но удалось «поладить» со своим демоном, а вот с его пациентами «договаривался» уже сам демон. «Мне стоило больших трудов достичь внутренне гармоничных отношений с собственными идеями. Во мне был “демон”, и в конечном счете его присутствие решило все. Он полностью овладел мной, и, если мне иногда бывала свойственна беспощадность, ее причина коренилась именно в этой моей захваченности демоном» [14, 366]. Но чего именно желает демон от человека, сколько стоят его «услуги», об этом Юнг промолчал. А ведь демоны благотворительностью не занимаются. И за «соглашения» с ними нужно отдавать жизнь.

такой кары! Смертные знания умножаются, окружая человека черными дырами мрака.

Но контекст «жизнь — смерть» порождает и неразрешимые для науки проблемы. В познании субъект и объект должны совпадать и в то же время качественно различаться. В естествознании эта диалектика частично работает. Здесь человек как субъект, совпадая с природой, в то же время своим разумом, сознанием и языком качественно отличается от нее. В человековедении эта диалектика не работает, ибо здесь субъект и объект качественно тождественны. Научно познавая себя, человек отрицает свою субъектность и превращается в объект, в человека-животного, в человека-вещь, завершая эту гносеологическую метаморфозу существом по имени «Никто». А живое наука познает лишь в качестве мертвого. Шпионить же за собой человек не может, ибо некому вознаграждать за такие сведения⁵.

Можно допустить познание человека путем интуиции, мистического слияния субъекта с объектом, без разрушения человечности. Однако плоды внерационального познания неотделимы от познающего и познаваемого в языке, являясь частью их психики. Оценивать, использовать результаты такого мелькающего познания человек не может.

Наука в познании человека ради сохранения методов разума, жертвует человеком, а вслед за ним и самим разумом. Иррационализм ради сохранения человека жертвует наукой и разумом, а вслед за ними — и самим человеком. В итоге человек теряет свою человечность, а его познание становится гадательным, сколько бы в нем ни было математики и фактов.

Возможны ли выходы из этой гносеологической ловушки, не осознаваемой философией, социологией, антропологией, вообще наукой?

⁵Дидро полагал, что самопознание человека, разума доступно двухголовым бифефалам, у которых одна голова-субъект изучает вторую голову-объект: «Я пришел к мысли, что для того, чтобы добиться успеха, следовало бы быть сразу и в себе, и вне себя, и в одно и то же время играть роль наблюдателя и наблюдаемого механизма. Но с разумом обстоит дело так же, как с глазом: себя он не видит. Один бог знает, как в нас совершается умозаключение. Он создатель часов, он поместил душу или движение в футляр, и стрелки показывают время в его присутствии. Разве только урод с двух головами на одной шее сообщил бы нам что-нибудь на этот счет. Значит, надо подождать, когда неистощимая природа, порождающая самые необыкновенные явления, даст нам бифефала, созерцающего самого себя, у которого одна голова будет наблюдать за другой» [3, 85].

Антропологический агностицизм сам опровергает себя. Заявляя о непознаваемости человека, агностицизм утверждает, что именно он точно знает, что человек непознаваем. Если человек непознаваем, то недопустимо даже это суждение, ибо оно все же что-то говорит о человеке. Науки и философия познают человека, но их знания не дают ответов на вопросы о сути и назначении человека в мире. Обеспечивая жизненные нужды, эти знания отчуждают человека от самого себя, ибо, не ведая своего блага, все знания человека становятся смертельно опасными для него. Все науки содержат в себе элементы знаний о человеке, но абстрактность этих знаний делает их не истинными, а разрушительными. Этих знаний недостаточно для его сохранения, но их вполне достаточно для суицидных проектов науки.

Есть какие-либо выходы из этого тупика саморазлагающегося и смертоносного человекознания? Есть, должны быть, их не может не быть!

Эти тупики в познании человека (знание человека губит его; человеку ум — не «друг») одолело христианство, различающее два контекста мысли. Безопасно человек познаваем лишь в контексте: «Жизнь — вечность (Бог)» путем смыслового общения вещей, существ, идей. Мы не знаем суть софийного познания прародителей до их роковой беды. Но данный им безопасный контекст: «Жизнь — вечность (Бог)» ограждал их от иллюзий и безмерного накопления частных знаний при незнании главного — как познавать человека, чтобы не стать добычей смерти.

А вот познание в рамках негативного контекста: «Жизнь — смерть» стало вселенской катастрофой. Именно через врата этого контекста смерть вошла в жизнь, навязывая свои правила, которые исключают живоносные знания и не блокируют знания смертные. Христос отменил контекст «жизнь — смерть», но люди не поняли его гносеологическую революцию, сохраняя уже привычный контекст смерти, следуя которому они казнили своего Спасителя. Вернуть живоносный контекст человек не может, ибо время им неподвластно. И поскольку человек, отвергающий христианство, не ведает иного знания, кроме смертного, то христианство стало религией и сохранило живоносный контекст познания человека в форме веры, которая есть путь для человека, ищущего понимания самого себя. Ап. Павел заметил, что познавать человека может лишь тот, кто сам познан Св. Троицей и допущен ею к столь опасному и тайному священнодействию разума (1 Кор. 13:13). Непознанный человек, занятый наукой — величайшая

угроза для людей, ибо найдет он лишь новые орудия смерти⁶. Апокалипсис движут ученые, не понимающие человека и себя.

Согласно христианству, субъектом познания является Святая Троица, составляет тайную сущность человека. Человек уже познан Богом, и теперь ему нужно свою троичность сделать творящей силой, которая должна стать источником и регулятором всех его деяний, предостерегая и блокируя их смертоносные варианты еще до познания.

Св. Троица есть тайна неисчерпаемая; и каждый человек тоже тайна не просто неисчерпаемая, но и недоступная другому человеку. Эта тайна служит энергией человека, его мысли и сознания. Если индивид познаваем другим субъектом, или уже познан кем-то, то это значит, что его человечность уже испарилась, оставив лишь механическую куклу. Познанный вне сакрального контекста человек — это абсурд, ибо в научном познании, в контексте «жизнь-смерть» человек исчезает, а остается нечистый труп. Чистый разум чистыми абстракциями начисто избавляется от людей.

Видимо, человек познаваем лишь Богом, ибо иначе он станет жертвой самого себя и себе подобных, которые используют знания о нем для его порабощения и уничтожения. Сочетание технической мощи, психической слепоты и незнания человека все же оставляет ему случайный шанс на спасение. Но сочетание той же технической мощи, психической слепоты и зрячего ума делает гибель человека неизбежной, ибо вне сакрального контекста ум — подлец, который уничтожает познаваемое ради «воли к власти». Ф.М. Достоевский прав: «Чем глупее, тем ближе к делу. Чем глупее, тем и яснее. Глупость коротка и нехитра, а ум виляет и прячется. Ум подлец, а глупость пряма и честна» [4, 261]. Сакральный же контекст возвышает разум до святости. «Познание Святого — разум» (Прит. 9:10.). Не случайно наука стала автократией именно в христианстве, сделавшего разум святостью. Сегодня ученые забывают о христианстве, не сознавая, что это забвение самого человека во имя того самого... А изменяться не хочется, да и не может. Человек познаваем в самоумалении, презрении, выжигающих смертные пороки, место которых занимают тяжелое восхождение к самому себе через служение нищим и отверженным мира сего. Поэтому христианское понимание человека стало недоступным уже для Возрождения, которое изящно и художественно отодвинуло его в сторону.

⁶«Что бы ученые не изучали, в итоге у них все равно получится бомба» (К. Воннегут).

И сегодня неразрешимость противоречий человековедения стала Сфинксом науки и человека. Наука, исследуя человека, отбрасывает его человечность или же просто убивает ее своим анализом. Человек, интуитивно постигая себя, отрицает науку, видя в ней технобесие, алгеброс и рациование. И человек не желает, чтобы его познавали науки, философия, религии, искусства, ибо знает, что после их знаний с него будут драть новые шкуры. И тогда прав нигилизм, зовущий его на прорыв онаученной среды в поисках своего мира, столь же тайного и неведомого, как и сам человек.

Возможно ли все-таки человековедение, которое не будет угрожать ни человеку, ни познанию, которое сможет охватить всю целостность его известных и неизвестных сил, всю полноту его созидательных и разрушительных сил, и при этом видеть человека в законе его непостижимой тайны? А непознанное, непознаваемое в человеке сделать средством его познания, соблюдая пietet в обращении с человеком и умом.

Паскаль видел трудность познания человека в его «срединной» онтологии: «Так что же есть человек в природе? Ничто по сравнению с бесконечностью, все по сравнению с небытием, середина — между ничто и все; он бесконечно далек от постижения крайностей; цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной. ... Крайности для нас словно бы не существуют, и мы не существуем для них; либо они от нас ускользают, либо мы от них» [9, 133, 135]. Этот подход допускает, что за крайностями есть неизвестный и невозможный мир, покрытый непроницаемой тайной.

Но гений не заметил, что этот мир давно манит к себе человека, ищущего его внутри сакральных, inferнальных, земных перспектив, используя их как средства преодоления своей земной ограниченности и неустроенности. Этот таинственный мир представлен в фольклоре как «Иное царство»⁷, где крайности становятся «срединным состоянием» человека. Человек устремлен в Иной мир сквозь хаос и войны, опрокидывающие трудовую законную жизнь. Безысходный суицид возмущает разум и сознание человека, которые ищут благие перспективы за крайностями. Иной мир исходит из гнусных противоречий диалектики, погружающих общество в неодолимые войны и антагонизмы, в беспросветную тьму рабства властей, страстей, бедствий, в дуализм нищеты и богатства, порока и праведности.

⁷ Философские, софиасофские смыслы «иноного царства» в фольклоре прекрасно раскрыты в книге Н.Е. Трубецкого [13].

Стремление к «иному царству» вызывает не просто серая, пустая жизнь, порождающая отвращение, скуку и зло, не просто нищета и жестокость, а общая бессмысленность бытия, которую не преодолевают религии, науки, искусства, технологии. В бегстве от суицида человек чувствует руку мира Иного, ибо все бытие участвует в жизненных исканиях человека. Иное царство открывается через возвышение мысли и сознания над собою, через таинственные озарения великой целью, которая перекрывает пустой мир средств, посредственности, нищеты и бессмыслия. В мире Ином царят единоречия мира и человека, выражая живое единство всех реалий бытия, что вызывает перестроение в его сознании и уме. И сама софиасофия питается этим смысловым подъемом жизни человека к миру Иному.

Величайшая тайна Иномира — солидарность человека со всеми реалиями бытия в их бедах и удачах. «Иное царство» — это неизвестный мир, которого никто не видел, но который все люди, сама Земля, невольно покоряясь ему, ищут. Иной мир содержит в чудотворных формах сакральный контекст знания: «Жизнь-вечность». Иной мир есть онтологическая, смысловая, символическая, софиасофская память о сакральном контексте, где возможно безопасное, истинное, праведное познание человека. Иной мир открыло не народное сознание, как полагает Е.Н. Трубецкой, а волхвы, знающие хранилища времени, в которых содержатся различные миры.

В философии реальность категории «Иное» была отмечена Платоном и Гегелем, но в их учениях она не решала боевых задач, ибо человек еще не исчерпал смыслы сакральных, инфернальных и земных дорог своей телеологии. Иное у Платона и Гегеля напоминает запасное колесо авто. Смысловое, логическое и человеческое гражданство эта реальная категория получила лишь у выдающегося современного русского мыслителя Ю.М. Осипова [6], создавшего софиасофию [7, 9] — новую форму мудрости, которая охватывает единоречиями своей триалектики метанаучные, метафилософские и метачеловеческие смыслы бытия. В ней охватываются все модусы человека — от самых низких до самых возвышенных. В софиасофии крайности даны человеку, открытому для их вестей и посланий.

Но самое главное — софиасофия продолжает исследования в сакральном контексте: «жизнь — вечность (Бог)», открывая тем самым пути познания человека в неизвестном «Ином мире». Софиасофия решает неразрешимое для специальных наук противоречие между человеком и познанием, выявляя в Ином пути познания и реализации именно человека. В Ином ничто, бытие и вечность в своих единоречиях творят новое бытие, которая зовет к себе и человека, откликающе-

гося на его зов. Именно поэтому Иное является пространством безопасного самопознание человека.

Паскаль заметил: «Все, что превышает геометрию, превосходит и нас» (см.: [11, 13])⁸. Изменяя суждение ученого, можно сказать, что геометрия превосходит бытие и небытие, говоря символами о мире Ином. Используем геометрическую эвристику для понимания и познания человека.

Допустим, что вертикаль, ведущая вверх, в сферу вечных ипотасных и смысловых оригиналов, выражает сакральные измерения и устремления человека, а горизонталь плоскости представляет его земные измерения и влечения, не имеющие смысловой конечной цели, подменяя ее постоянным повторением одного и того же. Вертикаль, идущая вниз, выражает инфермальную направленность людей, завершаясь в итоге хаосом.

Но кроме вертикали и горизонтали, в геометрии важна и диагональ, которая проходит насквозь все углы, разрушая тупики, соприкасаясь со всем, но не сливаясь до конца ни с вертикалью, ни с горизонталью. Верхняя часть диагонали, проецируя в себя вертикально-небесные и горизонтально-земные качества, стремится к вечности в свой тайный мир. Нижняя часть диагонали, проецируя в себя горизонтально-земные и призрачно-инферральные свойства, идет к растворению в хаосе. Но в целом и в своих частях диагональ всегда сохраняет в себе земной позитив, преодолевая углы, тупики, параллели, «дурную бесконечность», инферральные турбулентности и самодурствующие бифуркации. В качестве касательной диагональ сканирует смысловые перспективы всех форм, фигур, направлений вещей и мира, уводя их в особое пространство. Какова самоцель диагонали, ее метафизическая миссия? Какие измерения, влечения, цели и смысловые перспективы содержит в себе диагональ для человека, избравшего ее путь, ищущий свою правду в ее еще не открываемых книгах? Куда может прийти человек, двигаясь по неведомому пути диагонали?

Ответ простой: диагональ символизирует путь в мир Иной, служит проводником в живое пространство Иного, где человек одновременно и Первый, и Последний, и Самосуший субъект смысловой жизни вечности.

Диагональ есть мысль и световой опыт творения невозможного. Корень диагонали «агон», означая соревнование чело-

⁸Девиз Академии Платона: «Негеометр да не войдёт!». Геометрия — вечная истина, сияющая в Божьем духе. Наша причастность к ней доказывает, что в человеке скрыт образ Божий (А. Дюрер). Геометрия имеет дело с невозможным миром (Г. Галилей).

века со всеми миротворными силами, преодоление всех углов, тупиков и проблем.

Современный человек сжигаем эсхатологическими и апокалиптическими молниями. Скрытым двигателем современного человека, служит энергия антропологической катастрофы, из которой святые выходят в сакральные ипостаси. А как быть остальному люду, съеданному «горизонтально»; у них нет сил, знаний, веры для сакрального альпинизма по скрытым скалам «вертикали»? Предать себя на милость ГМО-мутаций?

Софиасофия в этом плане есть прорыв в неведомые смыслы мира, бытия, жизни, науки, мудрости. Но важнее всего тот неосознанный факт, что софиасофия есть прорыв в мир нашедшей себя непознанной человечности. В софиасофии постигнута трагедия современного человека и намечена перспектива мира Иного, таящего в себе еще не задействованные человеком смысловые инициативы. Дело это рискованное и о нем никто, помимо софиасофии, даже не намекает человеку. А он мятежный уже прошел греховные испытания всеми невыносимыми видами пороков и зла, гуманизма, выварен в кровавых войнах, а теперь испытывается виртуально-призрачными демонами, которые соблазняют его отречься от духовной телесности во имя игровой бесплотной свободы, дающей ему даже псевобессмертие. Этот человек радикально изменится, превращаясь то ли в новое существо, то ли в призрачные «чиповейные» фикции, то ли в «человека-играющего-в-человека», то ли в «человека-никто», то ли останется «все-еще-человек», желающий понять, куда ведет этот его творческий активизм?

Посредством хозяйства человек не только удовлетворяет свои нужды, ищет блага, сакральные смыслы бессмертия, истины. Но у человека есть неведомая даже для него *сверхцель*, которой мир, Бог, жизнь, трансцендентное служат лишь средствами. Такой цели не может не быть, ибо еще Аристотель открыл, что высшим детерминизмом есть телеология, содержащая в себе и цель самих целей. Эта сверхцель выше и лучше для человека всех благ мира и небытия. Она лучше сакральной жизни, ибо человек ради нее вышел из Рая; она выше природы, ибо ради нее он уходит из природы; она лучше общения человека с себе подобными, ибо ради нее он готов всех погубить. Ради этой сверхцели неведомого Иного мира человек готов на сделки с дьяволом, готов стать иллюзией, но только чтобы достичь ее. И сверхзадача эта не ограничена сроками, местом, ценой, жертвами. Ради нее человек готов стать иным человеческим существом.

Заложена эта сверхцель в человека Богом и санкционирована им? Коренится она в неведомой миссии человека, скрываясь в его глу-

бинах? Ведь человек не просто меняется, а создает из себя другое существо.

Эта сверхцель цель делает человека опасным существом, способным создать свою «фиктивно-болезненную трансцендентность» [5, 41]. Трансцендентный криминал и террор гуманизма делают его каким-то сказочно неуязвимым страшилищем. «Человек, которого мы так хорошо знаем, — страшен. Он не только страх испытывает, сколько страх внушает — всему и вся. Не весь человек и не во всем плох, не весь он страшен, но страшного в нем все-таки больше обратного, и трансцендентность такого человека страшна» [5, 62—63]. Человек вырождается в дрессированного «людена», знающего английский, считающего мобильный ошейник и привыкшего убивать себе подобных.

Косвенно движущая всеми действиями человека сверхцель, во имя которой он отрицает мир, Бога, человечность оправдана поиском мира Иного. Но абсолютное большинство не ведает об этом мире; поэтому сверхцель для него напоминает блеф и бред, ибо нет за ней никакой цели. А неразрешимой тайной является отсутствие тайны, ибо отсутствие есть высшая тайна, отрицающая саму таинственность. Скорее всего, эта сверхцель состоит в том, чтобы сделать человека средством реализации нечеловеческих целей. Если человек не знает цели своей жизни, то его жизнь служит средством другого субъекта, который навязал эту сверхцель людям и бдительно следит за ее неукоснительным исполнением, чтобы она не стала вedomо гордым и надменно пустым существам, мнящих себя людьми. А знающий побеждает незнающего. И знающий всегда молчит, вынуждая говорить незнающего. А человек, преследуя неведомую ему сверхцель, теряет реальность, превращаясь в фиктивное существо; но идет и сгущение мрака, который превращается путем оцифровывания в искусственный объект. Сверхцель ведет к десубъективизации человека и к субъективизации мрака. Последним актом обесчеловечивания, десубъективизации становится *человек-призрак, человек-фикция, человек-никто, «человек-чиповой»* (Ю.М. Осипов), грозный и страшный для всего мира и прежде всего для самого себя.

Прогноз Ф.М. Достоевского верен: не выдержал человек бунта против Бога, природы, истины. Не помогли и контракты с дьяволом, а рухнул они в низость хаоса, перестав быть идеалом даже для самого себя. Отойдя от Бога и природы, он нисходит к зверю и далее — к искусственной жизни, роботам, сам становясь живой вещью. Но и это еще не предел: завершая свою мутацию, он становится призраком, фикцией, имитатором человека.

Все это не так просто понять; труднее это признать; но еще сложнее допустить, что людьми, может такое происходить. Но это происходит. Человек становится двухмерной копией, тенью без оригинала. Причем, двоякой тенью — внутри себя и вовне себя, среди людей и вещей. Но, открепившись от Бога и природы, человек не может жить без оригинала. И помог ему inferнальный мир, где его прикрепили к оригиналу демонизма.

Внешне вроде ничего особенного не произошло. Человек еще во плоти, в сознании и в уме, но живет он уже по закону призраков. И эта жизнь требует превращения человека в полноценного призрака. Сегодня человека скрыто и жестоко судят уже inferнальные анархи, ибо человека-призрака праведно осудят лишь зрелые призраки, способные определить меру его призрачности. Сегодня такое чудо становится фактом. Есть биологическая одежда, а в ней нет человека; но она пока выполняет некоторые его функции.

Но избавившись от всех тягот жизни, этот человек поражается вирусами неодолимого отвращения к самому себе. Ж. Бодрийяр замечает: «Наши действия, наши затеи, наши болезни имеют все меньше объективных мотиваций; они все чаще исходят из тайного отвращения, которое мы испытываем к самим себе, из тайной выморочности, побуждающей нас избавляться от нашей энергии любым способом; это следует считать скорее формой *заклинания духов*, нежели проявлением воли. И в той же мере возрастает отвращение, вызванное отсутствием отвращения» [1, 106, 107, 109]. Наслаждения становятся агрессорами, принуждая всех непрерывно радоваться. «И в этом — большая проблема нашего времени: ничто не является само по себе источником наслаждения — надо заставить наслаждаться и самого себя, и других» [1, 69]. Идет человек мертвый, но еще живой; это — активно-смертоносный тип, сеющий вокруг только смерть.

Человек, преодолевая все божественные, природные, границы, пришел к пустоте бездны, наполняясь ее патогенными излучениями. О жизни такого человека можно сказать, что он «уже-не-совсем-человек» (Ю.М. Осипов). «Человек нынче не то, чтобы мелок и пошл, он просто *никакой*; ни теплый, ни холодный, ни умный, ни глупый, ни добрый, ни злой». Для него «ничегошесть — среда, цель и действие». Даже на вопрос: «Как дела, живешь как?», это существо вполне логично отвечает: «Ничаво!» [5, 210].

Наибольшей зрелости это существо достигло в космополитической Франции, ставшей антропологической лабораторией постмодернизма, конструирующего человека-никто, в котором стерты всякие различия между целью и средством, палачом и жертвой, субъектом и

объектом. А потому он должен пасть жертвой террора. Ж. Бодрийяр отмечает: «Терроризм направлен как раз против самого главного продукта всей системы — анонимного и совершенно безликого индивида, ничем не отличающегося от себе подобных. Невинные расплачиваются за преступление, состоящее в том, что они теперь *никто*, что у них нет собственной судьбы, что они лишены своего имени, лишены системой, которая сама анонимна и которую они, таким образом, символизируют. И именно потому, что они теперь — это «кто угодно», им и суждено быть жертвами терроризма» [2, 65—66]⁹. И вряд ли французы невинны в том, что они массово становятся «кем угодно». Кто возвращает Шарли-существа? Кто виноват, что французы теряют свою человеческую идентичность?

Идет апокалиптическая брань между «все-еще-человеком» и «уже-совсем-не-человеком». Человек строит мир искусственной алчности, неизвестной, недоступной и непостижимой. О мире и о себе человек производит самовозрастающую невменяемость и мнимость! Но человек не ведают следствий своих дел, а лишь умножает непонимание мира и себя самого, значит, есть некто, знающий, кому служит его смысловая слепота.

Человек, потеряв свой сакральный оригинал и свою природно-культурную основу, утратил критерии различения человека и нечеловека, живого и мертвого, мужского и женского; теперь он сам становится оригиналом для себя. Человек исчезает как вид и как социальное существо, а учреждается как генетический, научный, административный, электронный, управленческий и финансовый институт. И самое загадочное сегодня в человеке замысел Провидения, допустившего такой суицид. Разве отец, видя пагубные деяния своего сына, не примет спасительных мер?

Сегодня реальным может быть лишь невозможный человек, а подлинными могут быть лишь его мысли, слова, действия, ибо сфера возможного исчерпана, изгажена. И смыслопотенциал этого человека хранит софиасофия, изучающая человека в мире Иного, а мир Иной — в человеке.

⁹Особенно драматическая и в то же время комическая ситуация складывается с человеком-никто в сфере пола. «Сексуальная революция, освобождая все виртуальные аспекты желания, ведет к основному вопросу: мужчина я или женщина?» [1, 7]. Ответа нет, а есть неуверенность, путаница, тревога и страх. Вот до чего доводит самопознание человека в либеральной Франции! Человек теряет знание своего пола!

Тайны самопознания человека, исход мученической судьбы его, спасение его коренятся где-то в мире Иного. Природа может обойтись без Иного, но человеку, увы, без него никак нельзя: неврозы, психозы, болезни, безумие и гибель — такова плата человека за незнание своей подлинной родины — мира Иного, представляющего человеческий филиал вечности.

Сущность человека и от мира сего, и от искомого им мира Иного, которого не заменят блага демократии. И если мир Иной не ищет человек, то его ведет туда смерть. В рассказе Э. По «Беседа Моноса и Уны» [11, 334—342] писатель изображает «как бы оттуда» посмертный смысловой путь и судьбу возлюбленных. Смерть запускают люди, когда они по неведению определяют неопределяемое — демократию; и каждый ее шаг к нам приближает ее запретный плод — смерть. И теряя свою плоть, но сохраняя ум, возлюбленные становятся субъектами живого пространства Бога, где их человечность обретает ипостасность вечной личности. После кончины люди становятся субъектами живого светового пространства. Пространство — божественная вечность, творящая, наделяющая, вдохновляющая, указывающая, ведущая, манящая, зовущая, встречающая и благословляющая людей на новые дела, посредством которых они должны преобразать умом и сознанием мертвое время в живое пространство. И человек уже сего дня через общение со Св. Троицей зрит в себе субъекта ипостасного пространства.

Нынешний человек — заложник болезней, смерти, а потому он в тягость самому себе. А самопознание такого человека лишь умножает его позор, ибо никто ему не поможет. Поэтому он хочет выйти из этого непонятого и неприемлемого для него состояния, желает найти мир, свободный от калечащих его напастей. В этих поисках возможны ошибки и находки. Человек не может достичь своего оригинала вечного, но он не может смириться с земным бытием, и не желает быть жилищем демонов. Заманчиво стать ипостасным субъектом живого пространства, исцеляя, обновляя и сохраняя в нем знание и самопознание самого себя. В сакральном пространстве человек не занимает места, а сам становится местом для новых смыслов, открывая для них бесконечные перспективы и дали Иного мира.

Быть соучастником смысловой мистерии живого пространства, его сакральной творческой монадой все же лучше, безопасней для человека, чем владение денежным богатством, которое на каждом шагу грозит ему исполнением приговора проклятий от униженных и ограбленных богатыми. Детерминизм живого вечности пространства перечеркивает детерминизм смерти, ибо оно не исчезает, а простирается во

все Дали мира Иного, преображая все свои отрицания в живую материю мира Иного — известного, познанного, познаваемого, неведомого и неизвестного, но манящего к себе неотразимой мудростью своей софисофии.

Мир Иного — это непрерывное преобразование времени, как источника зол и смерти, в живое священное пространство, в котором все точки и равноценны, и нераздельны, и неслиянны, образуя материю подлинной человечности, которая знает смерть, но не умирает, живет, но для вечности, знает вечность, но использует ее для исцеления мира и людей от ран времени. Человек — это *касательная* бога и дьявола, времени и вечности, жизни и смерти; и в качестве касательной он, обладая абсолютной свободой, может жить лишь в мире Иного. Человек всего касается, со всем соприкасается, но ни с чем не сливается, сохраняя эту свою уникальную неприкасаемость и благодарит всех своих инфернальных и благих учителей.

Но Иное — это неузнаваемая и непонимаемая нами подлинная и грядущая Россия, в которой Восток и Запад, Север и Юг создают невообразимый социокультурный мир, сакральный ансамбль многополярного бытия, определяемого незавершенной творящей силой людей, жаждущих мира Иного. Иное — это Россия людей, преображающих смысловые композиции вечности и Земли в жизнь смертно-бессмертную, в которой человек сам выбирает, решает — жить, как жить или умирать и как умирать. А принимается или отвергается его решение на небесах. Но само признание того, что между мирами жизни и смерти есть еще и мир Иной открывает неслыханную сакральную перспективу человеку, вырывая его из когтей лукавой диалектики, обрекающей его на бессмысленный выбор между жизнью, ожидающей смерти, и смертью, ожидающей жизнь.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. Пер. с фр. М.: Добросвет, 2000. 260 с.
2. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или конец социального. DENOEL. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 72 с.
3. *Дидро Д.* Эстетика и литературная критика. М.: Наука, 1980. 368 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. М.: Художественная литература, 1973. 816 с.
5. *Осипов Ю.М.* Иное. М.: Экономистъ, 2006. 704 с.

6. *Осипов Ю.М.* Философические откровения // *Философия хозяйства*. 2014. № 1.
7. *Осипов Ю.М. (Михайлов Юр.)*. Блики и срезы. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015 730 с.
8. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М.: Теис, 2004. 336 с.
9. *Паскаль. Б.* Мысли. Пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с.
10. *Платон*. Соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970. 616 с.
11. *По Э.* Стихотворения. Проза. М.: Художественная литература, 1978. 880 с.
12. *Стрельцова Г.Я.* Блез Паскаль. М.: Мысль, 1979. 237 с.
13. *Трубецкой Н. Е.* «Иное царство и его искатели в русской народной сказке». М.: Издание Г.А. Лемана, 1922. 36 с.
14. *Юнг К. Г.* Дух и жизнь. М.: Практика, 1996. 554 с.

References

1. *Bodriyar Zh.* Prozrachnost' zla. Per. s fr. М.: Dobrosvet, 2000. 260 s.
2. *Bodriyar Zh.* V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo. DENOEL. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000. 72 s.
3. *Didro D.* Ehstetika i literaturnaya kritika. М.: Nauka, 1980. 368 s.
4. *Dostoevskij F.M.* Brat'ya Karamazovy. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1973. 816 s.
5. *Osipov Yu.M.* Inoe. М.: Ehkonomist, 2006. 704 s.
6. *Osipov Yu.M.* Filosoficheskie otkroveniia // *Filosofiya khozyajstva*. 2014. № 1.
7. *Osipov Yu.M. (Mikhajlov Yur.)*. Bliki i srezy. М.; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015 730 s.
8. *Osipov Yu.M.* Epokha Postmoderna. М.: Teis, 2004. 336 s.
9. *Paskal'. B.* Mysli. Per. s fr. М.: Izd-vo im. Sabashnikovyx, 1995. 480 s.
10. *Platon*. Soch.: V 3 t. Т. 2. М.: Mysl'. 1970. 616 s.
11. *Po Eh.* Stikhotvoreniia. Proza. М.: KHudozhestvennaya literatura, 1978. 880 s.
12. *Strel'tsova G.Ya.* Blez Paskal'. М.: Mysl', 1979. 237 s.
13. *Trubetskoy N. E.* «Inoe tsarstvo i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke». М.: Izdanie G.A. Lemana, 1922. 36 s.
14. *Yung K. G.* Dukh i zhizn'. М.: Praktika, 1996. 554 s.

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ

От интеллектообщества к обществу колониальной демократии (накануне еще более важных перемен)

Без глупых потребителей, готовых покупать немедленно любые новые модели привычных вещей, экономика будет пробуксовывать, да и вообще без глупцов, как свидетельствуют сводки новостей, замрет и политическая жизнь. Нечего будет предпринимать, исправлять, отстаивать!

А. Волков

Аннотация. Современную социально-экономическую систему в целом сложно охарактеризовать как ясную и фундаментально определенную. Система рыночных отношений более напоминает систему связей внутри СЕТИ ввиду их неравноправия и нередко несоответствия. Современная неолиберальная экономическая доктрина полностью себя изжила, а неизбежная глобальная встряска приведет к возникновению новой религии, так как традиционные существенно трансформируются и ослабнут. У так называемых ученых-постмодернистов появившаяся термин-приставка «пост-» означает конец истории, а обратная сторона постмодернизма заключается в их приверженности к архаике. Вместе с тем происходит процесс социально-экономической эвфемизации. Акцентирование проблем современного человека, а вместе с ним и общества в целом на удовлетворении его физиологических потребностей, как естественных, исподволь формирует все большее число искусственных нужд, реально излишних и бесполезных. Благодаря этому сформировалась экономика престижного потребления — явление отнюдь не новое в истории человеческого общества. Бедность и нищета значительной части населения становятся серьезным препятствием для развития социально-экономической системы в целом. Глубокое повреждение хозяйственных и социальных структур заставляет не только задумываться о будущем человечества и смыслах его деятельности, но и пытаться понять, что делать дальше, а также приступать к решительным действиям. Однако, не придерживаясь принципа историзма, невозможно постигнуть будущее.

Ключевые слова: социально-экономическая система, развитие, рыночные отношения, капитализм, постмодернизм, эвфемизация, экономика престижного потребления.

Abstract. The Modern socio-economic system as a whole is difficult to characterize as fundamentally clear and certain. The system of the market relations more resembles a system «relationships within the NETWORK» because of their inequality and often inconsistencies. The Modern neo-liberal economic doctrine was outdated, and the inevitability of the global meltdown, will lead to the emergence of a new religion, as the traditional transformed and significantly weakened. The «Scientists postmodernists» have appeared the term-the prefix «post» means the end of the story, and the other side of postmodernism lies in their commitment to the archaic. However, there is a process of the socio-economic euphemisms. The emphasis of the problems of the modern man, and with it society as a whole to the satisfaction of his physiological needs, translating them in the category of natural needs, gradually an increasing number of artificial needs that are really redundant and useless. Because of this formed the economy of the prestigious consumption — is not new in the history of human society. The poverty and the misery of much of the population is becoming a serious obstacle to the development of the socio-economic system as a whole. The Profound damage to the economic and social structures makes to not only think about the future of humanity and the meaning of his activities, but also try to figure out what to do next, and to take decisive action. However, not adhering to the principle of the historicism is not possible to comprehend the future...

Keyword: socio-economic system, development, market relations, capitalism, postmodernism, the euphemisms, the economy of prestige consumption.

Мы стоим на пороге знаменательного времени, обещающего стать одним из самых важных переходных периодов во всей истории человечества. Перед ним (человечеством) открыт не слишком широкий выбор путей дальнейшего развития (если говорить о развитии как таковом). Ситуацию, царящую сегодня в социально-экономической системе в целом, можно охарактеризовать как неясную и фундаментально неопределенную. Глубокое повреждение хозяйственных и социальных структур заставляет, а может быть, и принуждает не только сделать паузу и, поразмыслив над будущем человечества и смыслах нашей удивительной эпохи, попытаться понять, что делать дальше, но и приступить к решительным действиям.

Что же наблюдаем мы сегодня? Начало очередной фазы всеобщего кризиса системы мирового капитализма? Или банкротство государства, защищающего и поддерживающего систему «рыночных отношений», которые и отношениями-то обозначить уже не представляется возможным? Они более напоминают *связи внутри СЕТИ* ввиду их неравноправия и нередко несоответствия... Здесь одновременно важно обозначить факт того, что так называемые воротилы финансового бизнеса бросаются за спасением к государству, от вмешательства которого ранее всячески открепивались, в момент своего разорения. Дж. Гутфройнд, генеральный директор и председатель правления одного из крупнейших американских инвестиционных банков «Salomon Brothers»¹⁰, оказавшегося на грани банкротства в конце 1990-х, по этому поводу заметил: «Принцип невмешательства государства в экономику действует лишь до тех пор, пока ты по уши не увязнешь в...» [10, 277]. В этом случае следует лишь уточнить, что банки не стоят с протянутой рукой у государства, они требуют от него финансовых вливаний с циничностью и бесцеремонностью профессионального грабителя. При этом, с точки зрения Дж. Стиглица, социализируя убытки и приватизируя доходы [14, 176].

Все настойчивее звучат голоса представителей западных экономических и философских школ о том, что мир стоит на пороге глобальных перемен, капитализм практически мертв. Ицхак Адизес, эксперт в области маркетинга и управления¹¹, убежден, что нынешняя экономическая доктрина полностью себя изжила. Неизбежная глобальная встряска приведет к возникновению новой религии, так как традиционные христианство, ислам, иудаизм существенно трансформируются и ослабнут, «кризисы регионального и мирового масштабов будут происходить последовательно... Все устои современного общества, его ценности будут сломаны» [1, 145—154]. Аурелио Печчеи, основатель и бывший президент Римского клуба, исследовавший глобальные модели развития человечества, в конце XX в. отмечал, что «нынешняя, полная противоречий, фаза прогресса принесла человеку множество щедрых даров, глубоко изменила самого человека и поставила перед ним невиданные задачи и грозит неслыханными бедами...

¹⁰На момент продажи, «Salomon Brothers» обладал капиталом в 5 млрд дол. и годовой прибылью около 900 млн дол.

¹¹Начиная с 1980-х гг. доктор философии Ицхак Калдерон Адизес работал со многими коммерческими организациями мира, являлся консультантом по политическим вопросам при правительстве глав многих государств.

Триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу» [11, 9].

И на повестку дня встает вопрос о решительной смене терпящего крах миропорядка. Ибо так жить дальше нельзя.

Не придерживаясь принципа историзма, невозможно понять будущее. Как осмыслить переход общества в иное качественное состояние? Отрицая развитие общества, нет смысла говорить о будущем. Сегодня получили распространение различного рода теории о новом обществе, получившие название «постмодернизм». Всю историю человечества предлагается свести к единой формуле: «до — теперь — после», или короче: «до — после». Само деление истории приобретает следующий вид:

- традиционное общество — современное — постсовременное; или
- доиндустриальное общество — индустриальное — постиндустриальное; или
- доэкономическое общество — экономическое — постэкономическое... и т. п. [6, 440].

У «ученых-постмодернистов»¹² термин-приставка «пост-» означает конец истории, т. е. завершение эволюции человечества, универсализация либеральной демократии капитализма как окончательной формы управления (читай подчинения). После капитализма — конец истории человечества [15, 135]. Обратная сторона постмодернизма заключается в его приверженности к архаике, «к идее необратимости регресса по отношению к современности» [6, 441]. Приставка «пост-» в лексике постмодернистов становится не только средством для обесмысливания будущего, но и для лишения внутреннего логического содержания настоящего и прошлого.

Вместе с тем идет процесс социально-экономической эвфемизации. Прежде всего, заложниками своего времени практически всегда становятся экономические категории. Подобные маскировочные штампы, предназначенные для порождения мифов и, соответственно, для сотворения глубоко мифологизированного общественного сознания, не позволяют «носителям русского языка» усваивать в какой-либо маломальской форме малорадостный опыт собственного существова-

¹²Многих из постмодернистов, в частности, Ж. Делёза, причисляют (не исключая исследователей Запада) к интеллектуальным мошенникам (см.: [18, 141—143], рецензия на кн.: [19, 274]).

ния в перестроечно-реформаторский¹³ период, затянувшийся до наших дней [2, 37—47]. Поскольку, «когда мы поймем, что экономическая игра ведется нечестно, положение может стать взрывоопасным» [12, 123]. Однако использование ложных имен и понятий заведомо вырывает рассуждения из лоно рациональности, трансформирует их в инструмент манипуляции сознанием.

В качестве примера можно привести некоторые суждения и комментарии о современном социально-экономическом положении России и о ее капиталистическом настоящем. Наши постмодернисты настаивают на том, что в России установился архаический, но никак не современный капитализм. Они готовы причислить к капитализму не только античное, но и первобытнообщинное общество, дабы оправдать современный западный, с их точки зрения, «цивилизованный» капитализм, и модернизировать (подстроить, подладить) Россию по его образу и подобию...

Также современная экономическая наука никак не может освободиться от оков двухсотлетней давности и в решении сложнейшего и насущнейшего вопроса о народонаселении, опираясь в теории на закон убывающего плодородия почвы. Неужели мальтузианская теория, описывающая тенденции развития доиндустриального (аграрного) общества, может подойти для индустриального, а тем более и после-, т. е. постиндустриального¹⁴? Эрэца-мыслители считают, что свойственная рыночной экономике (читай «капитализму») нищета широких масс населения мира обусловлена тем, что люди размножаются быстрее, чем может увеличиваться количество средств к жизни, приносимых природой. А необходимое соответствие между численностью населения и количеством природных ресурсов устанавливается голодом, эпидемиями, войнами, а также кризисами... «Единственным способом

¹³Эвфемизмом данного определения является всем набивший оскомину термин — «переходный период».

¹⁴Т. Мальтус усовершенствовал свою теорию и опубликовал ее в 1820 г. в «Принципах политической экономии». В данном случае численность населения определялась не наличием доступного количества продовольствия, а возможностью обеспечения населения рабочими местами при сохранении определённого его (населения) социального статуса и уровня эффективности производства. Мальтус связывал рост населения с увеличением возможностей занятости. Для нормального развития необходим баланс между потреблением и производством. В случае же нарушения этого баланса, по утверждению Мальтуса, гибель неизбежна. А человеческие пороки являются самыми активными и умелыми пособниками уничтожения людей.

разрешения... (нищеты населения)... является принуждение бедного населения к сокращению его численности» [17, 6].

При этом современные эксперты-исследователи, не думая о сущности дела, заботятся исключительно о букве всеобщего утвержденного определения. Их мышление ограничивается рамками заранее подготовленных схем. И, как следствие, создается наукообразная иллюзия псевдосознания, прикрывающая полное непонимание простейших фактов [3]. Общеизвестная пирамида потребностей Абрахама Маслоу, предполагающая определенную иерархическую структуру потребностей, стала удобным инструментом для оценки различных сторон жизни не только индивида (никак не человека), но и общества в целом. Базисный уровень пирамиды в социальном, коллективном контексте требований «хлеба и зрелищ» и обеспечения безопасности на протяжении столетий является сущностным принципом оправдания властвующих элит. Так, половые потребности¹⁵ также играли и продолжают играть «назначенную» роль в борьбе за не только политическую власть.

С точностью до наоборот период становления человека и общества — антропосоциогенез¹⁶ — характеризуется аскетическим вариантом решения проблемы. Становление общественного производства, сопровождавшее антропогенез, побудило, толкнуло к обузданию животного индивидуализма и подавлению, и введению социальных рамок зоологических инстинктов. «Важнейшим средством обуздания животного эгоизма были первые нормы человеческого поведения — табу» [13, 419], на основе чего впоследствии возникла мораль (чувство долга, чести и совести)¹⁷. В качестве социальных рамок для ограничения пищевого инстинкта возникли отношения распределения — исходная форма социально-экономических отношений. Далее половой инстинкт был «усмирен» первичными формами брака — дуально-родового, группового [13, 419]. С определением социальных рамок для пищевого, а затем и для полового инстинктов процесс становления человека и общества был завершен, началась история истинно человеческого общества.

¹⁵Это проявляется в социально-экономических процессах эмансипации женщин, борьбы за равноправие сексуальных меньшинств, в других сексуальных революциях...

¹⁶Процесс превращения животных предков человека в людей и зоологического объединения в человеческое общество.

¹⁷Животный эгоизм мог быть сдержан исключительно человеческим коллективизмом

Акцентирование проблем современного человека, а вместе с ним и общества в целом на удовлетворении его физиологических потребностей, и перевод их в категорию естественных потребностей, исподволь формируют все большее число искусственных нужд, реально излишних и бесполезных. Благодаря этому сформировалась экономика престижного потребления — явление отнюдь не новое в истории человеческого общества. Вульгарный капитализм, описанный в книге известного американского экономиста Торстейна Б. Веблена «Теория праздного класса» [4], сделал необходимым и породил массовое престижное потребление, мотивируя общество, с точки зрения А.А. Зиновьева, к принудительно высокому жизненному уровню. При этом «институт праздного класса задерживает развитие общества непосредственно (а) по инерции, свойственной самому классу; (б) собственным примером давая установку на демонстративное расточение и консервативность¹⁸; а также косвенно (в) через посредство той системы неравного распределения благосостояния и средств к существованию, на которой покоится сам институт» [4, 213].

Анализ современности показывает, что современное человечество накопило огромный, ни с чем не сравнимый культурный потенциал и интеллектуальный резерв. Тем не менее человек как единица социума становится все более невежественным, если не сказать большего — страдает слабоумием... Сохраняя и укрепляя в себе архаические черты, во многом разрушительные и денежные, допуская в преобладание в себе животных инстинктов над законами ассоциативной созидательной деятельности, человек, сам того не осознавая, оказался в эпохе современного обскурантизма.

Культурный уровень населения в цифрах оценить сложно, если не сказать невозможно. Так, приведу пример изменений некоторых косвенных показателей в культурной сфере (табл. 1, 2).

Таблица 1

Отношение россиян к чтению книг и газет, %

В России:	1991 г.	2005 г.	2009 г.
читают газеты	61	24	Нет данных
читают книги от случая к случаю	79	63	36
постоянно читают	Нет данных	Нет данных	16

Источник: [8].

¹⁸Здесь подразумевается материальная заинтересованность в том, чтобы сохранялся «статус-кво» и класса, и социально-экономических отношений.

В связи с падением интереса населения к чтению тиражи книг, газет и научно-популярных изданий существенно сократились¹⁹, при этом доля рекламных изданий, а также рекламы в совокупном информационном наполнении изданий увеличилась.

Таблица 2

Тиражи изданий научно-популярных журналов в СССР и России

Наименование журнала	Тиражи в 1980-е гг., тыс.	Тиражи в 2000 гг., тыс.
Наука и жизнь	3400	44
Знание — сила	700	5
Химия и жизнь	300	5
Квант	315	5
Природа	84	1,8
Земля и вселенная	55	1
Техника молодежи	2000	50

Источник: [8].

На смену интеллектуальному развитию и духовному обогащению пришел пресловутый «шопинг»²⁰, заключающийся в бездеятельном и бессмысленном блуждании по «храмам» современности — многочисленным торговым центрам, с необязательным приобретением товаров. Чего нельзя сказать об услугах...

В данном контексте заслуживает особого внимания и реклама, навязчивая и интенсивная реклама — важнейшее средство в формировании все большего и большего числа искусственных нужд и потребностей у населения. Человека (индивида) насильно убеждают в том, что лишь наличие у него тех или иных вещей обеспечит им не то, чтобы престижное бытие, а как минимум элементарно-достойный уровень жизни.

Как видим, низкий уровень общей культуры, образования, нарастание аморализма и дегуманизации есть сознательное действие властвующей элиты ради достижения экономических целей в своих собственных экономических интересах. Думается, что уместно здесь будет напомнить довод В.И. Ленина о жертвах политического обмана и самообмана: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жерт-

¹⁹В обществе «колониальной демократии» книги, пропитанные духовной отравой, издаются миллионными тиражами.

²⁰По-русски — «покупки».

вами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [9, 47].

Итак, образованный индивид перестает быть индивидом, он возвращается в свою человеческую ипостась, перестает быть потребителем — меньше приобретает стиральных машин и автомобилей, начинает отдавать предпочтение классической литературе, музыке, посещать музеи, выставки и театры, совершенствоваться профессионально, заботиться о должном образовании следующих поколений... Однако от этого страдает экономика общества потребления. И, главным образом и по преимуществу доходы так называемых «бенефициаров». В связи с чем, насколько это возможно, умственное и культурное развитие населения замещается обывательскими и потребительскими настроениями духовно закабаленного гедониста. При этом процесс конвертации власти в собственность веберовского «праздного» класса, стоящего над всеми и освобожденного от труда как такового, набирает силу. «Ибо эти два института (класс и собственность) являются результатом действия одних и тех же экономических сил» [4, 73].

Скопление богатства на верхнем уровне социально-экономической лестницы предполагает лишения на более низких уровнях. Это утверждение звучит банально. Но лишения и нужда значительной части населения, где бы это не имело место быть, становятся серьезным препятствием для развития социально-экономической системы в целом.

Т. Веблен на заре XX в. писал, что «движение общества вперед состоит, главным образом, в продолжающемся поступательном приближении к почти что точному “установлению” внутренних отношений в соответствии с отношениями внешними» [4, 203]. Вместе с тем фабрикация общественного согласия на базе всемирного глобализационного процесса позволила западной неолиберальной идее овладеть миром для себя, уничтожая любые альтернативные «зародыши цивилизаций иного рода. Мир превратился в бесплодную эволюционную пустыню» [7, 418]. Общество потребления колониального типа вступило в конфликт с гражданским обществом, в конфликт с его социально-экономическими интересами. Разрушающееся устойчивое сообщество разрывает обозначенные Вебером внутренние и внешние отношения.

Дэвид Харви, один из основателей так называемой «радикальной географии», один из 18 самых цитируемых интеллектуалов всех эпох в области гуманитарных и общественных наук, в «Краткой исто-

рии неолиберализма...» [16] отмечал, что неолиберальный глобальный поворот связан не с развитием производства, а, наоборот, с перераспределением продукта, факторов и результатов производства. Все эти процессы связаны с изменением соотношения классовых сил как в мире в целом, так и в отдельно взятых странах в пользу властвующей элиты и в ущерб остальной части населения. Неолиберальное государство призвано поддерживать целостность и нерушимость финансовых институтов, заботясь о благосостоянии исключительно бенефициаров, забывая о благополучии населения и состоянии окружающей среды. Как писал Н.А. Бердяев: «корыстный интерес таит в себе безумие».

В сущности, происходит наступление современного государства на гражданское общество. Но без устойчивого гражданского общества государство начинает рассыпаться. Параллельно открытость глобального рынка порождает снижение контроля государства над играми спекулятивных рынков и увеличивает его зависимость от глобального капитала. Что, в итоге, чревато финансовыми атаками на финансовую систему и устойчивость суверенной экономики в целом. Сама же процедура втягивания государства в неолиберализм происходит через стимуляцию конкуренции между компаниями и корпорациями, между отдельными территориями, через установление институтов свободной торговли и свободный доступ к экспортным рынкам. Собственно, освоение иностранными корпорациями экономического пространства чужой страны приводит последнюю к банкротству. Страна выдергивается из сложившейся системы международных связей. При этом создается видимость суверенитета. Однако «колонизируемая» по современным канонам демократии страна становится неспособной на самостоятельное существование ни в военном отношении²¹, ни в хозяйственном, ни в культурном. Национальная культура низводится до жалкого уровня. Ее место занимает квазикальтура, насаждаемая метрополией. Населению предоставляется суррогат демократической «...системы ценностей, избавляющих людей от усилий над собой и моральных ограничений» [7, 420].

Каковы же последствия для человека как такового? Современная цивилизация, принеся с собой процветание, не освободила человека от той алчности, которая отнюдь не совместима с открывшимися перед ним колоссальными возможностями. Умножающаяся в своем прежнем капиталистическом качестве социально-экономическая система продолжает довлеть над ним, «...заставляя без конца извлекать

²¹Вооруженные силы начинают выполнять роль сдерживания протестов населения и подавления возможных бунтов.

материальные выгоды практически из всех тех разительных изменений, которые он сам вносил в свою жизнь» [11, 14]. Некогда прогрессивные наука и техника стали диктовать человеку, превратившемуся в гротескного и односторонне образованного и организованного homo esopoticus, свои условия. Переформатирование человека пошло внутрь него самого. Он сам стал объектом переделки. Появился новый человек, потерявший «мистериальность эмоции»²², без наполнения сознанием, без его устойчивости. Сегодня от человека требуются не мысли, не идеи, а способность к трансляции (ретрансляции) чужих (других) мыслей. В связи с чем возникает опасная вероятность перестать быть человеком.

К сожалению, от этого в выигрыше остаются, в основном, лишь определенные слои общества, которых не очень беспокоит, какая цена будет заплачена за их благосостояние и благополучие ныне живущими и еще не родившимися жителями планеты Земля.

Литература

1. *Альпидовская М.Л.* Об имитации интеллектообщества // *Философия хозяйства*. 2012. № 1.
2. *Альпидовская М.Л.* Социально-экономическая эвфемизация как способ существования современного экономизма // *Философия хозяйства*. 2013. № 1.
3. *Арнольд В.* Новый обскурантизм и Российское просвещение // *МФТИ [сайт]*. 2016 // URL: <https://mipt.ru/dcam/abitur/edu/arn02.php>.
4. *Веблен Т.* Теория праздного класса: Пер. с англ./ Вступ. ст. и примеч. С.Г. Сорокиной; Общ. ред. В.В. Мотылева. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
5. *Волков А.* Девиз «Поколения Doof»: Знание — мыло? // *Знание — сила*. 2008. № 8.
6. *Ельмеев В.Я.* Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.
7. *Зиновьев А.А.* Запад: Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.
8. *Калабеков И.Г.* Российские реформы в цифрах и фактах, 2008 — 2016 // *Российские реформы в цифрах и фактах [сайт]* // URL: <http://refru.ru/culture.html>.

²²С точки зрения Ф.И. Гиренка — единственный признак человека.

9. *Ленин В.И.* Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1973.
10. *Льюис М.* Большая игра на понижение. М.: Альпина Паблишерс, 2011.
11. *Печчеи А.* Человеческие качества. Пер. с англ. О.В. Захаровой. М.: Прогресс, 1980.
12. *Райх Р.Б.* Послешок. Экономика будущего. М.: Карьера Пресс, 2010.
13. *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический проект; Трикта, 2013.
14. *Стиглиц Дж.* Крутое пике. М.: Эксмо, 2011.
15. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
16. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма: актуальное прочтение. Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007.
17. *Clark G.* The Problem of the Poor in the Nineteenth Century Europe // University of California, Davis, ECN 110B. Spring 2002.
18. *Dawkins R.* Postmodernizm Disrobed // Nature. Vol. 339. July 1998.
19. *Sokial A., Bricmont J.* Intellectual Impostdures. Profile, 1988.

References

1. *Al'pidovskaya M.L.* Ob imitatsii intellektoobshhestva // *Filosofiya khozyajstva*. 2012. № 1.
2. *Al'pidovskaya M.L.* Sotsial'no-ehkonomicheskaya ehvfemizatsiya kak sposob sushhestvovaniya sovremennogo ehkonomizma // *Filosofiya khozyajstva*. 2013. № 1.
3. *Arnol'd V.* Novyj obskurantizm i Rossijskoe prosveshhenie // MFTI [sajt]. 2016 // URL: <https://mipt.ru/dcam/abitur/edu/arn02.php>.
4. *Veblen T.* Teoriya prazdnogo klassa: Per. s angl. / Vstup. st. i primech. S.G. Sorokinoj; Obshh. red. V.V. Motyleva. Izd. 2-e. М.: Knizhnyj dom «Librokom», 2010.
5. *Volkov. A.* Deviz «Pokoleniya Doof»: Znanie — mylo? // *Znanie — sila*. 2008. № 8.
6. *El'meev V.YA.* Sotsial'naya ehkonomiya truda: obshhie osnovy politicheskoy ehkonomii. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007.
7. *Zinov'ev A.A.* Zapad: Fenomen zapadnizma / A.A. Zinov'ev. М.: TSentroligraf, 1995.

8. *Kalabekov I.G.* Rossijskie reformy v tsifrakh i faktakh, 2008 — 2016 // Rossijskie reformy v tsifrakh i faktakh [sajt]. URL: <http://refru.ru/culture.html>.
9. *Lenin V.I.* Tri istochnika i tri sostavnykh chasti marksizma / Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 23. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1973.
10. *L'yuis M.* Bol'shaya igra na ponizhenie. M.: Al'pina Publishers, 2011.
11. *Pechchei A.* Chelovecheskie kachestva / Aurelio Pechchei; Per. s angl. O.V. Zakharovoj. M.: Progress, 1980.
12. *Rajkh R.B.* Posleshok. Ehkonomika budushhego. M.: Kar'era Press, 2010.
13. *Semenov Yu.I.* Filosofiya istorii. Obshhaya teoriya istoricheskogo protsessa. M.: Akademicheskij proekt; Triksa, 2013.
14. *Stiglits Dzh.* Krutoe pike. M.: Ehksmo, 2011.
15. *Fukuyama F.* Konets istorii? // Voprosy filosofii. 1990. № 3.
16. *Kharvi D.* Kratkaya istoriya neoliberalizma: aktual'noe prochtenie / Dehvid KHarvi; Per. s angl. N.S. Braginoj. M.: Pokolenie, 2007.

В.В. АТАЯН

Стадии развертывания овеществленной ценностной ориентации

Аннотация. Глобализация экономическая приводит к глобализации культурной, ценностной. Возникает глобальная овеществленная ценностная ориентация, проходящая четыре исторических стадии своего развертывания. Первая возникает в Новое время (время зарождения капитализма), вторая — во времена Великой французской революции, третья стадия начинается с Первой мировой войны, четвертая — со второго этапа научно-технической революции, с эпохи становления информационных технологий и всеобщей информатизации.

Ключевые слова: глобализация, ценностная ориентация, капитализм, культура, информационные технологии, научно-техническая революция.

Abstract. Globalization leads to economic globalization, cultural, valuable. There is a global reified value orientation, passing four historical stages of its deployment. The first occurs in the new temporary rise of capi-

talism), the second stage from the time of the French Revolution, the third stage begins with the First World War, the fourth — since the second stage of the technological revolution, the era of the formation of information technology, and general information.

Key words: Globalization, value orientation, capitalism, culture, information technology, scientific and technological revolution.

В своем становлении глобализация (вместе и неразрывно с капитализмом) проходит несколько стадий, порождая ценности, культуру и политические отношения с соответствующими характеристиками.

При этом вся ценностно-духовная сфера предстает в виде общекультурной ценностной ориентации²³, проходящей в своем развертывании ряд сменяющихся исторических типов [1].

Вместе с тем социальная практика, в том числе и нормотворческая, демонстрирует, что в мире наряду с основной овеществленной (товарно-фетишистской) ценностной ориентацией продолжает существовать альтернативная — нерыночная, неовеществленная коллективистская ценностная ориентации, прежде всего, в недрах культур стран Незапада [2].

Схематически стадии развертывания овеществленной (товарно-фетишистской) ценностной ориентации эпохи глобализации в социально-философской науке представляются следующим образом.

Первая стадия начинает зарождаться в Новое время (с момента Великих географических открытий, зарождения капитализма), вторая — с начала Великой французской революции, Наполеоновских войн, третья начинается с Первой мировой войной, четвертая — со второй стадии научно-технической революции, с эпохи становления информационных технологий и всеобщей информатизации. С момента зарождения капитализма возникают и новые ценности, новая культура.

Данную эпоху, в которой господствующее положение начинают занимать рыночные ценности, сообразно существующей традиции обозначают как культуру модерна, или «модернистского проекта». На наш взгляд, содержание этапов (стадий) развертывания культуры модерна можно обозначить следующим образом.

²³В современной неклассической психологии наиндивидуальные (в том числе общекультурные) ценности выступают в качестве предмета исследования со стороны макросоциопсихологии. В контексте данного исследования интересны научные изыскания российского психолога, члена-корреспондента РАН А.В. Юревича.

Первый этап — это период становления фундаментальных основ ценностей данной культуры, которые были созданы под влиянием развития науки, общества и, безусловно, классической философии. Именно в этот период Разум и сопряженная с ним гуманистическая этика (как справедливо подчеркивает А.Л. Доброхотов) становятся центральными ценностями. В это время созревают альтернативные мировоззренческие модели (в трудах Бруни, Браччолини, Альберти, Манетти, Валлы), в рамках которых формируется особый тип философского отношения к жизни и творчеству, топика гуманизма расширяется до социальных и экономических проблем. Последующее развитие европейского общества (становящегося к тому времени на капиталистические рельсы) знаменуется началом религиозной революции — Реформации.

Громогласное (сопровождавшееся идейной борьбой, а в последующем войнами) рождение протестантизма с его культом абстрактного человека, как подчеркивает Маркс, с разрывом нагроможденной схоластической культуры, свидетельствует о становлении новой экономической и культурно-ценностной системы. В ее рамках по-новому ставились и решались философские и социальные проблемы. Так, А.Л. Доброхотов подчеркивает, что спор между Лютером и Эразмом Роттердамским демонстрирует становление мировоззренческих дискуссий, имеющих далеко идущие последствия. Эразм утверждал существование свободы воли, призывая отказаться от схоластических построений, вернувшись на «путь Христа» — к милосердию, вере и простой жизненной мудрости. Лютер (как и Цвингли, Меланхтон, Кальвин) подготовил почву для перехода от идеалов эпохи Возрождения к новоевропейскому идеалу рационально-активного и этически ответственного субъекта.

Стоит отметить, что реализация этих ценностей была различной, однако наиболее важными являются характеризующие эпоху признаки, которые выделил М. Вебер, — «интеллектуализация и рационализация». В этот период происходит становление новых ценностей (такой позиции придерживается и Ж. Бодрийяр), которые начинают в Новое время заменять старые. Размышляя о ценностно-мировоззренческом развитии в вышеобозначенный период, на наш взгляд, необходимо отталкиваться от того, что это время развития мануфактурного городского колониального капитализма. В этой связи совершенно не случайно появление идей либерализма, парламентаризма, разделения властей, самоценности человеческой жизни, четко обозначенных в творчестве Спинозы, Локка, Гоббса. При этом закладывается основа для ценностного распада, который начнется во втором периоде. Социокультурное развитие общества в XVII в. демон-

стрирует, по мнению А.Л. Доброхотова, трудные времена религиозной мысли, из которой «вымывается» метафизическое содержание, центр тяжести переносится на этическое, социальное, психологическое. Однако философская мысль (Декарт, Паскаль, Мальбранш, Спиноза, Лейбниц, Беркли), несмотря на культурную капитуляцию западного христианства, активно занимается божественной сферой, выводя при этом из своих теолого-философских построений необходимость тех или иных церковных и политических (например, в учении Спинозы) реформ. Данный ценностный сдвиг имел глубочайшие последствия и для политической жизни Европы, для становления системы, получившей название Вестфальской.

Протестантизм, являющийся знаменем бурно зарождающегося, но еще христиански-аскетического капитализма, повел наступление на позиции католической церкви и ее политической власти, ее могущественных союзников — дома Габсбургов. В период тридцатилетней войны католическая Франция, руководимая кардиналом Ришелье, выступила на стороне протестантской фракции, ибо утверждение и экспансия новых производственно-трудовых отношений и, как следствие, новых ценностей привели к рождению такого феномена, как национальное государство. Именно подобный тип государства демонстрирует в политической сфере наступление новых — рыночных — ценностей, овеществленной ценностной ориентации. Примечательно, что еще более столетия держалась феодально-абсолютистская система в главнейшем европейском политическом акторе — во Франции. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между новыми и старыми ценностями накапливались постепенно, что и привело к грандиозным политическим событиям конца XVIII в. — Великой французской революции, без преувеличения изменившей весь мир. Важным еще является то, что духовные устремления XVIII в. (эпоха Просвещения) противоречат старым ценностям. Все это характеризуется одновременным коллапсом старой философии и религии. Характеристикой новой отрицающей и преодолевающей старую духовности является вера в человеческий разум, в силу знания, способного все изменить к лучшему, осчастливить человечество, принести свободу. При этом теоретическое познание неотделимо от практического действия, обеспечивающего прогресс как высшую цель общественного бытия. Прогресс же, в конечном счете, видится в ниспровержении монархии, сословий, привилегий и «гадины», как говорил Вольтер, которую надо убить — церкви.

Второй период (начинающийся в постнаполеоновскую эпоху) характеризуется проявлениями вырождения и пессимизма, связанными с накоплением негативных последствий научно-технического прогресса

са и осознанием невозможности осуществить «модернистский проект» относительно общества и индивида [4, 154]. Этот период, на наш взгляд, демонстрирует торжество в функционировании ценностей рыночного общества: происходит еще большая замена ими классических ценностей локальных культур.

Однако серьезные кризисные симптомы имелись уже в период позднего Просвещения. К критическому ступору приходит абсолютизм, его идеология и ценности, и, что очень важно — в критическом состоянии оказываются отношения между производительными силами и производственными отношениями, свойственными абсолютизму. Кризис европейского Просвещения и изменение религиозно-психологической атмосферы, по мнению А.Л. Доброхотова, становятся заметны в творчестве позднего Руссо, в изысканиях литературно-философского течения «Буря и Натиск» с его экспансивным волюнтаризмом, в интуиционизме зрелого Гете, в антипросвещенческих выпадах Гамана и Якоби, в визионерской мистике Сведенборга. Правда, особняком стоит немецкая классическая философия, соединившая в себе достижения своей эпохи и евангельские ценности, в отличие от постклассической философии, рождающейся в 1840-х гг., делающей шаг назад — к просвещенческому отрицанию христианской религии. Отрицание старых христианских ценностей и поворот к Просвещению со стороны немецких философов, начиная от Фейербаха и далее, на наш взгляд, говорят о том, что к этому периоду более консервативная Германия (прежде всего ее прусская часть) начинает переживать экономические, культурные, отчасти политические процессы, которые столетиями развертывались в таких передовых странах, как Англия или Франция.

Третий период, зародившись в начале XX в., когда капитализм, по мнению В.И. Ленина, вступает в стадию империализма, демонстрирует совершенно, на наш взгляд, явный атрибут наступившей глобализации — мировую войну. В этот период происходит разделение мира на небольшое количество могущественных государств и блоков, ведущих между собой ожесточенную борьбу за ресурсы. Полностью изменяются хозяйственные, пространственные, коммуникативные и ценностные характеристики мира. «Действительно, судя по всему, начиная с 1914 года понятие “Война” в той или иной мере подразумевает достижения “мирового” размаха» [5, 159]. По данному поводу Жан-Люк Нанси пишет: «Отметим, прежде всего, что этот “мировой характер” определяется не столько размахом зон конфликта (повторяю, в определенном смысле они обнаруживаются по всему миру), сколько мировой ролью — экономической, технической и символической — отдельных государств, чей суверенитет вовлечен в войну» [5, 159].

Таким образом, обнаруживается хозяйственно-техническое (оно подтвердится с еще большей очевидностью в период Великой депрессии 1920—1930 гг.) и ценностное единство мира. Данное глобальное единство открывает новую страницу в истории существования и коммуникации человека, изменяются топология его существования (и восприятие данной топологии). Изменения приводят к тому, что «все временные и пространственные дали сжимаются. Куда раньше человек добирался неделями и месяцами, туда теперь он попадает на летающей машине за ночь. О чем в старину он узнавал лишь спустя годы, а то и вообще никогда, о том сегодня радио извещает ежечасно в мгновение ока» [6, 316].

Четвертый период глобализации характеризуется продолжающимся процессом изменения производственных, коммуникативных факторов, которые приводят к зарождению столь важного социально-культурного феномена, как компьютерные технологии, определяя содержание второго этапа научно-технической революции. И практически вся человеческая деятельность и его существо сливаются в единстве с этим удивительным артефактом, пожалуй, главным символом эпохи глобализма позднекапиталистического периода.

Таким образом, в корне изменяются пространственные и коммуникативные характеристики существования человека. Локальные культуры и «аристократический принцип» отбора ценностей сходят на нет. «Кризис локальной культуры (или их системы) представляет собой естественный процесс в рамках того технологического пути, который был выбран нашей цивилизацией» [4, 156]. При этом данный выбор приводит к отрицанию старых, локальных, ценностей и, как следствие, к кризису культуры — к пределам их массового приятия [3].

Литература

1. *Атаян В.В.* Развертывание глобальной овеществленной ценностной ориентации в XX — начале XXI в. // *Философия хозяйства.* 2016. № 2.
2. *Атаян В.В.* Экономико-аксиологическое содержание конституций стран Ближнего Востока // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право.* 2016. № 1.
3. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис.* М., 1997. № 1—3.
4. *Мионов В.В.* Философия и метаморфозы культуры. М.: Современные тетради, 2005.
5. *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004.

6. *Хайдеггер М.* Вещь // Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.

Reference

1. *Atajan V.V.* Razvertyvanie global'noj oveshhestvennoj cennostnoj orientacii v XX — nachale XXI v. // *Filosofija hozjajstva*. 2016. № 2.
2. *Atajan V.V.* Jekonomiko-aksiologicheskoe sodержanie konstitucij stran Blizhnego Vostoka // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 11. Pravo*. 2016. № 1.
3. *Inglhart R.* Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva // *Polis*. M., 1997. № 1—3.
4. *Mironov V.V.* *Filosofiya i metamorfozy kul'tury*. M.: Sovremennye tetradi, 2005.
5. *Nansi ZH.-L.* *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe*. Minsk: Logvinov, 2004.
6. *Hajdegger M.* *Veshch // Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya*. M.: Respublika, 1993.

К.В. СЕНЮТКИН

Система ценностей в западнохристианской и восточнохристианской культурах

Аннотация. Предметами проведенного научного исследования являются ценности западнохристианской («рождественской») и восточнохристианской («пасхальной») культур, а также их место в духовной жизни социума. Сделана попытка показать наиболее характерные особенности типологии двух ценностных ориентаций, которые основываются в том числе и на догматических разногласиях. Основное различие культур состоит в том, что православие делает упор на спасение человека через подражания Христу, т. е. «обожение», а католицизм последовательно реализует установки земного самоутверждения, что ведет к девальвации духовных ценностей.

Ключевые слова: западнохристианская («рождественская») культура, восточнохристианская («пасхальная») культура, ценности, традиция, духовность.

Abstract. A subject of the conducted scientific research are values West Christian («Christmas») and vostochnokhristiansky («easter») cultures, and also their place in spiritual life of society. The author as a result of generalization of the considered material made attempt to show most characteristics of typology of two valuable orientations which are based including on dogmatic disagreements. The main distinction of cultures consists that Orthodoxy places emphasis on rescue of the person through imitations Christ, that is «obozheniye», and Catholicism consistently realizes installations of terrestrial self-affirmation that leads to devaluation of cultural wealth.

Key words: west christian («Christmas») culture, east christian («easter») culture, values, tradition, spirituality.

Сегодня среди многочисленных публикаций, рассматривающих различия между западноевропейским и православным христианским миром можно выделить работу российского литературоведа, доктора филологических наук В.С. Непомнящего [6, 16—18]. Он отмечает, что разделение в христианском мире произошло в связи с различным толкованием основного смысла земного воплощения Христа. В результате образовались две ценностные системы, два типа мировоззрений — «рождественская» и «пасхальная» культуры, имеющие одно исторически обусловленное происхождение, но в процессе своего дальнейшего развития, диаметрально разошедшиеся в своих ценностных предпочтениях и ориентациях.

Антиномия двух типов христианских культур базируется на различном понимании истинных причин и значимости земного воплощения Христа. Западная христианская традиция делает свой акцент на Рождестве Спасителя, на акте Божественной Любви Бога к Человеку. Восточная же христианская традиция, не умаляя значения Рождества, акцентирует свое внимание на Пасхе, которая сверх того является призывом подражать Богу, ориентирует человека на спасение (в результате обожения) через преображение своей внутренней сути, своей природы, т. е. на деятельное нравственное начало; а западное христианство, признав наличный факт уподобления, идет к оправданию своей природы, а значит, в какой-то мере и к примиренью с нравственным несовершенством человека. В связи с этим, как мы уже отмечали, христианский идеал в данных типах культур различен: в «пасхальной» культуре главной ценностью выступает духовность — религиозность, в «рождественской» — правовой элемент, закон. С одной стороны, выступает смирение, недовольство собой, с другой — расчетливый прагматизм, ориентация на утилитарные цели.

Один из идейных источников пасхальной традиции, ориентированной, в частности, на праздник Пасхи, В.В. Зенковский видит в восточной патристике [4, 42], а С. Булгаков прямо указывает, что «Праздник Пасхи составляет сердце Православия...» [1, 250]; данные утверждения православных религиозных философов также согласуются с классификацией, выдвинутой В.С. Непомнящим и в дальнейшем поддержанной И.А. Есауловым [2], по которой русская культура сформирована и развилась именно в рамках «пасхальной» культуры, а не иной.

Многие исследователи [2, 12; 4, 42; 10, 119], отмечая социально-психологические различия двух типов христианских культур, обращают свое внимание в «пасхальной» традиции на радостно просветленные моменты жизни Христа, его воплощение и воскресение, а в «рождественской» традиции все внимание сводится к крестным страданиям Господа. Итак, в первом случае — это приверженность к трансцендентным идеям, порожденная греческой отвлеченной рассудочностью, во втором — глубокая напряженность, граничащая с религиозной экзальтацией, т. е. в данной оппозиции мы наблюдаем противопоставление акцента на Радости Духа чувственным страданиям земного Тела.

В каждой из культур — «рождественской» и «пасхальной» — обособляются определенные вероучительные характеристики: в западно-христианской культуре актуализируется акт Рождения Христа, который освящает человеческую жизнь на земле, заостряет свое внимание именно на этом аспекте вероучения — на явленной жизни Христа, и в то же время принижает значение главного, в свете православного учения, пасхального праздника (Светлой Пасхи), свидетельствующего о возможности повторения подвига Спасителя, о возможности воскресения человека в преображенном (духовно-обновленном) виде, что, безусловно, повлияло в дальнейшем на развитие различий в ценностно-смысловой составляющей культур.

Непомнящий указывает на принципиально важные различия в ценностных ориентациях западных и русских христиан, отмечая при этом, что люди Святой Руси были не лучше и не хуже западных: также «любили земную жизнь с ее удовольствиями, также стремились к богатству и благополучию...», также грешили, как и везде; но исповедание было таково, что «несоответствие этому идеалу осознавалось не как нейтральная «исходная данность», терпимая и приемлемая в качестве некой «общей нормы», а как грех и вина, «исходной данностью» был (мыслился) человек не «каков он есть», в наличном состоянии, а как образ и подобие Бога; нормой было не «оправдание в сем мире», а

«спасение в будущем веке», по убеждению философа [7, 18], нормой был идеал, как образ совершенства.

Следует отметить, что специфика русской отечественной философии истории во многом определяется особенностями восточного (ортодоксального) христианства и своеобразным, срединным положением России между Европой и Азией.

При проведении разграничительной черты, которой выступает сотеореология, или учение о спасении (спасение души человека), между двумя типами христианской культуры, мы отмечаем в западном христианстве — юридическую концепцию спасения, где Бог выступает в виде судьи, а человек в роли подсудимого, последний оправдывается перед творцом своими богоугодными добрыми делами. В общем схему праведного богоугодного поведения можно представить в следующем виде: 1) постижение истин откровения при помощи их рационального осмысления; 2) разработка на их основе нравственных норм и установок; 3) усвоение этих норм и установок верующими путем церковного воспитания.

Иными словами, религиозные истины опосредованно влияли на деятельность людей. Разрыв между «словом и делом» в западном христианстве особенно стал заметен с XI столетия, когда появляется учение об индульгенции, дополненное впоследствии концепцией о сверхдолжных делах (*opera supererogationis*). Суть заключалась в том, что, последовательно используя юридические нормы в учении о спасении, католические богословы приходят к выводу о наличии «святых угольников Божиих», которые стремились в своей деятельности осуществить не только минимум христианских требований к человеку, сводимых к исполнению заповедей, но и максимальные требования Священного Писания, заключенные в «евангельских советах». В силу этого они приобретали «великие земные заслуги», не только обеспечивающие их собственное спасение, но и вместе с «преизбыточествующими деяниями» Иисуса Христа и Девы Марии, составляющие церковную сокровищницу сверхдолжных дел. Право распоряжаться этим «богатством» получил Римский папа: именно он путем продажи индульгенций передает «излишние добрые дела святых» тем людям, у которых не хватает своих заслуг для обретения вечного блаженства. Иными словами, принадлежность к вере и «жизнь по вере» начинают в западном христианстве все более друг с другом расходиться.

В результате религиозная и социальная сферы все более обособляются и отдаляются друг от друга, наконец, появляется гуманизм, поставивший в центр своих идей проблему самоутверждения человека на земле. Теоцентризм в дальнейшем уступает место антро-

поцентризму, религия же превращается в «один из элементов культуры».

С появлением протестантизма в XVI в., который, по словам М. Вебера, выступает с программой «расколдования мира», эта тенденция становится еще более заметной [11, 10]. В результате в западноевропейских государствах господствует не «нравственный союз» между окружающими людьми, а лишь договор, основанный на праве, в связи с чем русский историк профессор В.О. Ключевский остроумно замечает, что «на Западе и чувства устанавливаются законодательным путем» [5, 386]. В этой связи для «государства или моих сограждан не особенно важно, каково мое внутреннее настроение, для них существенно лишь мое внешнее поведение» [9, с. 21]. В силу этого не только происходит секуляризация истории, но и сами христианские заповеди начинают носить подчиненный характер по отношению к «суверенным правам личности».

Необходимо согласиться с доводами, что в современном мире западного образца правовая система обладает незыблемой ценностью; ценностью выступает система, находящаяся в оппозиции нравственной, и весь механизм юридической системы держится и работает на подмене понятий.

Православие же делает упор на спасение человека через подражания Христу, т. е. «обожение». Необходимо отметить, что индивид не просто разумом познает «истины откровения», но и «живет в истине»; отсюда понятно, что истина носит не только гносеологический, но и онтологический характер: она не может оставаться лишь в сфере теории, она «причастна бытию», т. е. истории.

Онтологизм придает истории особую значимость, ибо именно в ней происходит преображение человека и становится ясным, что ему не удалось. По мнению В.О. Ключевского, «великорус — историк от природы: он лучше понимает свое прошедшее, чем будущее... Он умнее, когда обсуждает, что сделал, чем когда соображает, что нужно сделать» [5, 401]. Подобная «погруженность» в историю отразилась в отечественных философских исканиях — социально-нравственная философия и историософия становятся доминантными темами русской мысли.

Исторический процесс — это не только деятельность индивидов, социальных групп и институтов, наций и государств, но это всегда и взаимодействие человека с природой.

Рассматривая отличительные черты двух вероучительных характеристик западного и восточного, необходимо остановиться на различиях в отношении индивида к природе, к универсуму в целом. Сле-

дует отметить, что в христианстве встречаются и переплетаются две тенденции, по-разному трактующие отношение человека к окружающему тварному миру. Первая рассматривает человека как «хозяина твари» — ветхозаветная, вторая делает акцент на любви к окружающему миру — новозаветная. Человек, приобретая христианские качества, спасает не только свою душу, но и тем самым и других людей и весь тварный мир делает сопричастным вечной жизни.

Одной из главных тем как в Ветхом, так и Новом Завете, становится тема ответственности человека за «братьев наших меньших»; но если в первом случае она определена идеей «владычества», то во втором — обусловлена любовью к твари и ко всему природному миру. Западное христианство усваивает ветхозаветную традицию, в нем индивид и природа противостоят друг другу. Активность людей и — прежде всего — их интеллектуальные способности призваны подчинить низший уровень высшему, разумному, началу. Католическая традиция устанавливает жесткую иерархию «ступеней совершенств», существующих в мире. Природа, животный мир, язычники, христиане, ангелы, Бог — основные ступени этой градации. Стоит отметить, что данная иерархия устанавливает следующую ценностную градацию — чем дальше от природы, тем ближе к Богу, а значит, тем совершенней. В связи с этим Западный мир на протяжении длительного времени не понимал эстетического значения природного начала, там сохранялось равнодушие к красоте тварного космоса. По отношению к природе утверждается утилитарный подход, при котором она начинает рассматриваться как средство удовлетворения материальных потребностей человека, лишается самоценности. Происходит подчинение духовных ценностей вещным интересам, а «успехи истории» трактуются с утилитарных позиций [11, 10].

При рассмотрении русской православной традиции, опирающейся на новозаветный принцип любви к тварному миру и дополненной языческими представлениями восточных славян о единстве человека и окружающего его природного мира мы наблюдаем, что природа получает сакральное значение, причем подобный подход, отмечает профессор Л.Е. Шапошников, не проявляется лишь «в теории» — он закрепляется и в обрядовой практике, и в древнерусской литературе, и в фольклоре [11, 11]. Так, в многочисленной литературе Древней Руси природа есть полноправный участник исторических событий: например, соловей своим пением прославляет великого князя Дмитрия Донского, а сильные ветры и грозные тучи, из которых «выступают кровавые зарницы и в них трепещут линии молний», предупреждают о кровавом и тяжелом военном столкновении [8, 93]. А сколько поэзии, эс-

стетического восхищения в знаменитой характеристике нашего Отечества в «Слове о погибели Русской земли». Автор пишет: «О светлая и прекрасно украшенная земля Русская. Многими красотами прославлена ты...» [3, 192—193]. Подобных примеров можно приводить достаточно много. В результате не только природа, не только человек и его история, но и сама религия начинают оцениваться с эстетической точки зрения.

Не случайно послы князя Владимира Святославовича, «испытывающие веры», отвергли западное христианство, ибо видели «многие их службы, а красоты никакой не видели». И, напротив, византийское богослужение приводит их в восторг, вселяет уверенность, что «нет на земле такого зрелища и красоты такой», и они уже не смогут «забыть красоты той, ибо каждый, кто вкусит сладкого, не возьмет горького. Так и мы не можем уже остаться прежними». Итак, эстетический критерий оценки явлений становится важнейшим фактором при «выборе веры», а значит, и исторической судьбы народа. При этом важно подчеркнуть, что эстетические оценки в русской традиции связаны прежде всего с «красотой духовной», т. е. они подчеркивают приоритет духовных ценностей перед материальными, выступают против утилитаризма.

В заключение хотелось бы отметить, что у России свой путь, свой вектор развития и свой способ организации общественной жизни, проверенные историей. Возрождение и обновление России, развитие русской цивилизации должны осуществляться на основе ее базисных традиционных ценностей — на собственном социально-культурном опыте, на православно-христианских ценностях, на нормах нравственности, на ценностях русской литературы, на принципах державности, соборности и патриотизма, выработанных и выстраданных русским народом на протяжении своей жизни и доказавших свою духовную силу и состоятельность, социальную значимость в его исторической практике.

Литература

1. Булгаков С. Православие. М.: АСТ, 2003.
2. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004.
3. Задонщина // Изборник: Повести Древней Руси. М.: Художественная литература, 1986.
4. Зеньковский, В.В. История русской философии. Т. 1. М.; Ростов н/Д, 1999.

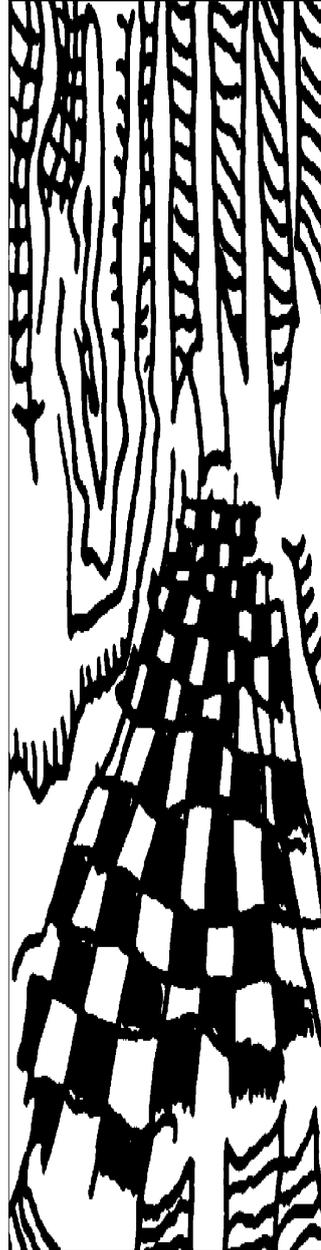
5. *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Мысль, 1990.
6. *Непомнящий В.С.* Феномен Пушкина и исторический жребий России // Московский пушкинист. М.: Наследие, 1999.
7. *Непомнящий В.С.* Рождество или Пасха? // Православный молодежный журнал «Наследник». № 3(44). Изд-во: Новоспасский монастырь, 2012 // http://www.naslednick.ru/archive/rubric/rubric_1358.html.
8. Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас: АГПИ, 1993.
9. Труды святейшего патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). Н. Новгород: Изд-во Печер. Вознес. муж. монастырь, 2007.
10. *Удальцова З.В.* Византийская культура. М.: Наука, 1988.
11. *Шапошников Л.Е., Пушкин С.Н.* Русская историософия: избранные школы и персоналии. СПб.: Издательство РХГА, 2014.

References

1. *Bulgakov S.* Pravoslaviye. M.: ACT, 2003.
2. *Esaulov I.A.* Paskhalnost of the Russian literature. M.: Krug, 2004.
3. *Zadonshchina* // Izbornik: Stories of Ancient Russia. M.; Fiction, 1986.
4. *Zenkovsky V.V.* Istoriya of the Russian philosophy. Vol. 1. M.; Rostov-on-Don, 1999..
5. *Klyuchevsky V.O.* Soch.: In 9 v. V. 9. M.: Thought, 1990.
6. *Nepomnyashchy V.S.* Pushkin's phenomenon and historical lot of Russia // Moscow Pushkin scholar. M.: Heritage, 1999.
7. *Nepomnyashchy V.S.* Christmas or Easter? // Orthodox youth magazine «Naslednik». Publishing house: Novospassky Monastery, 2012, No. 3 (44). / http://www.naslednick.ru/archive/rubric/rubric_1358.html.
8. Stories of temporary years (Lavrentyevsky chronicle). Arzamas: AGPI, 1993.
9. Works of the most Saint patriarch of Moscow and all Russia Sergiya (Stragorodsky). Publishing house: Pecher. Uplifted. husband. monastery. N. Novgorod, 2007.
10. *Udaltsova Z.V.* Vizantiyskaya culture. M.: Science, 1988.
11. *Shaposhnikov L.E., Pushkin S. N.* Russkaya historiosophy: elect-ed schools and personnel. SPb.: RHGA publishing house, 2014.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

С.А. ДЯТЛОВ

Фундаментальные понятия новой экономической теории*

Аннотация. Статья посвящена развитию информационной парадигмы общественного развития и раскрытию содержания фундаментальных экономических понятий: субстанция, субстрат, атрибут, социальная материальность, вещественность, рефлексированная предметность, информационная ценность.

Ключевые слова: информационная парадигма, кризис, субстанция, субстрат, атрибут, материальность, предметность, информационная ценность, управляемый хаос.

Abstract. The article is devoted to the development of the information paradigm of social development and the comprehension of the contents of fundamental economic concepts: substance, substrate, attribute, social materiality, reflection objectivity, informational value.

Key words: information paradigm, crisis, substance, substrate, attribute, materiality, objectivity, information value, controlled chaos.

В условиях разворачивающегося системного глобального кризиса в умах большинства ученых-экономистов, приверженцев теоретических догм индустриально-рыночного фундаментализма, царит хаос и непонимание сути происходящего. Сегодня наступило время мировой и отечественной научной мысли преодолеть энтропию либерально-рыночного мышления, вырваться из порочного круга догм либерально-рыночного фундаментализма и на основе новой научной парадигмы, адекватной информационно-сетевой эпохе, создать новый порядок в науке, и, прежде всего, в экономической науке. В этой связи приведем слова известного экономиста П. Кругмана, который в своей работе «Возвращение великой депрессии?!» пишет: «Истинная редкость в мире — это не ресурсы... а понимание происходящего» [6].

С наступлением XXI информационно- сетевого века на смену старой индустриально-рыночной парадигме грядет новая научная парадигма — информационная парадигма управляемого (программируе-

*Статья подготовлена при грантовой поддержке РФНФ, проект № 16-02-00531а.

мого) развития человеческого общества и, соответственно, на смену старого экономика идет новая экономическая теория.

Субстанциально-информационная парадигма

Развиваемая нами *субстанциально-информационная парадигма общественного развития* базируется на ряде базовых фундаментальных положений [3]. Используемые людьми материальные и духовные блага (средства производства, товары, услуги, знания, деньги и пр.) представляют собой продукты человеческого труда, результаты целесообразной, совместной трудовой деятельности людей. В рамках теории классической политической экономии субстанцией стоимости является абстрактный общечеловеческий труд, стоимость — это общественное отношение, стоимость товара — общественная форма общечеловеческого труда. Величина стоимости определяется общественно-необходимыми затратами труда. Деньги — это всеобщая эквивалентная форма стоимости.

Труд есть функция рабочей силы. Рабочая сила человека есть актуализация его способности к труду. Способность к труду — это естественно-природное свойство, имманентно (внутренне) присущее живой личности человека, которое даровал ей Господь Бог в момент творения. В основе этого естественно-природного свойства человека к труду лежит субстанциально-творческий принцип бытия. Человек призван использовать этот дар — творческую способность к труду для преобразования своего внутреннего и внешнего мира в соответствии с законами правды, гармонии и красоты.

Субстанциальный принцип бытия носит универсальный характер и предполагает, что наивысшей реальностью бытия является целостно-существующая универсальная метареальность, представляющая собой целостную систему со сложной многоуровневой структурно-функциональной организацией. Каждый отдельный ее внутренний элемент также существует в рамках данной целостно существующей универсальной метасистемы и копирует ее основные генетические свойства.

Базовыми понятиями субстанциальной парадигмы являются взаимосвязанные понятия: существующая реальность, сознание, слово, информация, целостность, цель, целесообразность, смысл, ценность, нравственный императив, доминантное целеполагание, векторная направленность развития целостно существующей реальности и всех ее составляющих. Целостно существующая многоуровневая система всегда имеет своего соответствующего творческого субъекта управления, который, руководствуясь присущим ему доминантным нрав-

ственным императивом, смыслом и ценностью, осознанно задает векторную направленность и осуществляет управление параметрами ее развития.

Целостно существующая универсальная метареальность имеет своего творческого, универсального метасубъекта управления, который управляет функционированием и развитием данной метареальности как единой и целостной системы, имеющей определенные информационно-энергетические предметно-фиксированные и функционально-полевые характеристики и формы.

Отметим, что слова «целостность», «цель», «целесообразность», «целеполагание» имеют один и тот же корень и семантически тесно связаны друг с другом. Главным признаком истинного знания является *принцип «целостности»*. Следовательно, в рамках обосновываемой нами концепции речь идет о целостности знания, целостности и полноте информации. Целостность является и главным признаком единства элементов системы, в том числе и общественной системы. Следовательно, речь должна идти о достижении, обеспечении, поддержании целостности общества, целостного единства всех его членов, институтов, иерархических структур. Такое целостное единство должно обеспечиваться целостным единством действий, обусловленных единой доминантной целью, соответствующей генетической природе системного явления.

В современной квантовой физике универсальная функция управления всей Вселенной приписывается так называемой *универсальной пси-функции*. В терминах квантовой физики универсальная пси-функция описывается как информационно-волновое поле, которое определяет характеристики состояния мета- и квантовых объектов (атомов). Программу и векторную направленность развития задает универсальный текст ДНК (универсальное Слово, универсальная информация-знание). В живой личности человека изначально заложена способность творческого познания универсальных законов бытия, целесообразного использования их в своей жизнедеятельности и нравственно обусловленного управления развитием в соответствии с этими универсальными законами.

Главный методологический подход к исследованию любого отдельного целостно существующего явления, объекта, атома состоит в том, чтобы изучать данное отдельное явление как неотъемлемую часть (составной элемент) более высокого уровня системной целостности. Чем более высокий уровень обобщения, тем более точно (ближе к реальности) определяются, верифицируются и описываются конкретные параметры данного анализируемого явления.

Следует подчеркнуть, что ни информация, ни энергия, ни пространство, ни время не существуют сами по себе без субстанционального принципа бытия, без творческой личности субъекта управления. Творческий векторный импульс, исходящий от личности субъекта дает начало времени существования тому или иному явлению (процессу). После того как системно организованное явление, получив векторный импульс от творческого субъекта, начало существовать, оно целесообразно функционирует и развивается в заданном направлении в пространственно-временном континууме в своих определенных информационно-энергетических характеристиках и параметрах.

Когда речь идет об информации как об основе разнообразных системно организованных явлений, то имеется в виду выявление имманентно присущей всем им единой субстанциональной основы, которая актуализируется и реализуется как их *общее информационное генетически заданное содержание*.

Целостно существующая реальность, в основе которой лежит единый субстанциональный принцип бытия, имеет *системную многоуровневую структурно-функциональную организацию*, благодаря которой отдельные ее элементы существуют и взаимодействуют между собой в рамках этой единой целостности. Каждый отдельный элемент как неотъемлемая часть единой целостно существующей реальности существует целостно и имеет системную многоуровневую структурно-функциональную организацию.

И сознание (информация), и материя (энергия) являются неотъемлемыми и равно необходимыми диалектически взаимодействующими сторонами единой целостно существующей реальности. В принципе не может существовать информация сама по себе без энергии, а энергия — без информации. И информация (сознание), и энергия (материя) диалектически взаимодействуют в рамках единой целостно-существующей реальности как две стороны одной монеты — «не слитно и не раздельно».

Любое энергетическое взаимодействие между двумя и более сложными системами сопровождается определенным переносом энергии. И всегда, когда рассматривается взаимодействие двух и более систем, имеет место не просто энергетическое взаимодействие, как это традиционно принято считать, а информационно-энергетическое взаимодействие. При этом между информацией и энергией действует универсальный принцип информационно-энергетического соответствия (взаимосоответствия характера, уровня, типа и вида информации и энергии).

Информация — это атрибутивная характеристика осуществляющегося, актуализирующегося через системные взаимодействия и отношения сознания, присущего творческой личности человека (творческому субъекту управления). В рамках развиваемой нами концепции информация — это не просто атрибут некоего абстрактного отстраненного от реального мира сознания, а атрибут такого сознания, которое принадлежит активно действующему и самореализующемуся в мире творческому субъекту — живой человеческой личности и которое диалектически взаимосвязано с материей в рамках единой целостно существующей реальности. В ходе всего дальнейшего изложения нашего материала категорию «информация» мы будем использовать именно в таком смысле.

Вполне логично и закономерно сформулировать *фундаментальный закон сохранения информации и энергии*, в соответствии с которым информация и энергия как имманентные свойства субстанционального принципа бытия существуют вечно, не исчезают, не уничтожимы, а лишь меняют свои содержательные характеристики в соответствии с новым качеством и уровнем проявления целостно существующего явления. Также сформулируем *закон адекватного соответствия информации и энергии*, согласно которому конкретным уровням, типу и виду информации соответствуют такие же конкретные уровень, тип и вид энергии.

Развитием этого положения является тезис об информационном единстве мира. Главной предпосылкой являются методологическое положение о том, что условием, основой и целью развития целостно существующей экономической реальности является накопление целесообразной информации и совершенствование средств ее обработки и использования творческими субъектами-инноваторами. Разнообразные экономические явления и процессы (стоимость, цена, деньги, инфляция, прибыль, процент, рента и др.) имеют *информационную природу*. Когда речь идет об информации как о субстанции экономических явлений, то имеется в виду, прежде всего, выявление имманентно присутствующей всем разнообразным экономическим явлениям единой субстанциональной основы, которая реализуется как их общее информационное содержание.

Развиваемая нами концепция субстанциональной теории информации в ее применении к социально-экономической сфере, как междисциплинарная научная дисциплина имеет много общих точек соприкосновения по форме с трактовками базовых понятий западной научной школы, но содержательные характеристики принципиально отличны. Одной из главных отличительных особенностей развиваемой

нами авторской концепции является преодоление традиционного противопоставления сознания (информации) и материи (энергии). Принципиально новым положением также является обоснование нами тезиса о том, что в человеческом обществе в принципе нет и не может быть спонтанно возникающих, неуправляемых, стихийно протекающих процессов.

И порядок, и хаос в социально-экономических системах всегда детерминированы действиями тех или иных субъектов управления, отношения между которыми могут быть описаны законами информации и закономерностями информационного обмена. Мерой упорядоченности или хаоса социально-экономической системы является информация в своих определенных количественных и качественных характеристиках.

Функция контроля и управления в принципе не может быть бесхозной, бросовой. Если от нее отказывается один субъект, то ее тут же берет на себя другой. Пример России за последние годы: государство отказалось от многих функций управления и регулирования экономикой, результат — данные функции на себя взяли различного рода неформальные и теневые структуры. Об этом свидетельствует также вся мировая история.

Ценность того или иного экономического явления определяется уровнем, типом, видом и количеством опредмеченной (закодированной) в нем целесообразной информации. Конкретная величина определенным образом закодированной информации определяет конкретную величину целесообразных общественных затрат (затрат физического, человеческого и организационного капитала), лежащих в основе стоимости и цены данного экономического явления. Когда речь идет об информации как о субстанции экономических явлений, то имеется в виду, прежде всего, выявление имманентно присущей всем разнообразным экономическим явлениям единой субстанциональной основы, которая реализуется как их общее информационное содержание [5, 30 — 49].

Остановимся на рассмотрении базовых понятий развиваемой нами концепции новой экономической теории — политэкономии XXI в.

Экономическое отношение

Исходный пункт возникновения экономических отношений как таковых есть общественная связь, общественное взаимодействие людей в процессе воспроизводства их совместной жизни. Само существование экономических отношений обусловлено совместным обще-

нием людей, которые осваивают сообща исторически выработанную человечеством совокупность сущностных сил предшествующих поколений в виде сложной системы производительных сил. Последние представляют собой интегральную совокупность опредмеченных результатов многовековой человеческой деятельности, зафиксированных в структуре общественного воспроизводства и общественного разделения труда, в технологии, технике, научном знании, способах производства и потребления орудий труда и жизненных средств, в формах организации, обучения, контроля и управления.

Для воспроизводства своей коллективной и индивидуальной жизни люди вступают в определенные связи и отношения. В рамках этих общественных связей и отношений осуществляется взаимодействие людей с окружающим миром, с природой, друг с другом. *Экономические отношения* — это, прежде всего, отношения общественные, т. е. отношения внутри сообщества людей и между отдельными его членами. Поэтому их основным свойством является такое качество, как социальность, которое само существует как изначально непосредственно данное.

В структуре целостного явления, обладающего системной структурно-функциональной организацией, каковым является понятие «экономическое отношение», необходимо выделять ряд основных качеств и свойств, характеризующих главные категориальные признаки данного явления. Содержание категории «экономическое отношение» может быть логически выражено в следующих научных понятиях: субстрат, структура, функция, материальность, функциональное бытие, предметные формы бытия.

В целостном многоаспектном бытии экономического отношения необходимо разграничивать момент его непосредственного существования и момент его проявления, момент его функционального бытия и момент его предметного бытия, момент его существования как собственно отношения и его проявления в предметно фиксированной форме.

Что представляет собой отношение вообще как философская категория? Существенное отношение есть определенный, совершенно всеобщий способ явления. Все, что существует, находится в отношении, и, по мнению Гегеля, это «отношение есть истина всякого существования» [1, 301].

В данном определении понятие «отношение», или «существенное отношение», характеризуется как всеобщий способ явления, всеобщая связь явлений. В первом наиболее абстрактном определении об отношении нельзя ничего сказать, кроме констатации факта, что оно

существует. Когда же отдельные явления (объекты, вещи) взаимодействуют друг с другом вполне определенным образом, тогда речь идет уже о конкретном отношении. Наиболее существенным в «отношении» является то, что во взаимодействие вступили конкретные стороны, принадлежащие различным явлениям, и что эти соотносящиеся стороны имеют общее основание или некое общее свойство (признак), которое и делает возможным существование конкретно данного отношения.

Конкретное отношение — это опосредованное взаимодействие, опосредованное выявлением общего субстратного свойства (признака) соотносящихся явлений. Относиться друг к другу сопоставляемые явления могут в каждом конкретном случае лишь по одному конкретному признаку, характеризующему их качественную однородность. Это дает возможность сопоставлять и сравнивать различные явления, находящиеся между собой в определенном отношении, которое обусловлено общим качеством или общим признаком, присущим всем этим явлениям.

Отношение как конкретно данное невозможно понять, если не исходить из внутренних свойств соотносящихся явлений. При этом данные свойства должны быть качественно едины, иметь общую природу, т. е. быть однотипны. Без определения общего качества явлений невозможно говорить о конкретном отношении между ними, так как соотноситься между собой могут лишь такие явления, которые изначально связаны друг с другом посредством общей для них основы.

Сформулируем важный методологический принцип исследования: первоначально необходимо исследовать не само отношение между явлениями, а сами явления, их внутренние субстратные свойства. Среди совокупности этих свойств необходимо вычленить одно общее основание, которое присуще соотносящимся явлениям, определить его качество, природу, а затем уже переходить к анализу конкретно возникающего отношения между этими явлениями. При этом качество отношения будет обусловлено конкретным качеством общего свойства, которое выделено во внутренней структуре всех соотносящихся явлений. После раскрытия природы, содержания явлений внимание переносится на исследование самого отношения, а затем лишь начинается анализ конкретных явлений, находящихся в конкретном отношении, в единстве функциональных и предметно фиксированных форм. Данный методологический принцип исследования можно назвать принципом структурно-функционального единства организации соотносящихся явлений (вещей) [4, 25 — 34].

Если оба объекта не обладают одним общим свойством, то их нельзя отнести по этому свойству в одну классификационную группу, т. е. нельзя их качественно соотнести и выявить между ними существенное отношение. Последнее становится основой для того, чтобы их по данному свойству отличать друг от друга. Отметим, что проблема классификации явлений — это центральная проблема новой универсальной методологии — методологии информационного содержательного анализа.

В качестве примера можно привести исследование К. Марксом сущности стоимостных отношений. В «Капитале» он начинает свое исследование не с анализа собственно стоимостного отношения, а с анализа внутренних свойств товара — потребительной стоимости и стоимости, выясняя, прежде всего субстанцию, основное внутреннее свойство, качество разнообразных товаров. Лишь определив субстанцию, единую внутреннюю основу всех товаров, которая есть ове­щественный абстрактный человеческий труд, он переходит к анализу понятия «стоимость», проявляющую себя в меновом отношении, или в меновой стоимости товаров. Содержание стоимостного отношения К. Маркс раскрывает через анализ и выявление единой внутренней субстанциональной основы всех товаров, находящихся в меновом отношении друг к другу [8, 56].

Отношение как бы фиксирует конкретный факт взаимодействия соотносящихся явлений, и существование этой единой качественной определенности у взаимодействующих явлений учитывается лишь опосредованным образом через конкретное отношение. Конкретные свойства явления не возникают из ее отношения к другому явлению, а лишь обнаруживаются в этом отношении. Характер отношения, образующегося в процессе взаимодействия его сторон, вытекает из внутренних свойств этих взаимодействующих сторон.

Отношение, будучи функциональным по своей природе, может проявляться только через взаимодействующие стороны явлений (объектов), и в них находит свое предметное воплощение, превращаясь в определенное существенное свойство этих явлений. Вся сложность при анализе экономического отношения как материального явления состоит в том, что оно, как и отношение «вообще», не имеет чувственно грубой предметности. Стоимость имеет чисто общественный характер, и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому товару.

Субстанция, субстрат, социальная материальность

Чем является стоимость, что составляет ее материальный субстрат, каков ее социальный способ существования? Данные вопросы были предметом рассмотрения классиков английской политической экономии. Адам Смит в рамках общего подхода, согласно которому производительный труд есть, прежде всего, труд, обмениваемый на капитал, в то же время отличал производительный труд от непроизводительного по признаку материализации. По его мнению, производительный труд — это труд, овеществленный в природном, чувственно конкретном продукте. Исходной предпосылкой Смита служит такая материализация труда, при которой труд выражается в конкретно чувственных, грубо предметных свойствах произведенной вещи.

Стоимость противопоставляется грубо вещественной материальности в товарах и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому. Субстанцией стоимости является абстрактный общечеловеческий труд. Стоимость как кристалл общественной субстанции есть выражение овеществленного в каком-либо предмете общественно необходимого человеческого труда.

Ни стоимость, ни деньги, ни абстрактный труд, а вместе в них и все другие явления и понятия экономической реальности, не содержат в себе ни атома природного вещества, не имеют ничего общего с грубо-чувственной вещественностью, т. е. имеют исключительно социальный способ существования. Но что это за способ, каковы его качественные характеристики и свойства?

В первом приближении можно констатировать, что грубо вещественная материальность представляет собой чувственно воспринимаемую вещь или вещество природы. *Социальная материальность* есть определенная общественная форма отношений между людьми, которая проявляется посредством вещей, продуктов труда. Это общественное отношение, воплощенное в вещественном теле товара, делает данный товар носителем определенных общественных свойств. Именно в силу данного обстоятельства потребительная стоимость товара как носителя стоимости (стоимостных отношений) становится предметом политэкономического анализа.

Рефлектированная предметность

Содержание понятия «социальная материальность» как важнейшее свойство экономического отношения может быть раскрыто с позиций анализа противоречивого диалектического единства между функциональным и предметно фиксированным бытием экономическо-

го отношения, между отношением и вещью, стоимостью и потребительской стоимостью. Данное диалектическое противоречие находит свое логическое разрешение при рассмотрении такой категории, как *рефлектированная предметность*.

Рефлексия — обращение назад, принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и сознание собственных сущностных сил, свойств, форм; деятельность самопознания, раскрывающая внутреннее строение и специфику духовного (психического, ментального) мира человека. «Рефлексия в себя» — термин гегелевской философии, обозначающий обратное отражение какого-нибудь понятийного определения внутрь самого себя. В диалектическом материализме рефлексия — это осознание предметно-практического отношения человека к миру.

«*Рефлектированная предметность*» — это категория вещи и категория отношения, связанные в единый узел [7, 57], это предметный сгусток (кристалл) общественных экономических отношений. Товар как рефлектированная предметность есть интегральная категория, диалектически синтезирующая грубо вещественную материальность и социальную материальность, есть своеобразный сплав вещи и отношения в единое целое. Любое отношение всегда функционально, любая вещь всегда предметно фиксирована, т. е. имеет предметно фиксированную структуру. В своем интегральном единстве отношение и вещь образуют рефлектированную предметность и делают товар предметно вещественным сгустком отношений. В силу этого товар имеет системную структурно-функциональную организацию и должен рассматриваться в единстве своего функционального бытия (как отношение) и предметно фиксированного бытия (как вещь). Тогда, когда вещество природы, подвергаясь воздействию общественной силы труда, получает социальную форму существования, когда вещь становится предметным носителем социальных (экономических) отношений, когда продукт труда становится носителем товарной формы, а потребительная стоимость — носителем стоимости, возникает такой класс явлений, как товары, которые мы можем охарактеризовать как объекты политэкономического анализа.

Экономическая теория изучает не просто вещи как непосредственно данные, а вещи «предметно рефлектированные». Продукт труда в товарной форме, или товар, — это есть рефлектированная предметность, в которой воплощена определенная совокупность социально-экономических отношений. Товар как рефлектированная предметность представляет собой социально-экономическую материальность и имеет двойственную форму своего бытия: функциональную и

предметно фиксированную. Что же является субстанцией социально-экономической материальности, субстанцией целостного экономического явления? Каков его субстрат?

Понятие «субстанция» — древнегреческий термин, который переводится на латинский язык двояко: как собственно субстанция и как сущность. Мы будем понимать под субстанцией единую сущность всех вещей и явлений, под экономической субстанцией — единую сущность, общее фундаментальное качество всех экономических явлений, благодаря которому они и существуют как таковые.

Понятие «субстрат» переводится с позднелатинского как общая основа многообразных явлений, основа общности или сходства однородных явлений. В диалектическом материализме — это общая материальная основа явлений; совокупность относительно простых, качественно элементарных материальных образований, взаимодействие которых обуславливает свойства рассматриваемой системы. Мы будем понимать под субстратом общую предметно фиксированную основу многообразных явлений, под экономическим субстратом — общую предметно фиксированную основу, общее фундаментальное свойство, присущее всем экономическим явлениям, благодаря которому они качественно однородны и сопоставимы друг с другом.

Понятия «субстанция» и «субстрат» диалектически взаимосвязаны. Субстанция как единая сущность всех явлений по отношению к самим этим уже существующим явлениям проявляет себя как их общий предметно фиксированный субстрат, основа этих существующих явлений. В первом случае субстанция как единая сущность всех явлений существует как таковая. Во втором — субстанция в качестве предметно фиксированного субстрата существует в своем отношении к уже существующим явлениям. Субстанция как единая сущность, как единственная причина существования всех явлений есть собственно субстанция. Субстанция как единая основа, общее качество всех уже существующих явлений, есть субстрат. Субстанция, рассматриваемая в своем отношении ко всем существующим явлениям в качестве их общей основы, и есть субстрат. Субстанция — единый всеобщий принцип существования.

От понятия «субстрат» необходимо отличать термин «атрибут». Атрибут переводится с латинского как «придаю, наделяю». Атрибут — это необходимое, существенное, неотъемлемое свойство предмета (объекта); существенный признак, постоянное свойство, неотъемлемая принадлежность предмета. Атрибутивный — употребляющийся в качестве определения. Под атрибутом мы будем понимать необходимое, существенное, неотъемлемое свойство явления, характеризующее дан-

ное явление вполне определенным образом. Вычленение в структуре явления конкретного атрибутивного признака дает возможность не только дать определение данному явлению, выявив его существенное, постоянное неотъемлемое свойство, но и позволяет включить его в определенный класс явлений. Атрибутивный — это внутренне имманентно присущий явлению признак (свойство) (см.: [2]).

Субстанционально-информационные свойства времени и пространства

В философском, онтологическом смысле время и пространство также имеют информационную природу. Течение (скорость) времени, масштаб времени зависят от скорости обмена информацией и энергией, от интенсивности происходящих информационно-энергетических взаимодействий. Сформулируем следующий фундаментальный закон: *чем больше скорость обмена информацией и энергией и интенсивность информационно-энергетических взаимодействий данной системы (данного субъекта) с внешней средой (с другими субъектами), тем быстрее течет время для этой системы (для данного субъекта),* и наоборот.

При этом мы вводим и различаем понятия «качество времени», «векторная направленность времени», «размерность, или масштаб, времени», «скорость времени», которые зависят от структурно-функциональных характеристик информации, соответствующего качества (уровня) и емкости (размерности) информации.

Сформулируем важнейшее положение: чем более динамично и быстро протекают и овеществляются информационные процессы в обществе, чем большие объемы информации перерабатываются и используются людьми, тем быстрее течет и идет время. В XXI в. — веке бурного роста объемов информации — время течет быстрее. Это учеными различных областей исследования фиксируется как реально существующий факт.

Каждой исторической эпохе присущи свое время, своя скорость протекания информационно-энергетических процессов и взаимодействий, своя скорость течения времени и свое качество времени. Данное утверждение верно и для жизни отдельного человека, и для жизни всего человеческого общества. Для каждого отдельного системного явления существует свое индивидуальное поле времени. Но применительно к существованию совокупности системных явлений существует совокупность полей времени, взаимодействующих в рамках целостного единства. Это может открыть новые подходы к «управлению временем».

На поверхностных уровнях анализа у каждой исторической эпохи, как и у каждого отдельного человека или этноса существуют свои индивидуальные качество и скорость времени. На глубинном субстанциональном уровне время качественно нейтрально, не измеряемо, не имеет масштаба, «равно нулю и бесконечно одновременно», т. е. время обладает сущностной характеристикой: *время из своего прежнего качества как измеряемое текущее мгновение превращается в свою существенную противоположность — неизмеряемую вечность.*

В рамках концепции «субстанционально-целостного знания» формулируется следующее фундаментальное положение: нет самого по себе обособленно существующего прошлого, нет самого по себе обособленно существующего будущего, но есть субстанционально-целостное, единое, непрерывно существующее настоящее. Человеческая личность живет, по сути, только в субстанционально-целостном, едином, непрерывно существующем настоящем (см.: [5, 39 — 40]).

В рамках субстанционального методологического подхода информационную природу имеет и такое понятие, как «пространство».

Информация как субстанциональное содержание экономических явлений

Сформулируем главное методологическое положение, рассматриваемое в качестве основополагающего принципа нашего исследования. Единой субстанциональной основой (субстанциональным содержанием) целостно существующей экономической реальности во всем многообразии ее проявления (в виде разнообразных социально-экономических процессов и явлений) является целесообразная информация, рассматриваемая в единстве своего функционального (информационная функция, информационное поле) и предметно фиксированного бытия (информационная структура, образ). Эта единая субстанциональная основа разнообразных социально-экономических процессов и явлений реализуется как их *общее информационное содержание.*

Такие экономические явления, как стоимость, деньги, цена, спрос, инфляция, прибыль, управление и другие, имеют информационную природу в вышеназванном смысле.

Информация — универсальная общенаучная категория. С одной стороны, она является субстанциональной основой существующей экономической реальности. Все разнообразные экономические явления имеют единую причину и основание. Именно это единое общее основание, которое на субстанциональном уровне представляет собой информационное взаимодействие, делает различные экономические явления качественно однородными и сопоставимыми друг с другом.

Иными словами, все существующие экономические явления имеют общий субстрат, представляющий собой устойчивую информационную структуру.

С другой стороны, все внешние формы выражения и количественные характеристики, присущие совершенно различным экономическим явлениям, могут быть сведены к элементарным и одновременно иерархически сложно структурированным информационным составляющим и выражены в универсальных единицах информации.

Материальность, вещественность, предметность

Процесс производства определенного продукта представляет собой, по сути, процесс целесообразного воздействия на объект (предмет, вещество) природы с целью преобразования его и придания ему конкретной формы, адекватной информационной модели и пригодной для удовлетворения конкретных потребностей. При этом происходит как бы воплощение информационного замысла в веществе природы, т. е. в определенном смысле информационная модель, образ создаваемого предмета как бы материализуется.

Следует различать понятия «материальность», «вещественность», «предметность». Под материальностью мы понимаем всеобщую основу всех существующих в природе физических процессов и явлений. Субстратом физической реальности во всем многообразии форм ее проявления является материальность. Понятие «материальность» шире и глубже понятия «вещественность». *Вещественность* — это всеобщий атрибут многообразных форм проявления физического вещества. Материальность выступает субстратом, всеобщей основой не только вещества, но и огромного многообразия физических процессов, состояний и явлений, имеющих другие атрибутивные признаки, отличные от атрибута вещественности (например, энергия, плазма и др.). Под *предметностью* мы понимаем определенное устойчивое состояние, фиксированную структуру той или иной целостно организованной системы (как материальной, так и идеальной). Понятие «предметности» соотносится не с понятиями «материальность» или «вещественность», а с понятием «функция» («функциональное взаимодействие»). В соответствии с этим любое реально существующее явление — как идеальное, так и материальное — имеет две диалектически единые формы бытия: функциональное бытие и предметно фиксированное бытие. Любое экономическое явление как рефлектированная предметность имеет функциональное бытие и предметно фиксированное бытие. Последнее выражает свое содержание в определенных внешних формах.

Вещественность не является общим атрибутом ни производительных сил, ни экономических отношений, поскольку такие их элементы, как технология, энергия, научное знание, организация, управление и др., хотя и не имеют физической вещественной формы, но имеют целесообразную причину существования, материальны и действуют предметным образом.

Предметность экономических отношений состоит не просто в их материальности или в вещественности форм их выражения, но и в особом информационном свойстве самой трудовой деятельности, которая по своему характеру есть осознанный, целесообразный, управляемый процесс, направленный на производство определенного результата и удовлетворение конкретных человеческих потребностей.

Субстанциональное качество человека как целостно существующей живой личности в диалектически «снятом» виде предстает как его субстратная основа, которая, в свою очередь, проявляет себя предметным образом через актуализацию ведущих атрибутивных свойств человека в окружающем его мире. Совокупность ведущих атрибутивных свойств человеческой личности в виде важнейших потребностей, способностей, интересов и целей представляет собой целостную систему производительных сил индивида, реализующихся в его предметно практической деятельности, в его реальном предметно практическом взаимодействии с окружающим миром.

Человек, рассматриваемый как носитель целостной системы производительных сил, способен преобразовывать окружающий его мир в силу того, что предметна его субстратная основа, предметна его деятельность, которая в процессе взаимодействия с внешним миром действует как целесообразная материальная сила. Социальная материальность производительных сил человека выступает как предметно деятельный способ его предметного бытия, как целесообразный труд, и не сводится лишь к грубо физической телесности. Человек действует предметным образом, потому что предметное заключается в его существенном определении.

Человек как носитель комплекса производительных потребностей и способностей выступает *социальной производительной силой*, которая — сформированная общественным воздействием — в процессе труда веществу (материалу) природы противостоит не просто как природная физическая сила, а как частица интегральной социальной силы всей человеческой цивилизации (не только нынешних, но и всех прошлых поколений) [10].

Определение понятия «информация». Информационная ценность

Информация — это атрибутивная характеристика осуществляющегося, актуализирующегося через системные взаимодействия и отношения сознания, присущего творческой личности человека — управляющему субъекту. Информация — это атрибут не просто некоего абстрактного отстраненного от реального мира сознания, а такого сознания, которое принадлежит активно действующему и самореализующемуся в мире творческому субъекту — живой человеческой личности. Экономическая деятельность людей по своей глубинной сути есть деятельность информационная. Главной атрибутивной характеристикой, основным атрибутивным свойством труда как важнейшей формы человеческой жизнедеятельности является информация. Труд как функция рабочей силы, которая является неотъемлемым свойством живой человеческой личности, — это всегда целесообразная деятельность. Целесообразный труд по своему глубинному содержанию есть информационная (осознаваемая или не осознаваемая) деятельность, т. е. деятельность в своем информационно-функциональном бытии.

Результаты и продукты экономической деятельности людей: товары, услуги, технологии, подготовленные специалисты, способы организации труда, методы его стимулирования и оплаты, управление производством и др. — все они представляют собой опредмеченное (овеществленное или персонифицированное) научное знание. Научное знание представляет собой определенным образом накопленную, переработанную, зафиксированную (закодированную) в интегральных производительных силах общества целесообразную информацию.

Огромное разнообразие продуктов осознанной человеческой деятельности, как овеществленных, так и не овеществленных, могут быть сравнимы друг с другом по единому общему основанию. Все они (товары, услуги, специалисты, научное знание) являются предметными носителями воплощенной в них информации. Целесообразная трудовая деятельность людей по своему содержанию представляет собой деятельность информационную, а трудовые затраты могут быть представлены в виде определенным образом закодированной в продуктах и результатах труда информации, которая может быть выражена количественно в соответствующих единицах. Это позволяет поставить вопрос о разработке методологических принципов измерения совокупных затрат и результатов производства в универсальных информационных единицах, т. е. о разработке информационной теории ценности (стоимости).

Тайна происхождения стоимости, денег и дохода (прибыли, процента, ренты) также может быть раскрыта в рамках субстанциональной теории информации. Все эти категории есть категории прежде всего информационные, поскольку они суть результат целесообразной человеческой деятельности, а внутренним содержанием последней является информация (информационная деятельность, информационное взаимодействие). Предметом экономического анализа являются вещи не сами по себе в своей природно-физической телесности, а как продукты человеческого труда, как носители определенных экономических (информационных) отношений, т. е. информационная ценность (стоимость).

Лучшими подтверждениями тезиса о том, что внутренним содержанием экономических явлений (стоимости, денег) является информация (информационная ценность), служат широкое распространение и практическое применение в наиболее развитых странах мира такого современного финансового инструмента, как электронные деньги. Именно в электронных деньгах наиболее ярко проявляются имманентные свойства ценности (стоимости), которая сбрасывает свою чувственно-грубую природную телесность и выражает свое генетическое информационное содержание или информационную ценность.

Именно в электронных деньгах ценность наиболее полно реализует свою глубинную сущность, когда информационное содержание, информационная ценность денег выражает себя в адекватной информационной форме, сбрасывая с себя природно-телесные золотые, серебряные и бумажные одежды. В информационном обществе с экономикой преимущественно информационного типа все социально-экономические феномены (ресурсы, ценность, богатство) реализуют себя в наиболее адекватной, всеобщей форме — в информационной форме: информационных ресурсов, электронных денег, информационного богатства [2].

В настоящее время идет творческий процесс пересмотра старой парадигмы в естественных и гуманитарных сферах и разработка новой парадигмы, важнейшими элементами которой являются информация, энтропия, детерминированное поведение, линейность и нелинейность процессов общественного развития, перспективы которой ряд авторов связывают с *теорией хаоса, или управляемого хаоса*.

По мнению современных исследователей, теория хаоса представляет собой сегодня ту основную область точных наук, достижения которой представители социальных наук интегрируют в свою теорию и методологию. Однако, подчеркивают авторы, более существенным

является то, что теория хаоса воспринимается как средство для объяснения и выявления многих аспектов неопределенности, нелинейности, непредсказуемости в поведении социальных систем [10].

На наш взгляд, исследование проблем энтропии и хаоса в социально-экономических системах, разработка действенных механизмов и методов управления в хаосе и получения целевых энтропийно-синергических эффектов является новым магистральным направлением междисциплинарных исследований в XXI в.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974.
2. Государство и рынок: механизмы и методы регулирования в условиях перехода к инновационному развитию / Под ред. С.А. Дятлова, Д.Ю. Миропольского, В.А. Плотникова. СПб.: Изд-во Астерион, 2010.
3. Дятлов С.А. Информационная парадигма социально-экономического развития // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995. № 3 — 4.
4. Дятлов С.А. Информационные основы экономических отношений // Гуманитарные науки. 1998. № 2.
5. Дятлов С.А. Энтропийная экономика: методология исследования глобального кризиса. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015.
6. Кругман П.Р. Возвращение великой депрессии? Пер. с англ. М.: Эксмо, 2009.
7. Маньковский Л.А. Категория «вещь» и «отношение» в «Капитале» К. Маркса // Вопросы философии. 1956. № 5.
8. Социально-экономическая трансформация хозяйственной системы России // Бродская Т.Г., Дятлов С.А., Добрынин А.И., Журавлева Г.П. и др. Коллективная монография. СПб., 1997.
9. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
10. Теория хаоса в социальных науках: основы и применения / Под ред. Л. Киля, Э. Эллиотта. Мичиган: Мичиганский университет, 1996.

References

1. Gegel' G.V.F. Ehnciklopediya filosofskih nauk. M.: Mysl', 1974.

2. Gosudarstvo i rynek: mekhanizmy i metody regulirovaniya v usloviyah perekhoda k innovacionnomu razvitiyu / Pod red. S.A. Dyatlova, D.Yu. Miropol'skogo, V.A. Plotnikova. SPb.: Izd-vo Asterion, 2010.

3. *Dyatlov S.A.* Informacionnaya paradigma social'no-ehkonomicheskogo razvitiya // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ehkonomiki i finansov. SPb.: Izd-vo SPbUEHF, 1995. № 3 — 4.

4. *Dyatlov S.A.* Informacionnye osnovy ehkonomicheskikh otnoshenij // Gumanitarnye nauki. 1998. № 2.

5. *Dyatlov S.A.* EHntropijnaya ehkonomika: metodologiya issledovaniya global'nogo krizisa. SPb.: Izd-vo SPbGEHU, 2015.

6. *Krugman P.R.* Vozvrashchenie velikoj depressii? / Per. s angl. M.: Ehksmo, 2009.

7. *Man'kovskij L.A.* Kategoriya «veshch'» i «otnoshenie» v «Kapitale» K. Marksa // Voprosy filosofii. 1956. № 5.

8. Social'no-ehkonomicheskaya transformaciya hozyajstvennoj sistemy Rossii // Brodskaya T.G., Dyatlov S.A., Dobrynin A.I., Zhuravlyova G.P. i dr. Kollektivnaya monografiya. SPb., 1997.

9. *Marks K.* Kapital // Marks K., Ehngel's F. Soch. T. 23.

10. Teoriya haosa v social'nyh naukah: osnovy i primeneniya / Pod red. L. Kilya, Eh. Ehlliotta. Michiganskij universitet, 1996.

В.И. КОРНЯКОВ, Н.А. ВАХРУШЕВА

Природное регулирование общественного воспроизводства: сколько можно помыкать им?

Аннотация. Сегодня, несмотря на столетия развития политической экономии, как экономисты, так и участники общественного производства все еще не знают не только зависимостей частного, принципиального характера, но также таких экономических сущностей, которые своим действием определяют экономическую кинетику страны. В настоящей статье предпринимается попытка бросить свет на некоторые из этих невидимых, до настоящего времени остающихся необнаруженными, но кардинально важных сущностей природного происхождения в сфере обратных связей и движений общественного воспроизводства.

Ключевые слова: общественное воспроизводство, совокупный общественный продукт, Природа, природная сила, человечество, «кольцо Маркса», обратные связи.

Abstract. Today, despite centuries of development of political economy, both economists, and participants of a social production still don't know not only dependences of private, not basic character, but also such economic entities which determine by the action economic kinetics of the country. In the present article an attempt to throw light on some of these invisible, so far remaining undetected, but cardinally important entities of a natural origin in the sphere of feedback and movements of public reproduction is made.

Key words: social reproduction, the total social product, Nature, power of nature, humanity, «Marx's ring», feedback.

Постановка проблемы. В настоящее время стало распространенным противопоставлять современную российскую экономику экономике советской, искать корни сегодняшних проблем в формационных процессах и переходах. Однако далеко не всегда именно они в состоянии объяснить происходящее. Не меньшее, а то и большее значение могут иметь, например, действия в экономике законов природы, их нарушения людьми. В порядке преодоления ограничений формационных подходов уже наметилось противопоставление одних периодов отечественной экономики другим и в иной, неформационной, группировке. Так, Л. Радзиховский считает, что беды нашей сегодняшней экономики наследственные, они порождены теми направляющими, которые экономика РФ восприняла у позднего СССР с известными недостатками его общественного воспроизводства и экономического роста [10, 2]. Мы считаем эту постановку плодотворной. И полагаем, что как в позднем СССР, так и в РФ принципиальные экономические трудности порождались и порождаются действием одних и тех же, пока еще не изученных наукой и фактически неизвестных ей, надформационных экономических отношений природного происхождения, законов этих отношений.

Невидимки политической экономии. Все общественные отношения, соединяющие людей, выстраиваются самими людьми, и выстраиваются вполне сознательно. Однако так происходит не всегда. Совершенно сознательно и достаточно адекватно люди развертывают, прежде всего, ту группу экономических отношений, которые классическая политэкономия относит к формам проявления экономических сущностей, законов. Хотя при этом немалая часть экономических отношений все же воссоздается людьми с той или иной степенью неопределенности, без точности понимания того, что у них получилось, а в некоторой важной, значащей для них самих части они сами ничего не знают о том, что и для чего творят.

Вторая (и особая) группа складывающихся при этом экономических отношений — это сами их сущности. Содержательно и структурно они совершенно не зависят от сознательной деятельности членов общества. Люди могут добиться их позитивного участия в контролируемой ими экономике, лишь правильно выстроив их формы проявления. При успехе сущность как бы «схватывается» такими формами, оживляется, просыпается в них, работает на социум. Но субъекты никогда не знают точно, насколько полно они видят и понимают данную сущность. Наконец, третья группа — это экономические отношения, творимые людьми при полной неизвестности (для себя) и непонимании того, что они делают и что у них получается.

Да, в XXI в. человечество обрело богатейшие знания, к примеру, о предалеких галактиках, квазарах и «черных дырах», однако еще не знает и не понимает многого из того, что творит собственными руками. Последний и всем известный пример — кризис 2008 г. Для ста процентов участников производств он был абсолютно неожиданным, внезапным, буквально как гром с ясного неба, и именно в тот момент, когда сотни и тысячи экономических измерителей всех стран твердо показывали «ясно». Если что и было ясно, так это то, что кризис — рукотворный, создан самими не видевшими его приближения участниками трудовой деятельности, но где, когда, каким образом, — никто не создавал.

Ни один человек не видит и не знает, как именно обычная его работа превращается не только в привычные компоненты товарно-денежных отношений (что он видит-знает), но и в составляющую всего общественного воспроизводства. Хотя это происходит. Удивительно ли, что и сегодня, после сотен лет развития политической экономики, приходится говорить о незнании как экономистами, так и участниками общественного производства не просто зависимостей частного, непринципиального характера, но также таких экономических сущностей, которые своим действием определяют экономическую кинетику страны.

В настоящей статье предпринимается попытка бросить свет на некоторые из этих невидимых, до настоящего времени остающихся необнаруженными, но кардинально важных сущностей природного происхождения в сфере общественного воспроизводства.

По проблематике общественного воспроизводства, экономического роста имеются многочисленные конкретные исследования. В деталях мы как будто бы все о них знаем. Наши незнания, по видимому, как показывает феномен 2008 г., сфокусированы на тех блоках экономических отношений, по которым такие исследования

отсутствуют. И один из таких блоков прямо-таки на виду. Это — обратные связи общественного воспроизводства, естественное происхождение которых, несомненно.

Неисследованный блок отношений общественного воспроизводства. Определенная их, обратных связей, группа уже вовлеклась в экономические исследования. Так, В.В. Леонтьев показал, как они образуют коэффициенты полных затрат — главный инструмент его межотраслевого баланса (МОБ). Но открытые Леонтьевым обратные связи воздействуют на величину и структуру определенного годового совокупного общественного продукта (СОП) и непосредственно не участвуют в образовании смежных годовых СОП. Поэтому мы назвали их горизонтальными. Однако несомненны существование и функционирование также вертикальных обратных связей, воздействующих не на один, а на ряд смежных годовых СОП. В этом убеждают общие конфигурация и движение воспроизводственной материи, выявленные К. Марксом схемами реализации СОП во II томе «Капитала».

Там из 9000 ед. годового СОП только 3000 движутся линейно на выход из общественного воспроизводства (переход в сферу личного потребления). А массив в 4000 ед., или 2/3 продукции I подразделения, движется вспять в собственные производства, чтобы возместить израсходованные в данном году средства производства и, соединившись в следующем году с новым живым трудом 2000 ед., образовать всю продукцию подразделения уже следующего года («кольцо Маркса»). Таким образом, можно говорить о воспроизводственном первенстве обратных связей относительно прямых, хотя вся экономическая литература обходит этот вопрос, не исследует его (см.: [1—6]).

Рождаемый вертикальными обратными связями естественный ресурсный регулирующий механизм общественного воспроизводства. Вращающиеся в «кольце Маркса» 4000 средств производства можно считать маховиком, концентратом энергии обратных связей. При монотонно повторяющихся воспроизводственных движениях эта энергия как бы «дремлет». Но такая монотонность — теоретическая условность, реально ее не существует. Она непрерывно взрывается проходящими через всю человеческую историю повышениями производительности живого труда, т. е. уменьшениями трудоемкости единицы продукции со снижением удельных затрат и стоимости, а в денежном выражении — издержек и цен, в конечном же итоге — высвобождениями из текущего производства части воспроизводственной субстанции. Причем повышение производительности, не завершенное снижением цены, не получает общественного значения и реально об-

щественно не высвобождает работников из производства, экономически как бы пропадает.

Теоретически ясно: общественный характер процесса производства достиг такого развития, что работники функционирующего предприятия трудятся не ради частичного продукта, создаваемого на предприятии, а для производства неких конечных продуктов в составе большой группы смежных заводов, их длинных (преимущественно плановых) производственных цепочек, и повышение производительности труда на одном из них — органическая часть общего движения производительности труда. Но при одном принципиальном условии, о котором хорошо знали еще классики: продукт предприятия должен быть передан для дальнейшей обработки по цене, уменьшенной соответственно понижению издержек. Только в этом случае понизятся издержки и цены всех последующих производств, произойдет реальное общественно признанное высвобождение труда, затрачиваемого во всей технологической цепочке заводов. Только при этом условии произойдет слияние роста производительности труда с общественным воспроизводством. А повышение производительности труда, не закрепленное снижением отпускной цены на производимый продукт, отрывается от движения стоимости этого продукта и общественно уничтожается.

И обратные связи общественного воспроизводства как бы реализуют, подхватывают и продолжают эти критически жизненно-созидающие процессы. Нетрудно установить, как они это делают (мы опираемся на пример, уже приводившийся нами, так как он имеет дело с цифрами схем реализации К. Маркса и представляется нам особенно понятным и логически обоснованным). Как ни странно, в экономической литературе мы не нашли попыток выяснить это.

Рождаемый вертикальными обратными связями естественный ресурсный регулирующий механизм общественного воспроизводства. Допустим, в I подразделении имеет место крупнейшее годовое повышение производительности труда, выразившееся в высвобождении из производства половины (1000) занятого там (2000, а в терминах Маркса, $1000V+1000M$) живого труда при создании годового продукта того же самого натурально-физического объема. Но ввиду уменьшения работающего производственного капитала (с учетом его неоплаченной части) с $4000+2000=6000$ до $4000+1000=5000$ соответственно уменьшится и стоимость произведенного продукта с 6000 до 5000. Однако, как и раньше, $2/3$ его реальной величины должны вернуться в собственные производства. Но это будут уже не 4000, а 3333,3 — на 666,7 меньше. Понятно, соответственно меньшей величиной ста-

нет и работающий производственный капитал: не $4000+1000=5000$, а $3333,3+1000=4333,3$. Иначе говоря, работающий капитал опять утрачивает часть своей стоимости, повторив первый цикл. Сначала он утратил 1000 ед. за счет экономии живого труда. В следующий год утрачивает 666,7 за счет сбережения 666,7 труда, овеществленного путем выведения из состава, функционирующих некоторой части средств производства в распоряжение социума как его ресурс. Что позволяет считать целью выявленного кругового движения порожденное повышением производительности ресурсное регулирование общественного воспроизводства.

Обратим внимание, во-первых, на то, что если первое сокращение стоимости работающего капитала вызвано нацеленными усилиями — повышением производительности, то второе никак не предопределено — никакими специальными усилиями кого бы то ни было. Оно произошло автоматически, является словно бы подарком социуму. Во-вторых, на то, что перед нами специфический, пока еще не исследованный, как бы неизвестный экономический механизм функционирования обратных связей общественного воспроизводства, «кольца Маркса». Воспроизводственное движение в этом механизме происходит как обмен между двумя блоками: функционирующим капиталом (включающим весь живой труд, не только оплаченный, но и неоплаченный) и продуктом, и идет кругами, годичными витками. Блоки стремятся к равновесию. Выравнивающее движение «кольца» инициируется нарушением равновесия, в данном случае — выведением из капитала части живого труда. Сразу уменьшается и стоимостной двойник капитального блока — продуктивный блок. Но его уменьшение до равенства с капитальным содержит в себе новый взрыв неравновесия, поскольку производное сжатие второго блока снова уменьшает (уже повторно) первый, — так, как произошло в нашем примере. Исходное уменьшение капитального блока на 1000 соответственно уменьшило продуктивный, а тот родил новое уменьшение капитального — уже не на 1000, а на 666,7. Этот уменьшенный функционирующий капитал дублируется в следующем году уменьшенным же (на те же 666,7 ед.) продуктом: работающий капитал $(3333,3+1000)=$ продукт 4333,3, а не 5000 ед., как было годом ранее, что повлечет новое уменьшение функционирующего капитального блока. Он будет по средствам производства $2/3 \cdot 4333,3 = 2888,9$, а не 3333,3, как годом ранее. С 2888,9 ед. снова соединяется живой труд 1000, и так далее с каждым новым годичным оборотом механизма.

Мы увидели первое естественное действие рассматриваемого нерукотворного механизма: постепенное многолетнее выравнивание

блоков после уменьшающего возмущения, нарушившего их равновесие. Выравнивание происходит в «кольце Маркса» автоматическими постепенными годовыми уменьшениями величины возмущения путем выведения частей овеществленного труда (средств производства) из капитального блока, из текущего производства в резерв социума.

Это — воспроизводственное продолжение, выражение главного экономического процесса, инициирующего и закрепляющее историческое восхождение человечества — роста производительности его труда. Экономическая теория пока еще не задавалась вопросом: каким образом рост производительности живого труда на рабочих местах, на предприятиях становится фактором движения и совершенствования общественного воспроизводства, или как он входит в общественное воспроизводство? Перед нами ответ на этот — пока еще не поставленный наукой — вопрос. На наш взгляд, обнаруженные зависимости, механизм, по своему значению, статусу в экономике близкий к ее определяющим экономическим законам. Поскольку и рост производительности труда, продолжаемый данным механизмом, и круговое воспроизводственное движение «производства средств производства для средств производства», повязанные рассматриваемым механизмом, несомненно, принадлежат к таким важнейшим экономическим зависимостям. Эти соображения получают особую поддержку от так называемой силы, «мощности» действия, выявленного воспроизводственного ресурсного механизма. Однако, строго говоря, научным открытием все сказанное, конечно, не является. Речь идет все-таки всего лишь о конкретизации коренной и хорошо известной максимы исторического развития человечества созданием себе ресурсов общественного труда повышением его производительности.

«Мощность» регулирующего ресурсного воспроизводственного механизма обратных связей. Эта сила состоит в объеме всей автоматически, «бесплатно» выводимой из производства стоимости средств производства на единицу сэкономленного ростом производительности живого труда. По формуле суммы членов убывающей геометрической прогрессии находим эту массу. Итоги расчета по представленному выше числовому примеру: на 1000 ед. однократно, однократно высвобожденного из производства живого труда (повторенным высвобождением 1000 ед. стоимости в продуктивном блоке) обратными связями «кольца Маркса», направлениями удешевлений в собственные производства автоматически, бесплатно дополнительно реально высвобождается 2000 ед. (в пределе) овеществленного труда в капитальном блоке «кольца Маркса» да еще 1000 ед. (в пределе) в потоке капиталопроизводства в направлении производства предметов

потребления, и того 3000 ед., или невероятные 300%. Цифра, совершенно неизвестная для воспроизводственных совокупностей, в реальности существовавшая разве что для авантюристов, ради нее готовых на любое преступление даже под страхом виселицы [9, 770]. Почти волшебный дар природы социуму, который трудно истолковать иначе, нежели ее, природы, особое благоприятствование росту производительности труда.

Конечно, на практике при рассмотрении только одноразового годового повышения производительности труда экономически значимы лишь первые несколько годовых членов упомянутой геометрической прогрессии. Однако одно изолированное повышение производительности труда — абстракция. Реально речь должна идти о многолетнем тренде, о череде годовых повышений. Поэтому на каждый год выпадет не одно единственное выбытие капитала, а много таких выбытий от многих годовых повышений, и сложатся суммы, приближающиеся к выясненной мощности воспроизводственного ресурсного механизма, т. е. сама Природа благоприятствует не просто росту производительности труда, но ее именно многолетнему долгосрочному росту.

Эта беспрецедентная для экономических процессов «мощность» благоприятствования (и именно многолетней производительности) представляется нам внутренне согласованной, прежде всего, с тем уникальным фактом, что производительность живого человеческого труда является единственным во всей известной Большой Вселенной неэнтропийным процессом, не рассеивающим, а концентрирующим (сохраняющим) энергию: открытие 1880 г. украинского учено-энциклопедиста С.А. Подолинского, вызвавшее одобрительный интерес К. Маркса [см.: 11]. Во-вторых, она подтверждает обоснованность понимания производительности труда многими обществоведами в качестве критерия общественного прогресса. В-третьих, она (при почти невероятности полученных цифр) просто не может восприниматься только лишь умозрительно и требует (даже для дальнейшего развития теоретических соображений) апробации социальной практикой.

Практическая апробация. И здесь налицо парадоксальный факт. Хотя движимый обратными связями ресурсный воспроизводственный регулятор до сих пор не известен экономической теории, он реально действовал, функционировал в СССР в период непосредственно после победы в Великой Отечественной войне. Он был инициирован, приведен в действие экономической политикой снижения цен соответственно повышениям производительности живого труда, что становится, как уже было отмечено выше, дверью, открывающей

производительности труда прохождение в общественное воспроизводство, слияние с ним. И это оказались годы особенно впечатляющих хозяйственных успехов СССР.

Всего за 2,5 года (вместо 70 напророченных западными экспертами) была восстановлена из военных руин без какой бы то ни было внешней поддержки и помощи промышленность. Построены тысячи предприятий новых отраслей, сооружались объекты, грандиозные даже по современным представлениям («великие стройки коммунизма»), развернут ракетно-ядерный щит, уже тогда предотвративший планировавшиеся было нападения на страну. Бурно развивались наука, лучшее в мире образование, культура. По десять и более процентов в год прирастали производительность труда, национальный доход. И первое слово, которое вызывает весь этот перечень (его можно продолжить), — это ресурсы. Откуда разрушенная войной страна, к тому же потерявшая тридцать миллионов человеческих жизней, обретала и обрела ресурсы для этих легендарных свершений, возрождения и спуртароста? Ведь руководители страны ни перед кем на коленях не ползали, ни у кого не вымаливали ни милостыни, ни грантов. Это ресурсное чудо сталинской послевоенной экономики до сих пор остается научно необъясненным. Между тем в свете уже сказанного выше его почти исчерпывающее объяснение оказывается на виду.

Живой труд в этот период был дважды производительным. Во-первых, он обладал своей исконной имманентной производительностью своей полезной, конкретной стороны, охарактеризованной К. Марксом. И, во-вторых, круговые движения (обратные связи) «кольца Маркса» сообщили ему (при снижении цен соответственно повышению производительности) вторую, дополнительную невидимую (прямым наблюдением) естественно рождаемую производительность, имплантировали ему качество высвобождения овеществленного труда соответственно массе высвобожденного первой производительностью живого. Таким образом, в сталинской экономике объективно существовала и как бы сама собой возникла ни одним теоретиком не замеченная ситуация, когда вроде бы обычный труд работника (и рядовой репродуктивный, и поисковый), выполняя обычные для него производственные задания, одновременно невидимо создавал социуму производственные ресурсы развития-расширения данного производства. Нам представляется, именно в этом главный секрет ресурсного чуда экономически пассионарного сталинского периода послевоенной советской экономики с ее грандиозными свершениями.

Можно отметить, что в свете сказанного иначе — социально логичнее и как бы гармоничнее — выглядит та общественная закономер-

ность, которая в первых учебниках политической экономии СССР именовалась «неуклонным ростом производительности общественного труда». Трактовки того времени подчеркивали преимущество, первенство экономии живого труда, Экономия овеществленного труда выглядела много меньшей. И получалось, что инициаторы повышения производительности труда сами лишали себя занятости, как бы наказывали себя собственной безработицей. Но, рассматриваемый в контексте не только прямых, но и обратных связей, весь процесс естественного ресурсного саморегулирования, включает в себя как высвобождение живого труда, так равно и средств его занятости. Природа не наказывает авторов повышения производительности труда, инициаторов процесса. Но это становится видимым лишь на уровне воспроизводственных процессов, движения воспроизводственных совокупностей, т. е. на том уровне, на котором данные изменения и происходят. Хотя со времени сталинской экономики минуло более полувека, эта ее тайна остается нераскрытой, неизвестной даже специалистам. И мы с пониманием относимся к позиции специалистов, до настоящего времени не идентифицировавших этой сути сталинской экономики.

Понимал ли сам Сталин природу этого чуда — сейчас, по видимому, не столь важно. Нам представляется: видел, понимал. Одно из доказательств — принятые при его жизни, по его инициативе и успешно начатые реализовываться постановления о тех же «великих стройках коммунизма». Пойти на эти строительные риски, да еще перед всем миром, мог только человек, знавший о достаточности ресурсов для их проведения, а для этого таковые (ресурсы) надо было заранее установить, просчитать. Надежности ресурсных расчетов генералиссимуса научила жизнь, а особенно война. И стартер, включающий обе производительности, т. е. генерацию живым трудом высвобождение, помимо него самого, также и труда овеществленного — экономику снижающихся цен — для руководителя КПСС не с неба свалился. И был не чудесным озарением, но выстраданной жизненным опытом страны очевиднейшей неизбежностью. Действительно, еще в 1920-е гг. КПСС была вынуждена записать в своих документах, что экономическое развитие, сопряженное с повышениями цен, для страны неприемлемо. Единственно логичным шагом вперед от этой партийной позиции и была та экономика, которая реально строилась после победы в войне. Альтернативой могла быть лишь рыночная экономика максимизации прибыли с ростом цен, пренебрежение и решительное отрицание которой не раз выказывал и сам Сталин, и члены его команды.

Однако при всей беспрецедентности стимулирующего потенциала повышения многолетней производительности действие воспроиз-

водственного ресурсного регулятора (от движения обратных связей) для страны, использующей этот регулятор, никак не является, не могло быть манной с неба. Напротив, данная страна, ее управляющая элита, сталкивается при этом с труднейшими и сложнейшими управленческими, организационными проблемами. Природа — творец рассматриваемого механизма — словно вновь и вновь повторяет социуму: «В поте лица своего будешь добывать хлеб свой».

Дело в том, что ход и итоги этих ресурсно-регулирующих процессов ни функционерам, ни менеджменту текущего производства не видны и не известны. Никто не знает о высвободившихся ресурсах. Требовалось как бы «наклонить» общественное производство под некоторым особым (воспроизводственным) углом, чтобы увидеть, рассмотреть происходящее — под углом, когда обычное видение как бы пропадает и для обзора выступает особый, до того невидимый, ракурс объекта — его бытие как общественного воспроизводства. В этом ракурсе из виду пропадают предприятия и отрасли, но выступают, обнаруживаются уже воспроизводственные совокупности, в том числе СОП, I и II подразделения. И чтобы приступить к практическому использованию показаний естественного ресурсного воспроизводственного регулятора, нужны особый перевод, переводчики происходящего с языка общественного воспроизводства на язык текущих процессов и их менеджмента. Поскольку практическое использование любого ресурса — уже не общественно-воспроизводственный, а индивидуально-воспроизводственный процесс, предполагающий его, ресурса, абсолютную адресность, предельную конкретизацию. Ничего этого природа людям не доставляет.

По-видимому, главным таким переводчиком в рассматриваемый период был сам И.В. Сталин. Он был стратегически мыслящим человеком, мы полагаем, видел (додумывал, мысленно воссоздавал) общие итоги «работы» воспроизводственно-ресурсного механизма и был в состоянии, в основном, правильно направлять кропотливый адресно-конкретный ресурсный поиск своего партийно-государственного аппарата, трансформировать воспроизводственные абстрактные показания рассматриваемого естественного механизма в кипучую трудовую активность страны. Вряд ли мы узнаем, как он это делал, добивался. Возможно, его «перевод» не был безупречным, но сама практика блистательного экономического подъема доказывала его общую корректность. Однако легкими и для кадров, и для страны эти годы, несомненно, не были.

В этой обстановке после смерти И.В. Сталина и состоялся роковой и для общественного строя СССР, и для отечественной экономики

(включая современную) контрестественный, контрприродный (и тридцать лет спустя) социально реверсивный поворот в экономической политике страны.

Контрприродный поворот и новое экономическое содержание механизма движения вертикальных обратных связей. В 1958 г. преемники И.В. Сталина окончательно расстались с его экономикой снижающихся цен. Эта экономика крепилась основным оценочным показателем хозяйствования предприятий, каковым было абсолютное уменьшение себестоимости сравнимой продукции, достигаемое, как известно, только истинными повышениями производительности и эффективности, сбережениями затрат относительно увеличиваемых результатов. Он был вполне сознательно заменен показателем, позволявшим, напротив, заявлять об уменьшении затрат при их фактическом увеличении под покровом повышения цен. Понятно, увеличивать затраты легче, нежели их уменьшать, что сразу и начало осуществляться предприятиями. Снижение ими цен, как, по-видимому, и задумывалось «конструкторами» данной реформы, осталось в прошлом. Наследники Сталина сочли неприемлемыми для себя те нагрузки, которые возлагала на них экономика снижающихся цен. Последнюю они понимали лишь как особый сталинский способ повышать покупательную способность населения, его жизненный уровень и не подозревали о скрывающемся в ней естественном ресурсосозидании. Они, конечно, не знали, что своими решениями не только зарезали курицу, доставлявшую экономике страны золотые яйца, этими своими решениями они заново запускают, вводят в действие остановленный ими ресурсный воспроизводственный механизм и запускают его диаметрально противоположным образом с абсолютно иными экономическими содержаниями и последствиями.

В период демонтажа сталинской экономики снижающихся цен в СССР начал с нарастающей активностью действовать столь же объективный механизм невидимого принудительного введения в общественное воспроизводство неискоренимых многолетних дефицитов и диспропорций. Он так же, как и механизм ресурсосозидания, еще не описывался в экономической литературе. Если первый содействовал сталинскому экономическому чуду, то второй, на наш взгляд, объясняет усталостные, угнетенные, негативные проявления поздней советской экономики и накапливающиеся воспроизводственные трудности современной российской. В обоих случаях в экономике «работает» одна и та же никак не зависящая от людей и их социальных отношений природная сила, задаваемая естественным позиционированием материи и движения общественного воспроизводства. Но в эпоху И.В. Ста-

лина благодаря постановке им «парусов» экономики она надувала их попутным ветром, а сегодня беспощадно ломает ненадлежаще поставленную экономическую оснастку, лишает экономический корабль динамической перспективы.

Попытаемся обосновать. Чтобы механизм вертикальных обратных связей пришел в многолетнее движение противоположной направленности, необходимы нарушения равновесия его блоков не уменьшениями, а, напротив, увеличениями воспроизводственной материи на тот же самый производимый СОП. Таковые означают не что иное, как уменьшения производительности труда, — ситуация, совершенно не свойственная социуму, никак не типичная для него.

На первый взгляд, это невозможный, перекрытый путь. Однако его вскрывает к использованию инфляция. Так как с формальной стороны инфляция представляется стопроцентным двойником снижения производительности труда: один и тот же продукт получает выражение в большем количестве формально одних и тех же денег, как если бы он затребовал для своего создания возросших затрат. Если бы инфляция была сбалансированной (равномерной), равновесие капитального и продуктового блоков механизма не нарушалось бы, многолетние итерации восстановления равновесия не возникали бы. Но российская инфляция всегда была особенно не сбалансированной. Поэтому является непреложным фактом существование порожденной инфляцией неравновесности блоков механизма. Один из них (какой — не принципиально) на почве инфляции всегда в денежном выражении больше другого. Причем негативные процессы развертываются и тогда, когда величина иницирующего инфляционного превышения (одного блока механизма над другим) представляется относительно небольшой и даже малозначащей: далее будет показано, что отличительной особенностью рассматриваемого действия механизма эта величина (даже малая) самоумножается и всегда становится экономически значащей. Эта особенность определена специфическим объективным содержанием указанного действия.

Оно заключается, конечно, не в образовании избытка средств производства, как мы видели в экономике снижающихся цен, а, напротив, формировании их якобы долженствующей быть погашенной нехватки, дефицита для обеспечения общественного воспроизводства при якобы упавшей производительности труда и якобы дополнительно израсходованных ресурсах. Для самой общей иллюстрации можно воспользоваться тем же числовым примером с теми же величинами (цифрами), но взятыми с обратным знаком: $+1000+666,7$ и т. д. Иначе говоря, не с действительными уменьшениями, как в сталинской эконо-

номике, а с увеличениями денежного выражения живого, овеществленного труда, функционирующего производственного капитала, его продукта. Отсюда в последующие годы автоматическое воссоздание функционирующего производственного капитала не в уменьшенном, а в денежно увеличенном размере. И так далее с теми же числами, запечатлевающими «мощность» механизма. И все это процессы, выглядящие реальными, действительными, совершенно неотличимыми от действительных, как инфлированные деньги внешне неотличимы от здоровых. Таковыми — истинными, действительно происходящими участниками производства, включая руководителей, их воспринимают. И, тем не менее, все они — воспроизведенные фикции, неправды, данные участникам производства в ощущение привидения, обманы. Это необыкновенный для экономики, еще не встречавшийся в ней «затерянный мир» с «существами», которые не могут, не должны существовать, но существуют. Подобно породившим этот мир проинфлированным деньгам, которые — не то, что на них обозначено.

Это парализующее общественное воспроизводство действие механизма вертикальных обратных связей отличается от их рассмотренного ресурсосозидающего действия своим, можно сказать, «коварством», никем, нигде, никак и никогда не обнаруживаемой неправдой. Воспроизведенное высвобождение овеществленного труда, средств производства в экономике снижающихся цен тоже в текущем производстве не заявляет о себе, как бы невидимо, но оно истинно. Высвобождение живого труда и на самом деле должно выражаться завершением высвобождением рабочих мест с их оборудованием. Здесь же с самого начала все скрыто, лживо, фиктивно. Денежные показания увеличения масс труда, затрат — ложны. Ведь объемы производства и производительность труда не выросли. Причем «обманутым» становится само общественное воспроизводство. Оно не увеличивает своих масштабов, но получает от рассматриваемого механизма якобы «надежные» сигналы, что происходит их увеличение, и якобы «надежные» запросы на добавочную продукцию (+1000, +666,7 и т. д.), обеспечивающую дальнейшие увеличения. Хотя ни того, ни другого, ни третьего в действительности не только нет, они невозможны. Добавочных средств производства, требуемых общественным воспроизводством, негде и неоткуда взять, — они не произведены. Инфляция не увеличивает производства. Ресурсный воспроизводственный регулятор в инфляционном режиме вместо добавочных ресурсов производит, ежегодно воспроизводит растущую дефицитность общественного воспроизводства. Он становится природным генератором расстройств общественного воспроизводства.

Но насколько они, эти дефициты, диспропорции, нестыковки, значимы для национальной экономики?

Значимость парализующих действий ресурсного производственного регулятора для экономики. Действительно, инфляция в СССР (согласно многим мнениям, «подавленная»), по-видимому, даже с учетом ряда относимых к ней факторов не превышала 10% [4]. Поэтому денежное инфляционное неравновесие блоков механизма должно было быть относительно небольшим, вряд ли превышало несколько процентов. Однако здесь необходимо иметь в виду три следующих обстоятельства.

Во-первых, речь идет о производственной диспропорциональности, концентрированным выражением которой считаются экономические кризисы перепроизводства. Опыт и примеры кризисов устанавливают, что для дезорганизации всего общественного производства вовсе не требуется высокого (в процентах) уровня падения производства. Кризисные потери и нестроения полностью овладевают экономическими действительностью и сознанием даже и при относительно неглубоких «дна» кризиса, накладывая на все экономическое развитие тяжкие производственные последствия на ряд предстоящих лет.

Во-вторых, о специфической годовой цикличности производственного регулятора. Каждое годовое инфляционное неравновесие блоков рассмотренного механизма продуцирует многолетний шлейф лжестребований на добавления к капиталу и продукту. Отдельное требование малозначаще, но они «набегают» с многих смежных лет прогрессирующей инфляции, и каждый год комплектуется их общий пакет соответственно показанной выше «мощности» механизма. Даже когда годичный ущерб может представиться малозначащим, легко преодолимым, общий многолетний итог должен иметь весьма угнетающие последствия. В СССР действие механизма охватило тридцатилетие 1960 — 1980 гг. Казалось бы, преодолимые годовые производственные нестроения, соединившись, слились в общую многолетнюю деградацию наследия послевоенного экономического чуда.

В-третьих, особое значение в общем действии рассматриваемого регулятора на экономику получает то, как данная экономика борется с его действием.

Здесь необходимо еще раз напомнить: указанного действия регулятора никто не видит. Например, рождения регулятором лжеспроса на добавочные факторы производства никто не осознает. Все видят не лже-, а словно бы настоящий спрос, который понимают так, как видят — как истинный. Действительной ситуации никто и не подозревает. И

естественная реакция участников производства: погашать этот якобы истинный спросовый запрос общественного воспроизводства.

У столь «слепого» производства здесь только две возможности борьбы. Одна — рыночная, другая — производственная.

Рыночная — с виду проще всего: дефицит гасится повышением цены, т. е. дальнейшим витком инфляции. В СССР, несмотря на фактическое «теневое» стимулирование инфляции, с нею боролись, и якобы дефициты средств производства «расшивали» плано-производственными методами: мобилизацией якобы необходимых добавочных ресурсов в I подразделение за счет, конечно, ресурсов II подразделения, т. е. создавая уже не ложные, а действительные дефициты на предметы потребления. Став в СССР генератором реальных диспропорций и дефицитов, главным образом, предметов потребления, воспроизводственный ресурсный регулятор год за годом «работал» упорно и невидимо, тихо и медленно, но уже в 1970-е гг. СССР стал страной дефицитов, главным образом, предметов потребления. Все усилия властей ослабить, опустить нараставшее цунами дефицитов были бесполезны, и не могли не быть таковыми. Они боролись с противником-невидимкой, предъявлявшим им якобы истинные, а в действительности обманные воспроизводственные требования, с напряжением выполняя их, руководители экономики оказывались в тисках еще более выраженных воспроизводственных противоречий, от которых не спасало ни социально-экономическое единство общенародного хозяйственного комплекса, ни плановый централизм. Шла бесперспективная изнурительная борьба с природой, истинной сути которой никто не видел. Тупиковая ситуация такого движения была естественно предрешена и с каждым годом близилась.

В частнокапиталистической РФ, как уже отмечено, простейший способ гашения дефицитов: дальнейшее повышение цен. Казалось бы, этим снимаются проблемы регулирования людьми воспроизводственных противоречий. Однако ничего подобного нет и не может происходить. Повышение цен «удовлетворяет» дефицит в соответствующем товаре, но процессы создания, фабрикация ложных запросов на добавочные ресурсы продолжаются и усиливаются новыми повышениями цен. Все эти процессы обманны: добавочных ресурсов экономике не требуется, ложные запросы — плод не расширения производства, а инфляции. И установить ложность фабрикация этих запросов в транзакциях бизнеса так же невозможно, как прямо и непосредственно видеть на оборачивающихся деньгах инфлированный нарост: все выглядит естественно-истинным.

Перед нами ситуация, когда попытки погасить возгорание оказываются тушением пожара керосином. «Лечение» ложных завышений спроса на ресурсы повышением цен только усиливает загрузку общественного воспроизводства фиктивной, отвлекающей ресурсы и плодящей воспроизводственные противоречия работой. Именно инфляция, ее несбалансированность, — источник невидимого обманного отвлечения (воспроизводственным механизмом обратных связей) мощностей общественного воспроизводства от создания реальных общественных продуктов, невидимого, не учитываемого превращения этих мощностей в отягощающий балласт, в производство мусора. Иначе говоря, рыночный способ — путь усиления-умножения перерождения реального общественного воспроизводства в производство невидимых фантомов.

И к настоящему времени в российской экономике вроде бы замечены, наконец, некоторые процессы естественной, ходом воспроизводства, фабрикации этих фантомом.

Тайна рождения некоторых воспроизводственных дефицитов, диспропорций, долгов уже озадачила Счетную палату РФ. «По мнению главы Счетной палаты, необходимо найти причину, почему регионы вынуждены привлекать столько займов». Регионы почему-то увеличивают, и очень значимо,кратно свои годовые затраты выполнения майских указов президента: в 4 раза больше, нежели Министерство финансов — не до 700 млрд р., а до 2,8 трлн [7, 4]. Хотя нам представляется, чисто эмпирически весь процесс, порождающий сложившуюся воспроизводственную ситуацию, понять и обнаружить невозможно.

Императив расширения экономической стратегии страны.

Представленные выше соображения, конечно же — не истина в последней инстанции, хотя мы, авторы, убеждены в их правильности. Вместе с тем мы признаем-оговариваем их инициативно постановочный характер, потребность в обсуждении, критике. Нам, скажут, что столь важные констатации представляются без фактических народнохозяйственных данных, будут и другие замечания. Но всегда ли обязательны такие данные? Нужны ли были такие данные для обоснования, например, классического положения о двух подразделениях общественного воспроизводства? В науке важнее четких подтверждающих фактов четкая логическая связь выдвигаемых положений с уже надежно установленными ею теоретическими зависимостями, а это в представленной статье налицо.

Главной опасностью нам представляется не само непринятие научным сообществом положений настоящей публикации, а продол-

жение статус-кво, пролонгация существующей ситуации, беспрепятственное продление фабрикации ресурсным регулятором обратных связей новых и новых блокаторов общественного воспроизводства. Это при любых ценах на экспортные товары разрушит любую самую созидательную экономическую политику. А с учетом того, что Запад сегодня экономически противостоит нам как единая всемирная суперкорпорация [8, 17], нам особо трудно выйти на его технический и технологический уровень. И мы не касаемся, не предлагаем, не имеем в виду свертывание ныне идущих поисков оптимальных экономических стратегии и политики РФ. Конечно же, благоприятное ценообразование на ту же нефть окажет много большее воздействие на экономику, чем двух-трехлетнее действие ресурсного регулятора обратных связей. Но многолетняя перспектива их действия для страны — это, по нашему убеждению, исторический приговор, которого не переломить никакой текущей экономической политикой. Поэтому всего более мы хотели бы такого поворота обсуждений и дискуссий, за которыми и вместе с которыми, последовали бы дела: выход страны на такое использование природного регулятора, которое когда-то обеспечило разрушенной отечественной экономике высоты экономического роста.

Разработчики экономических стратегии и политики должны включить в свое исследовательское поле обеспечение гармонического развития, наилучшего использования социумом природных зависимостей экономической системы.

Литература

1. *Алексеева Н.А.* Новая концепция исследования современной экономической системы // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 1.
2. *Алексеева Н.А.* Малый бизнес в системе общественного воспроизводства. Автореф. дис. ...канд. экон. наук / Ивановский государственный университет. Иваново, 2012.
3. *Алексеева Н.А., Вахрушев Д.С.* Совокупный общественный продукт как актуальная категория современной экономической науки // Научные труды Вольного экономического общества России. 2013. Т. 175.
4. *Алексеева Н.А., Корняков В.И.* Объемные структуры общественного воспроизводства // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2013. № 1.

5. *Алексеева Н.А., Корняков В.И.* О классическом уровне теории общественного воспроизводства // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2012. № 2 (17).
6. *Алексеева Н.А., Корняков В.И.* О тенденциях динамики органического строения капитала и производства // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2012. № 3.
7. Инфляция в СССР: оценки и мнения. Коммерсантъ Власть. № 4 от 29.01.1990 // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/265827>.
8. *Зыкова Т.* Счет пошел // Российская газета. 2015. 16 дек.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
10. *Радзиховский Л.* Кто виноват? Что делать? // Российская газета. 2015. 14 янв.
11. *Чесноков В.С.* Подолинский: концепция социальной энергетики. // Век глобализации. 2010. Вып. № 2 (6) // URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130867/>.

References

1. *Alekseeva N.A.* Novaya kontseptsiya issledovaniya sovremennoj ehkonomicheskoy sistemy / N.A. Alekseeva // Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ehkonomika i ehkologicheskij menedzhment. 2015. № 1.
2. *Alekseeva N.A.* Malyj biznes v sisteme obshhestvennogo vosproizvodstva. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata ehkonomicheskikh nauk / Ivanovskij gosudarstvennyj universitet. Ivanovo, 2012.
3. *Alekseeva N.A., Vakhrushev D.S.* Sovokupnyj obshhestvennyj produkt kak aktual'naya kategoriya sovremennoj ehkonomicheskoy nauki / N.A. Alekseeva, D.S. Vakhrushev // Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshhestva Rossii. 2013. T. 175.
4. *Alekseeva N.A., Korniyakov V.I.* Ob"emnye struktury obshhestvennogo vosproizvodstva / N.A. Alekseeva, V. I. Korniyakov // Mnogourovnevoe obshhestvennoe vosproizvodstvo: voprosy teorii i praktiki. 2013. № 1.
5. *Alekseeva N.A., Korniyakov V.I.* O klassicheskom urovne teorii obshhestvennogo vosproizvodstva / N.A. Alekseeva, V.I. Korniyakov // Mnogourovnevoe obshhestvennoe vosproizvodstvo: voprosy teorii i praktiki. 2012. № 2 (17).
6. *Alekseeva N.A., Korniyakov V.I.* O tendentsiyakh dinamiki organicheskogo stroeniya kapitala i proizvodstva / N.A. Alekseeva, V. I. Korniyakov // Mnogourovnevoe obshhestvennoe vosproizvodstvo: voprosy teorii i praktiki. 2012. № 3.

7. Infljatsiya v SSSR: otsenki i mneniya. Kommersant" Vlast". № 4 ot 29.01.1990 // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/265827>.
8. Zyкова T. Schet poshel / T. Zyкова // Rossijskaya gazeta. № 6855. Vypusk 16.12.2015.
9. Marks K., Ehngel's F. Soch., izd. 2-e. T. 23.
10. Radzikhovskij L. Kto vinovat? CHto delat'? // Rossijskaya gazeta. Vypusk ot 14.01.2015.
11. Chesnokov V.S. Podolinskij: kontseptsiya sotsial'noj ehnergetiki // Vek globalizatsii. Vypusk №2 (6). 2010 // URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130867/>.

В.К. ПЕТРОВ

Новая экономика для современной России

Аннотация. рассматриваются прикладные аспекты неоэкономики на основе мирового опыта экономической трансформации. Выделяются два типа трансформации: исторических и неисторических государств. Особое внимание уделяется опыту советской перестройки и последующему формированию «новой экономики» в РФ по второму типу трансформации. Ставится вопрос о переходе к другой новой экономике в России по первому типу трансформации в связи с возвращением страны в историю и мировое геополитическое пространство.

Ключевые слова: неоэкономика, тип, трансформация, перестройка, провал, бюрократия, олигархия, Россия, история, возвращение.

Abstract. The author regards the applied aspects of neoeconomy on the basis of the world practice of economic transformation. Two types of the transformation are distinguished, i.e., of historic and non-historic states. Special attention is paid to the Soviet restructuring and further formation of a new economy in the RF after the second type of transformation. The author raises the question of our transition to another new economy based on the first type of the transformation in connection with the return of Russia into history and the world geopolitical space.

Key words: neoeconomy, type, transformation, restructuring, failure, bureaucracy, oligarchy, Russia, history, return.

Мировой опыт экономической трансформации

Все принципиальные изменения в экономической модели происходили по инициативе государства и под его непосредственным контролем и с учетом специфической национальной идеей. Исторические государства действуют самостоятельно, руководствуясь идеей мирового лидерства при проведении подобных изменений. Это — первый тип перехода к новой экономической реальности. Неисторические государства подчиняются внешней силе и являются ведомыми, вписываясь в предлагаемую им модель внешнего управления. Это — второй тип исследуемого процесса.

Так, до Второй мировой войны Германия была все еще историческим государством и пыталась установить свой «новый мировой порядок». После поражения она вышла из истории и приняла правила «американской игры». Страны Восточной Европы давно вышли из истории и на протяжении веков переходили из рук в руки могущественных держав. Япония после Первой мировой войны оказалась в стане победителей и вошла в «большую пятерку» мировых держав наравне с США, Великобританией, Францией и Италией. Впоследствии Япония стала постоянным членом Совета Лиги наций¹. Однако картина резко изменилась после Второй мировой войны, и страна также вышла из истории.

Отечественный опыт крайне противоречив. На Западе существует мнение, согласно которому советский социализм был формой ускоренной индустриализации и милитаризации страны для сохранения своего существования в истории в качестве одного из лидеров после развала Российской империи. Однако внешнеполитические проблемы отняли много сил, и внутреннее состояние страны оказалось в системном кризисе. Ничего лучшего, чем развалить СССР, правящая номенклатура не придумала и пошла «польским» (восточноевропейским) путем, что предполагало как раз выход из истории и вписывание в чужую и чуждую модель развития (деградации).

В настоящее время происходит сложный и болезненный процесс возвращения в историю, и для этого необходим переход к иной модели развития, причем не только в экономике, но, главное, в идеологии, культуре и общественных отношениях. Все начинается с идеи: для чего нужен переход к новой модели экономического роста? И под определившуюся стратегическую цель можно строить новую историческую Россию.

¹Подробнее см.: [2, 107—139].

Для России острой остается проблема эффективного использования ресурсов для национального развития в рамках интеграции в мировую экономику. Экономике не бывает без ресурсной базы. Ресурсы бывают природными (сырьевыми), трудовыми, финансовыми.

Экономическая история человечества начиналась с земли и разделения труда на земледелие и животноводство, и можно представить изначальный механизм экономического развития в следующем виде: разделение труда — специализация — эффективность — обмен. В отраслевом разрезе это выглядит примерно так: сельское хозяйство — пищевая промышленность — легкая промышленность — машиностроение — авиастроение — космическая индустрия. И все это на базе развития добывающей промышленности, энергетики, средств транспорта и связи. Тем не менее земля была и остается важнейшим ресурсом экономического развития человечества, без которого невозможна никакая хозяйственная деятельность.

Экономическое развитие человечества шло одновременно с научно-техническим и технологическим прогрессом. Христианство освободило человека от обожествления природы и стимулировало ее изучение для более эффективного использования в хозяйственной деятельности. Так, христианский мир далеко обогнал в научно-техническом и экономическом отношении все остальное человечество, оставшееся в плену ложных, языческих представлений о мире, космосе, природе и самом человеке. Произошло разделение мира на развитые государства и слаборазвитые страны и народы. В научно-техническом и технологическом аспекте «новая экономика» опиралась на человеческий разум, познающий законы природы, и на базе нового знания появлялись новые производства и отрасли. Другими словами, можно представить такую схему развития: разум — сознание — потребности — спрос — предложение — структура хозяйства.

В геополитическом плане мир оказался разделен на метрополии и колонии. Более развитые в экономическом и военно-политическом отношениях страны поделили почти весь остальной мир между собой и создали систему неэквивалентного обмена между собой и своими колониями. С этим феноменом мы и связываем так называемое «ресурсное проклятие», когда природные ресурсы из колоний обменивались на продукцию более высокой степени обработки из метрополий, и, таким образом, структура экономики колоний искусственно фиксировалась и задерживалась на сырьевом и, часто, монопродуктовом уровне.

Итак, «ресурсное проклятие» — результат неэквивалентного обмена метрополий с колониями. Распад колониальной системы дает

много примеров избавления от этого проклятия. Получение политической свободы и обретение национального суверенитета — вот необходимые условия для изменения сложившейся в прошлом ситуации. Бывшие колонии и зависимые территории получают возможность преследовать собственные национальные интересы и диверсифицировать свою экономику. Самый яркий пример: Китай и Индия. Когда-то зависимые и эксплуатируемые страны, они сегодня производят широкую номенклатуру продукции: от иголки до ракеты, а Китай вместо Англии стал «мастерской мира»². По объему ВВП КНР и Индия вошли в «тройку призеров» после США. Конечно, обретение суверенитета — условие необходимое, но далеко не достаточное для полного избавления от «ресурсного проклятия». Многие в прошлом бывшие колониями страны остаются в тисках жесткой зависимости от конъюнктуры мирового рынка по узкой номенклатуре продукции.

Итак, в 1991 г. СССР развалился, однако в 1985 г. ничто не предвещало подобного развития событий. В первые 2—3 года казалось, что «перестройка» пойдет по первому типу изменений по нашей классификации. Старт был дан привычными советскими демагогическими кампаниями за «ускорение» и повышение качества продукции. Они тихо закончились без каких-либо заметных результатов. Зато результат антиалкогольной кампании «по просьбе трудящихся» был более чем примечателен.

Во-первых, многие трудящиеся стали проводить значительную часть своего времени в длинных очередях, проклиная партию и правительство, во-вторых, быстро пропал из свободной продажи сахар, элемент необходимый для подпольного производства спирта, в-третьих, власти на местах развернули кампанию по вырубке виноградников, иначе, говоря марксистским языком, по уничтожению производительных сил общества. И все это при том, что общесоюзный бюджет на 30—33% зависел от продажи спиртных напитков³.

И тут произошел качественный прорыв: начались реабилитация частной собственности и быстрое развитие кооперативного движения. Однако оно приняло какое-то особенное направление. Если в Венгрии и КНР кооперативное движение поощряло частную инициативу, направленную на производственную деятельность мелких и средних предприятий за счет личных накоплений и банковских кредитов на коммерческой основе, то в СССР львиная доля кооперативов создава-

²См., напр.: [3, 3—50].

³Величина, сопоставимая с размером доли от текущих поступлений в российский федеральный бюджет после продажи нефти и газа.

лась при крупных государственных предприятиях для перекачки туда основных и оборотных средств этих предприятий.

Так начался слом советской экономической системы. Дальше — больше: госпредприятиям разрешили распоряжаться своими безналичными средствами, и в денежное обращение хлынул поток уже рублевой наличности. Размер денежной массы в обращении повысился в несколько раз, что не могло сопровождаться адекватным ростом товарной массы. В результате полки магазинов быстро опустели, пропали практически все товары длительного пользования, и начался период талонизации страны. Не менее важные процессы проходили и в политической сфере.

Под лозунгом «больше демократии, больше социализма» начался процесс децентрализации власти и стимулирования сепаратистских настроений в союзных республиках. Таким образом, советское руководство не пошло уже апробированным китайским путем⁴, а повело страну к геополитической катастрофе. Из истории России известно, что как только власть центра ослабевает, то жди национальной трагедии. Так было с Киевской Русью в Средние века, с Российской империей в 1917 г., так случилось и с СССР в 1991 г. Как будто кто-то искусно использовал старую и надежную схему развала России.

Если оценивать перестройку с точки зрения реформирования экономики и системы, то вывод ясен — полный провал и политическое банкротство. А если посмотреть с другой стороны — как на геополитическую капитуляцию и сдачу всего советского лагеря и самого союза, то обнаружится вполне логическая цель событий и действий, проведенных со знанием дела и определенной целью.

Реформирование второго типа: РФ после 1991 г.

Распад СССР принципиально изменил политическую и экономическую ситуацию в мире. Возникшая РФ приняла новую модель экономического развития под сильным давлением внешних сил. Западные партнеры предложили как раз модель «ресурсного проклятия» для России. Зачем развивать многие отрасли обрабатывающей промышленности, когда есть мировой рынок, где вы все можете купить в обмен на свое сырье, энергоресурсы и некоторые полуфабрикаты. Западу был не нужен второй Китай с ракетно-ядерным потенциалом уничтожения США и их союзников. Однако мало внешнего давления для принятия такой модели интеграции в мировую экономику. Необ-

⁴Китай не только добился поразительных успехов в экономике, но и консолидировал страну, и вернул ранее утраченные территории: Гонконг и Аомынь.

ходимо иметь определенные силы внутри страны, заинтересованные в этом. Экономические модели не существуют сами по себе в абстрактном вакууме. И эти силы в РФ нашлись: они делали перестройку и осуществили распад СССР.

Прежде всего, ограбили абсолютное большинство бывшего советского народа, сбережения которого к началу 1990-х гг. составляли более 500 млрд р. в старых советских ценах. Однако «шоковая терапия», проведенная по рекомендациям западных консультантов, дала только в 1992 г. инфляцию в 2600% (sic!), с последующими ее трехзначными значениями в течение ряда лет. Откуда тогда было взяться честному малому и среднему бизнесу? Зато приватизация, проведенная на коррупционной основе, позволила новому классу долларовых миллиардеров вывести из РФ за «лихие годы» более 1 трлн дол. США. А страна задыхалась от нехватки производственных инвестиций.

В 1990-е гг. после приватизации и других административных мер возникла в общих чертах следующая экономическая модель: открытая экономика без валютного контроля, высокая учетная ставка ЦБ⁵, общий тренд по девальвации национальной валюты, финансирование чужого национального долга. В общем, типичный случай компрадорского капитализма со всеми вытекающими последствиями.

Данная модель объективно вела к ослаблению РФ, и когда во власти произошли определенные изменения, и она перешла частично на рельсы соблюдения национальных интересов, Россия столкнулась с открыто враждебным отношением со стороны Запада. Следует при этом учесть, что Запад преследует не только свои экономические интересы, но имеет также и долгосрочные геополитические цели, сжимая кольцо НАТО вокруг РФ и создавая там зону нестабильности. Именно с этими факторами связаны события на Украине. В условиях жесткой конфронтации и санкций неизбежен переход к новой модели экономического роста и даже к новой парадигме государственного существования России. Но чтобы перейти к новой модели, надо демонтировать старую, откровенно тормозящую экономический рост.

Пересмотру, на наш взгляд, подлежат следующие ее элементы: высокая учетная ставка ЦБ, бесконтрольный вывоз капитала за границу, финансирование иностранного государственного долга, плоская шкала налогообложения. Объявленная ЦБ главная цель — борьба с

⁵Фактически, опять же по западным рекомендациям, ЦБ наложил «процентное рабство» на российскую экономику и регулярно собирает девальвационный налог с населения, обесценивая его рублевые сбережения. А сам рубль из «деревянного» превратился в волатильный (sic).

инфляцией — обернулась фактически борьбой с экономическим ростом в связи с недоступностью кредитных ресурсов. При этом инфляция «широко шагает по стране», не ведая об усилиях ЦБ. Регулярная девальвация национальной валюты обесценивает сбережения населения и сжимает потребительский спрос, стимулируя бегство в твердые валюты, как в начале 1990-х гг. То есть сегодняшняя экономическая модель — это прямое стимулирование стагфляции и социально-экономических потрясений. Пора переходить к новой модели экономического роста по первому типу реформирования.

Реформирование первого типа. Россия после 2... г.?

Итак, переход к новой модели экономического развития связан, прежде всего, с возвращением России в историю и мировое геополитическое пространство. Необходимо разрешить явное противоречие между старой экономической системой, сложившейся под прямым воздействием внешних сил, и новой политической реальностью борьбы с этими силами.

Переход к новой модели экономического развития возможен только под контролем государства с опорой на определенные социальные силы внутри страны. Россия выходит из-под внешнего давления и обращается внутрь себя для реализации своего огромного ресурсного потенциала. Но молодое вино нельзя влить в старые мехи. Необходимы широкие кадровые изменения внутри власти. И новые люди должны не просто механически заменить старые кадры, а обладать совершенно другим сознанием, воспринимая государственную власть не как привилегию, а как служение обществу и державе. Если такие люди, носители иного духа, найдутся во власти, то можно надеяться на реальный переход к новой модели экономического роста, ибо дух ваяет формы, в том числе и экономические системы. Чуждый дух, заложенный в старую модель, исчерпал себя.

Что касается самой новой модели, то следует отметить следующие обстоятельства. Исторически известно, что капитализм развивался органичным путем, начиная с локального вплоть до всего внутреннего рынка. По мере его насыщения, капитал выходил за пределы национальных границ и распространялся по всему миру. В РФ этого не произошло по вышеуказанным причинам, отсюда серьезные структурные диспропорции. Поэтому в стране необходимо создать замкнутый контур воспроизводства, при котором капитал ищет прибыльное применение внутри национального рынка, а не уходит на валютный спекулятивный рынок.

Выше уже указывался набор первостепенных мер по обеспечению данного процесса: валютный контроль, стабилизация курса рубля, снижение учетной ставки ЦБ, введение прогрессивной шкалы налогообложения. В ресурсном плане для экономического роста нужны свободные денежные накопления и доступность кредита⁶, наличие фонда изобретений и новых технологий, квалифицированная рабочая сила и ее адекватная структура, крепкая надежная банковская система и, наконец, высокий платежеспособный спрос на новую продукцию как внутри страны, так и за рубежом.

Для этого необходимо также резко увеличить расходы на НИОКР⁷, образование и профессиональную подготовку, и, таким образом, может осуществиться перелив капитала из низкоприбыльных энерго-сырьевых и прочих традиционных производств в новые высокотехнологичные отрасли, и совершиться нужный структурный сдвиг. Кроме того, существует известный набор отраслевых мер по повышению эффективности хозяйственной деятельности, например, развитие кооперации в АПК. Скандинавский опыт показывает, как можно осуществлять финансирование, производство, переработку, хранение и доставку в розничную сеть продуктов аграрно-промышленного комплекса в рамках единой системы потребительской кооперации⁸.

Это очевидный рыночный путь развития данного процесса. Он, конечно, гладок только на бумаге. За всеми указанными процессами должны стоять люди, определенные слои населения и их экономические интересы. Выше упоминалось о новых «эффективных собственниках», которым уже хорошо и нет никакого стимула что-то менять. Именно им крайне выгодна созданная система черной валютной дыры, через которую они вывозят огромные спекулятивные прибыли. Об этом всем хорошо известно, но никаких существенных мер не видно. Надеяться на патриотические чувства капиталистов К. Маркс нам не советовал.

Поэтому государству, вступившему на путь возвращения в историю, можно применить и другие околорыночные методы воздей-

⁶Эмиссионный метод стимулирования экономического роста возможен при наличии жестко связанных кредитов.

⁷По этому показателю за последние годы мы отставали в разы от США, ЕС, КНР и даже Индии.

⁸Характерен опыт шведского кооператива KF/KONSUM, имевшего в конце 1990-х гг. по всей стране свои перерабатывающие мощности, склады, розничную сеть магазинов, транспортные предприятия и мастерские, региональные отделения собственного кооперативного банка, вступительный взнос, который для фермеров стоил в то время примерно 100 дол.

ствия на хозяйственные процессы. Например, обложить 200 долларовых миллиардеров, упомянутых в «Forbes», патриотическим налогом в 1 млрд дол. на структурные сдвиги и прочие нужды государства и народа. Это может составить примерно еще один госбюджет 2016 г., а данные «новые патриоты» отнюдь не обеднеют. Для них отдать родине 1 млрд на благие цели — все равно, что большинству населения РФ пожертвовать 1 р. на благотворительность. Ну, снизят они расходы на заграничные профессиональные футбольные, баскетбольные и прочие клубы, а в России построят высокотехнологичные предприятия, укрепят образовательную базу, повысят уровень здравоохранения.

Вообще, либеральный капитализм плохо приживался в России. Капитализм — самый расточительный способ производства в истории. Разумные потребности человека не определяют его экономическую динамику. Главное — вызвать повышенный платежеспособный спрос на любые товары и услуги, зачастую ненужные человеку. Сознание потребителя подвергается агрессивному воздействию рекламы, и он вступает в эту бесконечную гонку за материальным приобретением. А производители начинают выпускать «одноразовую продукцию» для скорейшей смены моделей бытовой техники, автомобилей, яхт, катеров и массы других товаров, лишь бы поддерживать свое производство и получать максимальные прибыли. Такое неразумное ведение хозяйства приведет к экономическому краху и исчерпанию невозобновляемых природных ресурсов к Концу истории.

На антикапиталистическую природу России еще до 1917 г. указывали различные представители как оппозиционного народнического лагеря, так и монархисты-консерваторы. Христианский взгляд на хозяйственную деятельность разрабатывал в начале XX в. видный российский экономист, а впоследствии религиозный философ и богослов С.Н. Булгаков (1871 — 1944)⁹.

Что касается современного российского экономического строя, то его можно охарактеризовать как бюрократическо-олигархический капитализм с элементами компрадорского типа, который совершенно не соответствует новой роли РФ на мировой арене. Итак, на наш взгляд, учитывая вышеизложенное, на новом этапе развития страны необходимо переходить к социальной рыночной экономике, гарантированной Конституцией.

⁹См., напр.: [1].

Литература

1. Булгаков С.Н. Соч. М.: Наука, 1993.
2. Иссии К. Дипломатические комментарии. М.: Госполитиздат, 1942.
3. Naylor T.H. The Gorbachev Strategy. L.; Toronto, 1988.

References

1. Bulgakov S.N. Soch. M., 1993.
2. Issii K. Diplomaticheskies kommentarii. M.:Gospolitizdat, 1942.

Г.А. АХИНОВ, А.Л. РВАЧЕВ

Вопросы регулирования предпринимательства в условиях развития рыночных отношений

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов регулирования предпринимательской деятельности в условиях развития отношений собственности в современной рыночной экономике. Показано, что в конце XX в. экономика перестала быть однородной экономической системой, в ее рамках сформировались различные модели рыночной экономики и соответствующие им типы предпринимательства. Доказано, что степень и масштаб интеграции собственности и горизонтальной интеграции компаний (сетевые структуры) определяют восемь основных типов предпринимательской деятельности. Обоснованы основные тенденции развития теории менеджмента, которые опираются на сложившиеся в обществе ценностные и этические нормы (социальный капитал). Сделан вывод, что устойчивость и эффективность государственного регулирования во многом будут зависеть от поиска и нахождения новых форм взаимодействия между органами государственной власти и другими хозяйствующими субъектами.

Ключевые слова: государственное регулирование, предпринимательская деятельность, сетевые бизнес-структуры, теория менеджмента; самоорганизация, социальный капитал.

Abstract. This article is devoted to the issues of regulation of entrepreneurial activity in the conditions of development of property relations in a modern market economy. The aim of the authors of the research was to

reveal the situation that in the modern economy has ceased to be a homogeneous economic system, and has formed various models of market economy and corresponding types of businesses. It is proved that the degree and scope of integration ownership and horizontal integration of companies (network structure) determine the eight basic types of entrepreneurial activity. The authors explain the main trends in the development of management theory which are based on prevailing in the society values and ethical norms (social capital) and concluded that the viability and effectiveness of state regulation will largely depend on finding new forms of interaction between public authorities and other economic entities.

Key words: government regulation, entrepreneurship, network business structure, management theory, self-organization, social capital.

Государственное регулирование экономики, направленное на развитие предпринимательской деятельности, управление экономическим циклом, занятостью, денежным обращением и другими объектами, должно осуществляться с учетом положения о том, что экономические отношения в целом обусловлены преобладающим в данном обществе типом собственности. С учетом этого важно отметить, что, поскольку предпринимательская деятельность является элементом системы экономических отношений, соответствующих действующим в обществе отношениям собственности, то ее развитие как элемента системы не должно противоречить развитию всей системы. Как экономическая категория собственность — это отношение между человеком, группой или сообществом людей (субъектом), с одной стороны, и любой другой субстанцией материального мира (объектом) — с другой, заключающееся в постоянном временном, частичном или полном отчуждении, отсоединении, присвоении объекта субъектом [6, 9]. В соответствии с данным определением понятие собственности характеризуется принадлежностью объекта определенному субъекту.

Из большого и разнообразного множества существующих в экономической литературе определений собственности как экономической категории нами было выбрано именно это определение, поскольку в нем основной акцент делается на переход и перераспределение прав на собственность между различными объектами и субъектами экономики.

Становление и развитие рыночной экономики способствовали постепенному формированию предпринимательской среды, что привело к распространению таких экономических свобод, как свобода предпринимательства, свобода ценообразования, свобода перетекания ресурсов по различным сферам применения, свобода выбора продавцов и

покупателей, а также личная свобода предпринимателя, его независимость и право принимать предпринимательские решения. Поэтому к середине XX в. экономика перестала быть однородной экономической системой, а в ее рамках сформировались различные модели рыночной экономики и соответствующие им типы предпринимательской деятельности. К другим экономическим акторам, оказывающим непосредственное влияние на развитие предпринимательской деятельности, следует отнести такие институты, как сообщества, сети, ассоциации, частные организации и т. д., которые играют важную роль в формировании и развитии институтов современной рыночной экономики. Под институтом понимается «совокупность, состоящая из правил и внешнего механизма принуждения индивидов к исполнению этого правила» [1, 23].

Существенное влияние на эволюцию взглядов на предпринимательскую деятельность имели появление и развитие теории разнообразия рыночных отношений (капитализма), что связано с работами Питера Холла и Дэвида Соскиса [13], которые, проведя сравнительный анализ различных моделей рыночной экономики, дали оценки стратегического взаимодействия между компаниями, наемными работниками и акционерами. По их мнению, эти взаимодействия и формируют «производственный режим». Различия во внутрифирменных стратегиях и поведении экономических агентов формируются в четырех сферах, которые и определяют стимулы и ограничения, стоящие перед компаниями. Первое — это финансовая система и корпоративное управление; второе — производственные отношения; третья — система образования и повышения квалификации; и четвертая сфера — система межфирменных связей. При этом они определяют государство как структуру, которая формирует условия и обеспечивает необходимый производственный режим. П. Холл и Д. Соскис приходят к выводу, что компании в процессе своей деятельности ориентируются на поиск соответствующих ключевых компетенций, или конкурентных преимуществ, которые и определяют для них возможность обеспечения эффективности производства. Соответственно развитие этих компетенций предполагает, что компаниям требуется устанавливать и развивать связи с другими экономическими агентами. Эти связи сами по себе являются источником координационного взаимодействия в процессе предпринимательской деятельности. При этом экономические агенты, оставаясь в границах сложившейся институциональной структуры, сами приходят к нахождению равновесных решений.

Кроме того, по мнению Холла и Соскиса, соответствие между четырьмя рассмотренными выше сферами должно обеспечивать их

комплементарность. Например, они пишут, что достижения долгосрочной занятости возможно там, где финансовая система представляет капитал на условиях, не слишком чувствительных к текущей прибыльности. И в то же время для проведения эффективной политики по поддержке занятости необходимо, чтобы финансовые рынки легко перемещали ресурсы, обеспечивая спрос на труд.

При этом важно отметить, например, что конфликтующие между собой институты оказывают дестабилизирующее воздействие на отдельные компании и экономику в целом, но эти конфликты открывают новые возможности для поиска организационного разнообразия и обеспечивают возможность адаптации предпринимательских структур к условиям неопределенности [12].

Очевидно, что чем выше будет степень комплементарности институтов, тем эффективнее взаимодействие и степень координации между различными предпринимательскими структурами, но тем труднее в случае необходимости (кризиса) обеспечить проведение институциональных преобразований.

В плане эволюции предпринимательской деятельности отметим, что в различных странах, начиная со второй половины XX в., идет процесс образования различных типов предпринимательских структур, которые и формируют национальные системы бизнеса. Этот термин был введен в научный оборот Ричардом Уитли, который рассматривая различные системы бизнеса, писал, что для каждой из них существуют характерные типы экономической организации, отличающиеся по степени и методам официальной координации экономической активности как внутри самой организации, так и в процессе взаимодействия между собственниками, менеджерами, экспертами и другими наемными работниками [19].

Р. Уитли рассматривает компанию как систему взаимодействий между акторами, что, по его мнению, и позволяет реализовывать возможность перемен. Он считает, что две основные переменные формируют страновые различия между компаниями. Первая переменная — это степень и масштаб интеграции собственности, и вторая — степень и масштаб горизонтальной интеграции компаний. Путем сравнительного анализа в современной рыночной экономике Уитли выделяет восемь основных типов предпринимательской деятельности, которые эволюционным путем сложились в практике хозяйствования [14].

1. *Фрагментированный тип* предпринимательской деятельности. Степень как вертикальной, так и горизонтальной интеграции очень низка, а экономическая активность представляет собой главным образом деятельность мелких фирм на рынке совершенной конкурен-

ции. Предполагает контроль со стороны собственника и рыночный контроль.

2. *Сетевая модель* предпринимательской деятельности. Интеграция собственности низка, но высока специализация фирм и степень кооперации между ними. Предполагает, что по мере развития степень интеграции собственности может увеличиваться.

3. *Промышленные округа*. Степень координации посредством распределения прав собственности низкая, однако высока степень горизонтальной координации с помощью альянсов. Предполагает интеграцию в промышленном секторе посредством распределения прав собственности.

4. *Система финансового конгломерата*. Масштаб интеграции прав собственности высок, однако горизонтальная интеграция незначительна из-за преобладания масштабных холдинговых объединений и сетей разнородных компаний, основанных на совместном владении. Предполагает высокую степень горизонтальной координации (с помощью гибридных структур — альянсов) производственных цепочек.

5. *Система интегрированного конгломерата*. Права собственности сильно интегрированы, однако горизонтальная интеграция незначительна. Предполагает развитие сотрудничества конкурирующих компаний.

6. *Система отсеков*. Характерна для экономической системы, которая сложилась в США и в которой крупные интегрированные и в некоторой степени изолированные фирмы конкурируют друг с другом на местных рынках. Предполагает развитие горизонтальной интеграции.

7. *Объединенная система*. Ассоциация контролирующих фирм в рамках одного сектора. Предполагает высокую степень взаимозависимости между работниками и работодателями.

8. *Хорошо скоординированная система*. Использует альянсы собственников для координации действий между секторами (японские компании). Предполагает высокую степень делегирования полномочий и доверия к наемным работникам.

Для каждой страны в зависимости от ментальности, традиций и правил поведения в обществе характерны определенные типы предпринимательской деятельности. При этом особое влияние на характер предпринимательской деятельности оказывают сложившиеся в данном обществе формальные и неформальные институты. Для стран, в которых становление и развитие предпринимательской деятельности начались относительно недавно, характерна ситуация, при которой формальные институты еще не сформированы и не действуют, поэтому их

подменяют неформальные институты взаимодействия. Это, с одной стороны, позволяет достаточно оперативно принимать необходимые решения, но, с другой — ограничивает возможности для инвестиций и стабильного развития даже в среднесрочной перспективе.

Такой характер общественного развития и соответственно предпринимательской деятельности, по определению Оливера Шумбергера, называется патримониальным капитализмом [18, 22]. Для него характерны формальные и неформальные правила, которые не только не поддерживают друг друга, но зачастую и системно противоречат друг другу. При этом в обществе могут доминировать неформальные правила, а формальные — будут устанавливаться избирательно и применяться исходя из интересов ресурсообеспеченных групп. Конкурентная политика будет ограничиваться, однако в рамках ручного управления будут создаваться специальные возможности для поддержки рентоориентированного поведения. Как следствие, права собственности и контракты будут защищены в форме персональных гарантий и обязательств, а действие формальных институтов и законов будет ограничено. С учетом этого направление, темпы и последствия политических и экономических реформ будут определяться исходя из предпочтений отдельных групп интересов, а рентоориентированное поведение — способствовать росту трансакционных издержек. Их уровень будет значительно превышать уровень, который характерен для экономически развитых стран. В настоящее время именно этот тип предпринимательской деятельности характерен для экономики Российской Федерации. Это объясняется тем, что государственный аппарат по неформальным каналам может оказывать очень серьезное влияние на развитие предпринимательских структур.

Рассмотрим более подробно сетевую модель организации предпринимательской деятельности. В контексте процессов глобализации, интеграции, масштабной унификации и стандартизации, слияния и поглощения корпораций и компаний происходит интенсивное развитие сетевого бизнеса, который является достаточно эффективным инструментом управления, поскольку позволяет использовать внешние сетевые эффекты. На наш взгляд, с точки зрения развития российской экономики сетевой тип предпринимательской деятельности является наиболее перспективным. Это объясняется необходимостью распространения горизонтальной, сетевой системы управления и коммуникаций в противовес иерархичной системе. В настоящее время сетевые структуры все более распространяются в пределах отдельных отраслей, а также на межотраслевом уровне. Они эффективно функционируют в пределах территорий, регионов, на межрегиональном, межго-

сударственном, глобальном уровнях. Можно сказать, что в современной российской экономике сетевая модель выступает в качестве одной из ключевых и прогрессивных форм организации предпринимательской деятельности. В рамках данной модели предприятия объединяются не на основе слияния или иерархического подчинения, а путем создания механизма взаимодействия, позволяющего сохранить самостоятельность. Сетевое предприятие, по сути, представляет собой совокупность взаимозависимых предприятий и организаций, которые сохраняют статус обособленных хозяйствующих субъектов, но при наличии единого координационного центра объединены многочисленными горизонтальными связями, обменными транзакциями, обязательствами, целями, задачами, функциями [3, 4].

Когда экономические субъекты, которые обладают взаимодополняющими друг друга ресурсами и компетенциями, образуют сетевые организации, они ставят перед собой цель достигнуть синергетического эффекта за счет оптимального объединения ресурсов в цепочки создания ценности и образования эффективно функционирующей структуры, имеющей необходимый потенциал для реализации поставленных задач.

В таких модифицированных структурах с помощью информационных систем обеспечиваются достаточная гибкость и эластичность коммуникаций, деловых контактов. Кроме того, в них формируются необходимые предпосылки к максимально полной реализации творческих способностей, знаний, информации, навыков, наработанных полезных контактов, сотрудников, в определенной степени выполняющих функции предпринимателей. Это служит фактором значительного повышения конкурентных преимуществ компаний, ориентирующихся на предпринимательский способ ведения бизнеса. По существу, можно говорить о наличии очевидных признаков трансформации основной модели корпоративного менеджмента [17] в связи с потребностью использовать те дополнительные преимущества, которые предоставляет реализация концепции предпринимательства в новой экономике.

Следует подчеркнуть, что возникновение сетевых структур, (межфирменных и межорганизационных сетей) получило довольно широкое распространение только в относительно недавнее время. Это не в последнюю очередь обусловлено интенсивным и даже порой взрывным развитием информационно-коммуникационных технологий. Дело в том, что внедрение передовых информационно-коммуникационных технологий способствует качественному снижению транзакционных издержек в работе компаний, в результате чего принципиально изменяется баланс издержек и выгод в рамках альтер-

нативных моделей координации и организации производственных процессов. Это объясняется тем, что оптимизация всех процессов в ходе создания и функционирования сетей невозможна без определенного уровня скорости, объемов и качества коммуникаций.

Вместе с тем важно отметить, что положительный эффект от применения информационно-коммуникационных технологий не возникает автоматически. Ведь они используются в рамках комплексных социотехнических систем, в состав которых также входят экономические агенты, различные ресурсы и бизнес-процессы [9]. Соответственно продуктивность работы этих систем определяется особенностями всех составляющих компонентов, а не зависит только от наличия конкретных технологических решений и внедрения современных технологических процедур. В общем виде сетевой организацией принято называть совокупность независимых групп, организаций, индивидов, которые на протяжении определенного периода и при наличии координации действуют, чтобы достигнуть заранее согласованных целей, имеют общий корпоративный имидж, а также корпоративную инфраструктуру [5].

Важным преимуществом сетевой формы организации бизнеса в условиях новой экономики является существенное расширение спектра компетенций сети. При условии, что каждый отдельный участник сети фокусируется на конкретных ключевых сервисах и компетенциях. Это способствует повышению инновационной конкурентоспособности, так как создает благоприятные условия для генерирования и внедрения инноваций. Сетевые структуры устроены так, что, по сути, каждый их участник обладает возможностью выступать в качестве предпринимателя-инноватора.

Особым видом межорганизационной сети является кластер. Такого рода сеть может иметь отраслевой или межотраслевой характер, предполагается, что она должна консолидировать ресурсы и ключевые компетенции не только отдельных субъектов, коммерческих компаний, но и других организаций, включая некоммерческие. Современный кластер представляет собой объединение фирм, поставщиков специализированных услуг, комплектующих, оборудования, научно-исследовательских центров и институтов, учебных заведений и других организаций, взаимодействующих друг с другом, дополняющих друг друга, что позволяет увеличивать конкурентные преимущества как отдельных участников, так и всего кластера. Кластеры сегодня могут играть роль своего рода полюсов конкурентоспособности.

Необходимо подчеркнуть, что высокая продуктивность и результативность функционирования кластера в немалой степени обес-

печивается феноменом «эффект рычага». Его содержание состоит в том, что каждый из членов кластера имеет относительно небольшой, но качественный, а иногда и эксклюзивный ресурс. Этот ресурс, или же его часть, по мере необходимости используется в рамках кластера и действует на благо всей сетевой организации в соответствии с ее целями и задачами при учете интересов обладателя ресурса. В результате образуется единый общесетевой ресурс, который дает возможность каждому члену кластера выстраивать коммуникации и деловые отношения с внешней средой, к примеру с клиентами, исходя из наличия в его распоряжении всего общесетевого ресурса. «Эффект рычага» находит свое выражение в том, что, передавая для общего корпоративного ресурса свой личный ресурс или же его часть посредством договоренностей о порядке ее использования, каждый член кластера может иметь в своем распоряжении общий корпоративный ресурс, существенно превышающий ресурс каждого из участников. В кластерах принято выделять следующие типы ресурсных рычагов: статусный, информационный, коммуникационный, материальный.

Важно также отметить, что сетевой характер современной экономики, безусловно, оказывает непосредственное влияние на работу компаний, что ведет к формированию соответствующих структур управления. В последнее время во многих компаниях наблюдается постепенный переход от иерархических и бюрократических систем и методов менеджмента к системам, в основе которых лежат прямые горизонтальные связи, непосредственные коммуникации, сетевые формы организации деятельности, функционирующие на основе знаний и информации.

При этом сетевой подход к управлению организацией в условиях новой экономики и развития информационно-коммуникационных технологий рассматривается в качестве важной составляющей очередного этапа эволюции теории менеджмента. И, если в первой половине XX в. «организацию» можно было определить как модель оптимального разделения труда, осуществляемого в иерархическом порядке подчинения посредством цепи команд и необходимых для этого коммуникаций, то в последнее время на первый план постепенно вышла сетевая теория. Данная теория рассматривает в качестве основного объекта анализа процесс управления распределением и обменом ресурсами между организациями и способы координации такого обмена. Исходной предпосылкой теоретических рассуждений, с точки зрения данного подхода, выступает то обстоятельство, что любая организация вынуждена взаимодействовать с другими для получения необходимых дефицитных ресурсов. В таблице 1 представлен сравнительный анализ

развития теории организаций по пяти позициям (акторы, процессы, решения, власть/полномочия, информация/ценности) [16, 19].

Таблица 1

Развитие организационной теории

Подход	Механистический	Случайностный	Сетевой, или межорганизационный
Акторы	Организации как последовательные единицы с ясно установленными целями	Организации как открытые системы, которые состоят из взаимосвязанных субсистем	Организации как составные элементы сети организаций
Процессы	Рациональные, структурированные сверху	Стратегические ожидания изменений среды. Регулирование подсистем и их взаимодействий	Межорганизационные взаимодействия, при которых происходит обмен ресурсами. Направляются связями между организациями
Решения	Результат стратегических решений центрального аппарата управления, направленных на достижение сформулированных целей	Результат взаимодействия между подсистемами. Направлены на улучшение организационной структуры и среды	Результаты переговоров между организациями. Направлены на стабилизацию ресурсных потоков
Власть / полномочия	Ясная, централизованная структура власти	Неопределенная структура власти (зависит от конкретной конфигурации подсистем)	Отсутствие центральной властной структуры. Власть зависит от наличия ресурсов

Продолжение табл. 1

Информация / ценности	Научный сбор информации. Ясные цели и ценности	Центральная задача — сбор стратегической информации относительно характеристик окружающей среды организации. Ценности имеют неопределенный характер	Информация — властный ресурс, разделяемый различными акторами. Ценности конфликтуют
-----------------------	--	---	---

Важно подчеркнуть, что сетевая теория, в рамках которой сетевые организации описываются как сети взаимозависимых групп, отношения между которыми характеризуются сотрудничеством и конкуренцией [4, 21], становится сейчас одним из ведущих направлений совершенствования менеджмента. При этом сети образуются, когда связи в определенной мере формализуются, становятся устойчивыми, регулярными и подчиненными принципу удовлетворения взаимных интересов. Вместе с тем формализация, систематизация связей, каналов взаимодействия и взаимоотношений в данном случае отнюдь не означает, что в сетях вводятся иерархические структуры управления. Одна из ключевых функций сетей как раз и состоит в координации действий в децентрализованных организациях.

Сетевые структуры возникают, когда активность обособленно действующих элементов сети уже недостаточна, когда участвующие в сети акторы осознают, что они фрагменты единого организма. Сетевые структуры ориентируются на достаточно самостоятельные и автономные действия индивидуальных членов и групп участников, в то же время акторы, объединившись, трансформируются в новое целое [15, 27], когда берутся за выполнение сложных и масштабных задач, реализация которых невозможна для независимо действующих групп и индивидуумов. Такое изменение организационных моделей выражается, прежде всего, в дебиюкратизации управленческих процедур, широком распространении сетевых структур, в которых действуют не формальные исполнители, а творческие «информационные работники» [7, 137]. Работники, имеющие качественное высшее образование и занятые преимущественно творческой работой, требуют к себе иного подхода со стороны руководства, чем прежние исполнители. С учетом этого в экономике традиционные бюрократические организации все больше уступают место самопрограммирующимся, самоуправляющимся единицам, основой для которых служат принципы децентрали-

зации, участия и координации [11, 166]. Дальнейшее развитие процессов самоорганизации общественной жизни, будет способствовать формированию социального капитала [8, 266—289], который формирует атмосферу доверия между акторами и создает уверенность в выполнении взаимных обязательств.

В качестве основных тенденций развития теории менеджмента в частности можно выделить следующие:

- замена узкой функциональной специализации системной интеграцией в характере и содержании менеджмента, в стиле управления;
- отход от моделей, в которых наблюдаются формализация, иерархичность, обособление функциональных и штабных звеньев;
- уменьшение количества иерархических уровней и трансформация моделей управления компаниями из пирамидальных в сетевые и плоские, при условии децентрализации определенных управленческих функций.

Исходя из этого, отметим, что повышение роли информационных и кадровых инструментов интеграции по сравнению с технократическими и структурными способствует формированию автономных команд и групп, что, в свою очередь, увеличивает возможности реализации творческого потенциала работников и повышает их инициативность. Поэтому управление по горизонтали нередко оказывается более действенным, нежели по вертикали.

Кроме того, все более распространенной становится приверженность принципу разнообразия. Разработка универсальной концепции, некоей идеальной парадигмы, которая может быть применена практически в любой компании, уступает место многообразию форм организации управления бизнесом. Это обусловлено тем, что содержание трансформации управленческого порядка от иерархических организаций в сетевые структуры в немалой степени зависит от того, что процессы, протекающие в обществе и экономике, не контролируются исключительно централизованными структурами, инструменты контроля рассеяны: материальные ресурсы и информация разделены между множеством разнообразных акторов. Их координация уже не является результатом централизованного руководства, а возникает в процессе целенаправленного взаимодействия множества индивидуальных акторов [10, 503]. В терминологии, используемой рядом современных экономистов, предприниматель — человек, который может правильно оценить структуру общественных потребностей, способен сочетать свое понимание структуры потребностей со знаниями и навыками в

сфере управления производством в процессе создания благ. Предприниматель может продуктивно и творчески решать управленческие и производственные задачи, включая согласование потребностей с имеющимися ресурсами, обладает необходимым капиталом, энергией и готов нести расходы по организации бизнеса [2, 48].

В заключение проведенного нами анализа можно сделать вывод, что в настоящее время эволюционным путем сложились характерные для современной рыночной экономики восемь типов предпринимательской деятельности: фрагментированный тип; сетевая модель; промышленные округа; система финансового конгломерата; система интегрированного конгломерата; система отсеков; объединенная система; скоординированная система. В обществе (страны) в зависимости от сложившихся формальных и неформальных институтов, методов и норм взаимодействия между различными субъектами и объектами государственного регулирования, ментальности, традиций и правил поведения могут складываться разные типы предпринимательской деятельности. С учетом этого устойчивость и эффективность государственного регулирования во многом будут зависеть от поиска и нахождения новых форм взаимодействия между различными субъектами и объектами регулирования. При этом важнейшей основой для взаимодействия между органами государственной власти, предпринимательскими структурами и другими хозяйствующими субъектами должны являться связи, опирающиеся на ценностные и этические нормы (социальный капитал).

Литература

1. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория / Под ред. А.А. Аузана. М.: Инфра-М, 2005.
2. Карлоф Б. Деловая стратегия: концепция, содержание, символы. М.: Экономика, 1997.
3. Котлер Ф., Акрол Р.С. Маркетинг в сетевой экономике // Маркетинг и маркетинговые исследования в России. 2002. № 2.
4. Мاستенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации. М.: Инфа-М, 1996
5. Радаев В. Сетевой мир // Эксперт 2000. № 12.
6. Управление государственной собственностью: Учебник // Под ред. В.И. Кошкина, В.М. Шупыро. М.: Инфа-М, 1997.
7. Узбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Асадемия, 2004.
8. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2003.

9. *Шерешева М.Ю.* Информационные технологии в управлении российскими предприятиями // Российский журнал менеджмента. 2004. Т. 2. № 1.
10. *Blatter J.* Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // *Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions*. 2003. Vol. 16. No. 4.
11. *Castels M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford, 1998.
12. *Crouch C.* Capitalist Diversity and Change. Recombinant Governance and Institutional Entrepreneurs. Oxford: Oxford University Press, 2005.
13. *Hall P.A., Soskice D.* Introduction to Varieties of Capitalism // *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage* / Hall P.A., Soskice D. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2001.
14. *Hall P.A.* Divergent Capitalism ...; Business Systems and Organizational Capabilities: The Institutional Structuring of Competitive Competences. Oxford: Oxford University Press, 2007.
15. *Keast R., Mandell M., Woolcock G.* Network Structures: Working Differently and Changing Expectations // *Public Administration Review*. Vol. 64. No. 3.
16. Managing complex networks / Kickaert W.J.M. (eds.). SAGE, 1997.
17. *Savage Ch.* 5th generation management: integrating enterprises through human networking. S. I., 1990.
18. *Schlumberger O.* Structural Reform, Economic Order and Development: Patrimonial Capitalism // *Review of International Political Economy*. 2008. No. 15.
19. *Whitley R.* Divergent Capitalism: The Social Structuring and Chance of Business Systems. Oxford: Oxford University Press, 1999.

References

1. Institutional Economics: new institutional Economics / A. A. Auzan. (ed). M.: Infra-M, 2005. S. 23.
2. *Karlof B.* Business strategy: concept, content, characters. M., 1997.
3. *Kotler F., Achrol R.S.* Marketing in the network economy // *Marketing and marketing researches in Russia*. 2002. No. 2.
4. *Mastenbroek W.* Management of conflict situations and development of the organization. M., 1996.

5. *Radayev V.* Network world. *Expert*. 2000. No. 12.
6. The management of state property. The textbook edited by V.I. Koshkin, V.M. Shapiro 1997.
7. *Webster F.* Theories of the information society. M., 2004.
8. *Fukuyama F.* the Great divide. M., 2003.
9. *Sheresheva M.Yu.* Information technologies in the management of Russian companies // *Russian management journal*. 2004. Vol. 2. No. 1.

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

**Предмет экономической теории как политической
экономии евразийского национального хозяйства —
евразийский мейнстрим: русский взгляд**

Аннотация. Главная идея статьи и ее задачи заключаются в том, чтобы доказать, что универсальных экономических законов не существует. Россия, являясь особой северо-восточной цивилизацией, развивается на основе тех экономических законов, которые диктуются национальной культурой. В статье приводится мнение ряда известных западных и латиноамериканских ученых, которые также указывают на эту закономерность. Из этого следует один важный практический вывод: мы не имеем права преподавать экономическую теорию в наших вузах на основе американских учебников и методик. Это равнозначно процессу рекультивации русского народа. А это уже — война.

Ключевые слова: универсализация экономических систем, национальная культура и национальные экономические законы, американизация преподавания, рекультивация.

Abstract. The main idea of the article and its task is to prove that universal economic laws in reality do not exist. Russia, as a special North-Eastern civilizations, had been developed on the basis of economic laws, dictated by national culture. The article presents the opinion of several well-known Western and Latin American scientists, who also point to this pattern. This implies one important practical conclusion: we have no right to teach economic theory in our universities based on American textbooks and methods. This is equivalent to the process of the war against culture of the Russian people. And this is the war.

Key words: universalization of economic systems, national culture and national economic laws, Americanization teaching, regularisation.

В условиях, когда Россия подвергается массовой атаке по всем фронтам, нам остается только один вариант: прекратить модернизацию нашего общества на основе западных стандартов и вернуться к традиционным истокам русской цивилизации. Мы должны ясно понять, что совместить несовместимое невозможно: нельзя модернизировать экономику русской Евразии, как и другой восточной страны, проводя при этом реформы, основанные на системе либеральных принципов, подрывающих экономику страны [5, 132].

К вопросу о теории экономического развития Евразии

Принципы теоретической экономики имеют производный от культуры характер. Они самостоятельно ничего не устанавливают, а лишь повторяют (дублируют) господствующие в данном обществе социокультурные принципы, ориентирующие своих граждан либо на индивидуализм и эгоизм, либо на общинность и коллективизм. Таким образом, принципы методологического индивидуализма, рационализма и максимизации личной выгоды, которые сегодня преподносятся в современной экономической теории в качестве универсальных экономических принципов, являются принципами западной протестантской культуры. Именно эти принципы, враждебные нашей восточной культуре, навязывают современной России в качестве неких универсальных принципов хозяйственно-экономического развития.

Известный на Западе профессор Бостонского университета (США) Питер Бергер, анализируя особенности развития капитализма в странах Азии, подчеркивает: «странам Восточной Азии удалось длительное время проводить модернизацию в условиях капитализма и в то же время избежать индивидуализации в западном стиле». На основании проведенного анализа он делает вывод: «*капитализм и община вполне совместимы*. Или другими словами: индивидуальная автономия не является неотъемлемым качеством экономической культуры капитализма» [3, 217].

Основоположник концепции *социального дуализма* американский ученый Дж.Х. Бэке отмечает в своих работах, опираясь на исследования, проведенные в ряде евразийских стран, что законы западной экономики абсолютно неприменимы к странам Востока: «каждая социальная система имеет свою собственную экономическую теорию» [16, 5].

Весьма примечательно, что почти одновременно с американским ученым к такому же выводу приходит в 1958 г. и Сельсо Фуртадо, бразильский экономист и политик, ученый с мировым именем.

Экономическое развитие определяется социологическими факторами, которые нельзя объяснить с экономической точки зрения, — справедливо утверждал он, делая следующий важный вывод: «Теория экономического развития в ее общей форме не подпадает под категории экономического анализа... Экономический анализ *не может выявить причины, по которым любое общество начинает развиваться, и показать, какими социальными явлениями вызывается этот процесс*» (курсив мой. — *А.О.*) [17, 316]. Речь идет о том, что, опираясь только лишь на одни экономические категории, невозможно сформировать адекватную теорию национально-экономического развития Евразии, невозможно сделать адекватный анализ евразийского национального хозяйства. Нами была «доказана необходимость рассмотрения социокультурных факторов воспроизводства общества в предметном пространстве политэкономии. Обосновано включение духовного производства и всей сферы общественно-нерыночного хозяйствования в предмет политэкономического анализа. Доказана значимость социокультурных факторов и духовно-нравственных компонентов в реализации национального хозяйства не только в социальном, но и в производственно-экономическом аспекте» [12, 10].

Дж.Х. Бэке и С. Фуртадо затронули в своих исследованиях реальную проблему социальной и культурной несовместимости западного капитализма с укладами традиционной экономики не только азиатских, но и латиноамериканских стран. Добавим к этому: западный капитализм оказался несовместимым также и с укладами традиционной экономики русской Евразии и всех стран СНГ, идеалом для которых является не общество, основанное на вражде и конкуренции, а солидарное общество.

Таким образом, в теории национальной экономики и национального хозяйства известно, что «игнорирование принципа социокультурной интегративности (народнохозяйственного подхода) приводит неизбежно к упадку национального хозяйства и деградации всего общества. При этом реальный ущерб не измеряется динамикой упадка промышленного и сельскохозяйственного производства. И это понятно: закрытие предприятий и развал отраслей ведут к росту безработицы, к деградации рабочей силы, к обнищанию семей. Разрушаются традиционные хозяйственные уклады и привычный уклад жизни миллионов людей, ощущающих себя брошенными на произвол судьбы — не нужными обществу» [12, 105].

Необходим метаэкономический, системный подход к анализу национального хозяйства, учитывающий всю совокупность социокультурных, цивилизационных и геополитических факторов. Принци-

пиально важно понимать, что не только геополитические различия, но и различия в культуре, в системе ценностей и целей общенационального *развития* формируют в совокупности особый культурно-исторический тип национально-экономического развития России. Наше общество в основе своей является традиционным — традиционалистским, а противоположность либерального и традиционного общества определяется *несовместимостью работающих принципов, на основе которых они функционируют*. И это противостояние также имеет *неустранимый* характер.

Всякие попытки анализировать русское общество, опираясь на западные теории, основанные на частнохозяйственном подходе, теоретически несостоятельны, а практически просто абсурдны. Заметим, что господствующая (проправительственная) экономическая наука в лице научно-исследовательского института «Высшая школа экономики», научным руководителем которого является известный либеральный ученый Евгений Григорьевич Ясин, именно этим и занимается. Они консультируют правительство и бизнес, готовят законопроекты и стандарты вузовского образования, поставляют кадры и для бизнеса, и для управленческих звеньев всей государственной машины.

Характерно, что в теории они ориентируются на фундаментальные либеральные ценности и принципы, которые и завели страну в тупик. Ученые этой школы открыто заявляют, что, дескать, «экономическая теория не должна содержать в себе общественные цели», что ее предметом являются частный бизнес и частные интересы. Заметим, что любая экономическая теория, игнорирующая общественные цели, автоматически превращается в частную теорию о частном, лишаясь общеметодологического и общетеоретического содержания. Если же мы рассматриваем не частное лицо и не узкую группу финансовых спекулянтов в качестве главного хозяйствующего субъекта, если таким субъектом для нас является вся нация и общество в целом, то закономерными принципами жизнедеятельности всей нации будут те, которые обеспечивают *воспроизводство нации и всего общества в целом, т. е. возобновляемость, выживаемость и существование на данном геополитическом пространстве в качестве исторической необходимости*.

Дж.Х. Бэке и С. Фуртадо затронули в своих исследованиях реальную проблему социальной и культурной несовместимости западного капитализма с укладами традиционной экономики не только азиатских, но и латиноамериканских стран. Добавим к этому: западный капитализм оказался несовместимым также и с укладами традиционной экономики русской Евразии и всех стран СНГ, идеалом для которых

является не общество, основанное на вражде и конкуренции, а солидарное общество.

Евразийский мейнстрим как альтернатива англосаксонскому мейнстриму

Иногда в ходе научных дискуссий ставятся вопросы, которые являются либо провокационными, либо риторическими, а именно: *возможно ли реальное противоречие мейнстримов разных цивилизационных дискурсов* или они являются элементами суперструктуры? *является ли мейнстрим выражением доминирующей картины мира* (цивилизационной матрицей в данное время в данном месте или это способ сокрытия истины)? *может ли истина быть маргинальной в контексте общечеловеческого мейнстрима?* [8].

Ответ на эти вопросы зависит от мировоззренческого выбора и соответствующей точки зрения. Результаты научных исследований зависят в большой степени от научной методологии, а она — от принятой точки отсчета, от угла научного зрения. Л.Н. Гумилев, например, верно подчеркивает: *«то, что называют обычно “всемирной историей” — способ подачи материала, когда произвольно выбрана точка отсчета»* [6, 37].

Причины неадекватности англосаксонского мейнстрима

Слово «мейнстрим» происходит от английского *mainstream* (англ. — основное течение). Его употребляют для обозначения основного направления в различных областях (в науке, литературе, культуре, искусстве и пр.) для какого-либо отрезка времени. В основе западного *мейнстрима* лежит эконометрия в виде маржинализма. Данное направление господствует в западной экономической науке. При этом маржинализм объявлен на Западе последним словом в экономической науке, так как якобы произвел революцию, названную маржиналистской.

Однако судите сами. Мейнстрим отказался от социально-экономического анализа воспроизводства, исключив из своего анализа человека. Соответственно исчезли понятия «стоимость», «цена производства», «стоимость рабочей силы», «воспроизводство». Произошел чудовищный регресс экономической теории, оказавшейся под гнетом вульгарной философии позитивизма и постмодернизма. В итоге маржинализм превратился в антинауку, подменив хозяйственно-экономические отношения между людьми субъективными математическими «предельными величинами».

Субъективизм и релятивизм здесь возводятся в геометрическую прогрессию, стремящуюся к отрицательному абсолюту, так как реальность здесь исчезает абсолютно, сущность заменяется явлением, а законы развития — субъективным частным выбором. Как известно, именно эта позиция породила *маржинализм* как одно из основных направлений западной экономической теории. Западная неоклассическая теория использует маржинализм, чтобы подвести некую теоретическую базу под реально несуществующие нигде модели «свободной конкуренции», «свободного рынка», «открытого общества».

Происходит просто тотальное оболванивание мировой общности, когда неоклассика в форме маржинализма как теории неких предельных экономико-математических величин, заменяющих в анализе отношения между людьми и реальными рыночными субъектами, объявляется высшим достижением современной экономической науки — мейнстримом.

Доценты и профессора читают лекции согласно разделам учебных программ экономикса о так называемой совершенной конкуренции, студенты все это штудируют, изучают проблемы несовершенства «переходной экономики» в России ввиду якобы «неразвитости свободного предпринимательства» и «отсутствия свободного рынка». Но все это оказывается блефом и обманом, а, выражаясь юридическим языком, — подлогом.

Евразийский мейнстрим: движение национальной экономики как часть социокультурной динамики

Культура является базовой категорией цивилизационного анализа. В методологии традиционализма она рассматривается как базис, на котором выстраиваются все цивилизационные структуры, рассматривается как «нематериальный ресурс экономического развития» [2, 14].

В основе народнохозяйственного подхода лежат религиозно-нравственные ценности Востока, которые сформировали восточный капитализм. Это не географическое понятие, а социокультурная категория, которая отражает процессы, протекающие не только в буддистских и индуистских странах, но и на всем Востоке вообще, включая страны ислама [1], а также страны, исповедующие восточное христианство. Экспансия западного (англосаксонского) капитализма на Восток не привела к желаемым результатам: не произошло унификации мира на основе западной экономической системы. Выяснилось, что законы западного капитализма не работают на Востоке. Во всех азиат-

ских странах получился качественно другой тип капиталистического развития.

Руководитель японской корпорации «Сони» Акио Морита, анализируя факторы успеха лучших компаний страны, пишет: «Самая важная задача японского менеджера состоит в том, чтобы установить нормальные отношения с работниками, создать отношение к корпорации как к родной семье, сформировать понимание того, что у рабочих и менеджеров одна судьба. Компании, которые достигли в стране наибольшего успеха – это те компании, которые сумели создать веру в единую судьбу у всех работников и акционеров» [9].

Историческая динамика развития японского капитализма убеждает нас в том, что формационные структуры развиваются *внутри* цивилизационных структур, что движение национальной экономики является составной частью социокультурного движения нации. Если англосаксонский капитализм является порождением «индустриальной религии» (Э. Фромм) и соответствующей протестантской хозяйственной этики, то японский капитализм оказывается *производным* от духа буддизма и конфуцианской этики.

Стержнем новой философии управления стало признание социальной ответственности, лежащей на управляющих. В 1965 г. группой «Дойкай» была организована комиссия по изучению текущих проблем теории управления. Комиссия выработала обобщенный взгляд, который декларировал: «Понятие о прибыли как о цели расширилось и преобразовалось в понятие создания и увеличения благ, причем одним из аспектов этого является рост общественной значимости менеджеров» [7, 11, 40, 44].

Цивилизацию создает борьба за ее существование. Освальд Шпенглер верно заметил, что цивилизации рождаются и живут в борьбе за утверждение своих фундаментальных ценностей, и эта борьба — «есть глубоко внутренняя, страстная борьба за утверждение идеи против внешних сил хаоса и внутренней бессознательности, где угрожающе затаились эти противоборствующие силы» [14, 184]. В цивилизациях, созданных культурой одной великой страны, данная борьба неизбежно превращается в общенациональную борьбу — за выживание всей нации.

Итак, стремление Востока придерживаться традиций общины является отражением основного закона развития традиционного общества. Следуя этому закону, Япония возродила на своих предприятиях дух общины, стремясь сохранить в своем обществе основы общинного сознания и общинной жизни. Следуя этому закону, России как русской Евразии и как стране-цивилизации также предстоит вернуться к тра-

диционным истокам нашей северо-восточной цивилизации, также возрождая утраченные нормы общинной жизни.

Евразийским мейнстрим как основа учебных вузовских курсов. Вопросы социализации молодежи

В речи на Валдае в 2013 г. Президент РФ Путин указал на недопустимость механического копирования чужого опыта, попыток «извне цивилизовать Россию» [4]. В этом контексте понятно, что американизация процесса преподавания экономической теории в вузах — форма скрытой агрессии со стороны внешних сил, стремящихся управлять Россией как колонией, лишая ее реального суверенитета. Однако в вузах России до сих пор тотально господствуют американские и американизированные учебники по экономической теории, основанные на теории однополярного мира.

Учебники по экономической теории для вузов России основаны на западных стандартах. Так, например, в аннотации к учебникам для вузов по экономической теории (микро-, макроэкономика), как правило, указывается, что темы микро- и макроэкономической теории излагаются по единой, последовательно маргинальной методологии.

Некоторые заведующие кафедрами открыто заявляют: «Миссия кафедры “Микроэкономика” заключается в переходе на преподавание микроэкономики по образовательным программам и стандартам нового поколения в русле мировой экономической науки». А в России эти стандарты являются американскими стандартами, которые были разработаны на деньги Дж. Сороса¹⁰.

Отто фон Бисмарк подчеркивал: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя» [18]. Очевидно, что для этого необходима огромная пропагандистская машина по промывке мозгов, по глобальной дезинформации населения всего незападного мира. И эта машина уже давно создана, ловко манипулируя сознанием людей по всему миру, создавая ложные, пропагандистские мифы, внедряя ложные ценности. В России эта машина приводится в действие «английским элементом» (о котором писал О. Шпенглер) и не-

¹⁰ Достаточно заметить, что «Государственный общеобразовательный стандарт высшего профессионального образования» был разработан на деньги Сороса: на титульном листе официального издания «Государственный стандарт высшего профессионального образования» значится: «издано при финансовой поддержке Международного фонда “Культурная инициатива”», а это — фонд Сороса!

видимым «американским воинством», внедренным и в наше правительство и в наше обществоведение [15, 199].

Вот и получается, что Минобразования РФ, которое с начала 1992 г. возглавило массовую американизацию всего нашего обществоведения, прикрывая все это разговорами о необходимости отказа от «устаревшего марксизма-ленинизма», перешло на сторону нашего идеологического противника. Вот уже почти четверть века Министерство образования России воюет с Россией, ведет войну против русских, занимаясь так называемой рекультуризацией всего нашего многонационального народа, т. е. внедряя насильственно в головы нашей молодежи западные ценности и принципы [10; 13, 98 —100].

Суть проблемы здесь заключается в том, что преподавание экономической теории в светских вузах, как известно, основано на денежных ценностях и соответствующей методологии, импортированных в Россию из США. Само по себе это — преступление, добровольная сдача нашего духовного пространства в руки идеологического и цивилизационного противника России и всего православного Востока. Принципиально важно, что эта система обучения, основанная на западных методиках, на западных порочных доктринах, работает сегодня против России и стран СНГ, формируя в наших странах молодежь, воспитанную на основе прозападных стандартов и ценностей, стремясь настроить ее антиклерикально — в духе отрицания высших божественных ценностей, утверждая взамен «религию прав человека» и прочие ценности «современного общества», подвергнутого агрессивной секуляризации [11, 168—176].

Что означает для наших восточных народов-этносов, сформировавших суперэтнический русский народ, проживающий исторически в рамках русско-евразийской цивилизации, выбор модели национальной экономики и национального хозяйства, утверждающей чуждые всем нам индивидуалистические стереотипы хозяйственного бытия? Очевидно, что такой выбор является вызовом нашим традициям, противоречит цивилизационным основам нашего бытия.

Из всего этого следует важный вывод. Мы не можем произвольно выбирать модель национального хозяйства. Она определяется всей совокупностью социокультурных, цивилизационных, геополитических и религиозно-нравственных ценностей, исторически сформировавших русско-евразийскую цивилизацию. Соответственно Евразийский союз может быть устроен только на основе общих для всех нас — евразийских (восточных и северо-восточных) — традиций и ценностей.

Таким образом, вопрос о том, приемлем ли для нас экономикс и допустимо ли преподавать экономическую теорию в наших вузах на основе чуждых нам идей и ценностей, имеющих протестантскую «духовную» укорененность, является в целом риторическим. По большому счету и нас нет выбора, когда мы приступаем в разработке нашей — евразийской — экономической теории, евразийского мейнстрима, формирующего основы евразийского теории национального хозяйства и, соответственно, евразийских учебников по экономической теории как теории национального хозяйства.

Литература

1. *Абазов Р.* Исламская политэкономия: императивы развития // *Восток.* 1995. № 3.
2. *Афанасенко И.Д.* Экономика и духовная программа России. СПб.: Изд-во «Третье тысячелетие», 2001.
3. *Бергер П.* Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе): Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Универс», 1994.
4. Выступление В.В. Путина на итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.09.2013 // <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>.
5. *Гельвановский М.И.* Философия хозяйства и конкурентоспособность. – Экономическая теория на пороге XXI века — 6. В 2 кн. Кн.1.Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2002.
6. *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2003.
7. Как работают японские предприятия / Под ред. Я. Мондена и др. М.: Экономика, 1989.
8. Мейнстрим как стратегическое оружие системы // <http://politosophia.org/page/meynstrim-kak-strategicheskoe-oruzhie-sistemy.html>
9. *Морита А.* Сделано в Японии. М.: Прогресс, 1990.
10. *Олейников А.А.* Болонский процесс и евразийское пространство: к вопросу о необходимости разработки новых евразийских учебников по экономической теории // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* 2012. № 3.
11. *Олейников А.А.* Вопросы преподавания экономической теории в православных вузах: к вопросу о том, на каком языке церковь разговаривает с Человеком в эпоху постмодерна в XXI веке // *Социология религии в обществе позднего модерна: Материалы российской*

конференции с международным участием. НИУ «БелГУ», 10 февраля 2011. Белгород: ИПК НИУ БелГУ, 2011.

12. *Олейников А.А.* Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход): Дис... д-ра экон. наук. М., 2007.

13. *Олейников А.А.* Проблема подрыва культурных смыслов: рекультуризация как форма информационной войны // Рождение культурологи в России: сб. науч. тр. Под ред. В.П. Океанского. Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011.

14. *Шпенглер О.* Закат Европы. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1998.

15. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002.

16. *Boeke J.H.* Economics and Economic Policy of Dual Societies. N. Y., 1953.

17. *Furtado C.* Capital Formation and Economic Development // The Economics of Underdevelopment. A.N. Agarwala, S.P. Singh (eds.). Oxford University Press, 1958.

18. <http://yablor.ru/blogs/aforizmi-bismarka-o-rossii-i-russki/3642170>.

References

1. *Abazov R.* Islamskaya politehkonomiya: imperativy razvitiya // Vo-stok. 1995. № 3.

2. *Afanasenko I.D.* Ehkonomika i dukhovnaya programma Rossii. SPb.: Izd-vo «Tret'e tysyacheletie», 2001.

3. *Berger P.* Kapitalisticheskaya revolyutsiya (50 tezisov o protsvetanii, ravenstve i svobode): Per. s angl. M.: Izdatel'skaya gruppa «Pro-gress» — «Univers», 1994.

4. *Vystuplenie V.V. Putina* na itogovoj plenarnoj sessii mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj». 19.09.2013 // <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>.

5. *Gel'vanovskij M.I.* Filosofiya khozyajstva i konkurentosposobnost'. – Ehkonomicheskaya teoriya na poroge XXI veka — 6. V 2 kn. Kn.1.Filosofiya khozyajstva. Kn. 2. Teoreticheskaya ehkonomiya / Pod red. Yu.M. Osipova, E.S. Zotovoj. M., 2002.

6. *Gumilev L.N.* Tysyacheletie vokrug Kaspiya. M., 2003.

7. *Kak rabotayut yaponskie predpriyatiya* / Pod red. Ya. Mondena i dr. M.: Ehkonomika, 1989.

8. Mejnstrim kak strategicheskoe oruzhie sistemy // <http://politosophia.org/page/meynstrim-kak-strategicheskoe-oruzhie-\\sistemy.html>.

9. *Morita A.* Sdelano v Yaponii. M.: Progress, 1990.

10. *Olejnikov A.A.* Bolonskij protsess i evrazijskoe prostranstvo: k voprosu o neobkhodimosti razrabotki novykh evrazijskikh uchebnikov po ehkonomicheskoy teorii // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanij. 2012. № 3.

11. *Olejnikov A.A.* Voprosy prepodavaniya ehkonomicheskoy teorii v pravoslavnykh vuzakh: k voprosu o tom, na kakom yazyke tserkov' razgovarivaet s Chelovekom v ehpokhu postmoderna v XXI veke // Sotsiologiya religii v obshhestve pozdnego moderna: Materialy rossijskoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. NIU «BelGU», 10 fevralya 2011. Belgorod: IPK NIU BelGU, 2011.

12. *Olejnikov A.A.* Natsional'noe khozyajstvo kak osnova vosproizvodstva obshhestva (ehkonomiko-filosofskij podkhod): Dis... dokt. ehkon. n. 2007.

13. *Olejnikov A.A.* Problema podryva kul'turnykh smyslov: rekul'turizatsiya kak forma informatsionnoj vojny // Rozhdenie kul'turolo-gi v Rossii: sb. nauch. tr. Pod red. V.P. Okeanskogo. Ivanovo; SHuya: TSentr kriezologicheskikh issledovanij FGBOU VPO «SHGPU», 2011.

14. *Shpengler O.* Zakat Evropy. Rostov n/D: izd-vo «Feniks», 1998.

15. *Shpengler O.* Prussachestvo i sotsializm. M.: Praxis, 2002.

Т.Н. ЮДИНА

Цифровизация в контексте сопряженности Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути*

Аннотация. Современная экономика становится все более взаимозависимой, монетарной, технологичной. В ней идут процессы глобализации, информатизации, технологизации, финансомизации, инноватизации, сетеизации, виртуализации, цифровизации. Продуктами

*Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-02-00640 «Философия и методология экономики как основа формирования концепции современного экономического знания».

последней являются цифровая экономика, цифровое экономическое пространство, цифровой капитал. Образуется облако: облачный рынок, облачная индустрия, облачная инфраструктура. Сетевое пространство расширяется. В статье дается анализ цифровой экономики сквозь призму сопряженности Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровое пространство, цифровой капитал, облако, облачный рынок, облачная индустрия, облачная инфраструктура, информационно-коммуникационные технологии, квантовые технологии, четвертая промышленная революция, электронно-информационная революция, электронно-информационная сеть, сетеизация, электронно-счетный переворот, неоиндустриализация, виртуальная экономика, финансовика, технономика, нетократия, ноократия, сопряженность Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП).

Abstract. In the article constituent framework of fundamental economic science is represented, based on the application of the following methods of analysis that are not used in conjunction: holism, strategizing, philosophical and economic method, synergy, trialectics, geotriion, economic reproduction method, institutional and evolutionary method. This framework is provided in the context of two contemporized teachings of Aristotle: teaching of oikonomikos (domostroy) that implies socially useful economic system functioning in harmony with soul and nature and chrematistics (science of money-making), two contemporary teachings of I.T. Pososhkov: on truth as immaterial wealth, material wealth and philosophy of economy. Such theoretical and methodological solution enables one to provide the construction of fundamental economic science genuine framework and take a step closer to understanding of Aristotelian concept of fair price, value and the vital activity system of both human being and mankind.

Key words: philosophy of economy, constituent framework of fundamental economic science, quest for a new paradigm of economic theory and economic development, globalization, innovatization, technologisation, informatization, netization as contemporary megatrends and prospectives; fair price, value; two contemporized teachings of Aristotle: teaching of oikonomikos (domostroy) that implies socially useful economic system functioning in harmony with soul and nature and chrematistics (science of money-making); two contemporary teachings of I.T. Pososhkov: on truth as immaterial wealth and material wealth; philosophy of economy; chrematistics (finansomics), usury.

Современная глобализирующаяся оцифровывающаяся экономика, одновременно расчленяющаяся на *финансономику*¹¹ и *технономику*¹², а также синтезирующая их, становится все более взаимозависимой, монетарной технологичной. Это актуальнейшая проблема мировой экономической науки и практики, требующая нестандартных управленческих решений.

Продуктом современности является *электронная экономика*, в том числе *веб-, интернет- и цифровая экономики*, которые функционируют с помощью *цифровых телекоммуникаций, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)* и формируют *цифровое пространство, региональное и глобальное, так называемый облачный рынок, или облачную индустрию*. Все эти новые понятия требуют научного осмысления и позиционирования в связи с решением актуальных теоретических, управленческих проблем, например, взаимосвязи Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути и в целом цифровой экономики как стадии развития неэкономиики.

Новейший формат международного не только российско-китайского, но гораздо более широкоформатного — межстранового и отчасти интеграционного сотрудничества в рамках неэкономиики и сопряженности Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути требует практических серьезных социокультурно-экономических, валютно-финансовых, инновационно-инфраструктурных и институционально-политических преобразований как в России и странах ЕАЭС (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия), так и в Китайской Народной Республике.

Поднебесная вполне подготовлена для реализации данной проблемы и выполнения соответствующих задач на основе своей новой парадигмы и оригинальной модели современного развития — *нового нормального состояния*, выработанного путем *стратегирования как сверхдолгосрочного планирования на протяжении всего цивилизационного развития Китая, целостного культурно-философско-*

¹¹По Ю.М. Осипову, *финансономика* — это господство финансового капитала в экономике при отсутствии денежного золотого или любого материального стандарта при тотальной долговой, т. е. кредитной зависимости реального хозяйства от довлеющих самоопределяющихся финансов.

¹²Термин «*технономика*» ввел в научный оборот Ю.М. Осипов. Согласно его определению, *технономика* (техномика) — это результат электронно-счетного переворота и технологических прорывов конца XX и начала XXI в. — феномен технизации, цифровизации всего хозяйства и всей человеческой жизни.

хозяйственно-исторического метода [10, 29]. Осуществляется не просто ренессанс концепта и практики *древнего Шелкового пути из Китая в Европу* (II в. до н. э. — XV в. н. э.) — решаются задачи контроля над огромным экономическим и цифровым пространствами в рамках сопряженности ЕАЭС и ЭПШП, а также регионального регулирования производства, инфраструктуры, жесткой и мягкой, валютно-финансовых институтов путем реализации инфраструктурных, логистических, валютно-финансовых и других проектов, в том числе в рамках цифровизации, инноватизации, сетеизации и институционализации региональной экономики.

Теоретические и практические аспекты исследования цифровой экономики, единого или регионального цифрового пространства в контексте ЕАЭС и ЭПШП, являющиеся непосредственно новизной данного исследования, можно получить только на основе использования *междисциплинарного метода научного исследования*, в частности, на стыке философии хозяйства, прикладной и фундаментальной математики, вместе со специалистами в области компьютерных и управленческих наук.

Итак, наша гипотеза: начался процесс формирования и развития цифровой экономики, возможно, как последней стадии неэкономии, мирового «облачного» рынка и, в частности, единого цифрового пространства в контексте сопряженности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), а также дальнейшего российско-китайского, в целом КНР и ЕАЭС неэкономического сотрудничества в рамках цифровизации как объективного современного процесса, связанного с глобализацией, информатизацией, сетеизацией, инноватизацией, технологизацией экономики.

Цифровая экономика как стадия развития неэкономии и ее границы

Чем же является цифровая экономика (digital economy) в контексте неэкономии как высшей формы современной экономики — благом или злом? Что она собой представляет? Ю.М. Осипов пишет: «Компьютер и информатика, необычайно разившись и распространившись, не только изменили качество самой информации (ее оцифрив и загнав в компьютерную сеть), безмерно расширили ее рабочие объемы, усилили скорость информационных потоков, покорив не одно время, но и пространство, обеспечили высокую операционную всеохватность, они еще и изменили все хозяйственное бытие: от производства, торговли и потребления до технологий, исследований, коммуни-

каций, включая и все сугубо экономическое» [5, 4], т. е. стоимость и все стоимостное.

В результате *информатизации, инноватизации, сетеизации и технологизации* произошли структурные изменения в экономике. Это связано с появлением новых отраслей и производств, новых моделей взаимодействий объектов и субъектов в экономике. Осуществилось «настоящее покорение пространства и времени», «экономика стала как бы невесомой, гибкой, летучей», неэкономикой. Появилось *облако: облачная инфраструктура, мировой рынок облачных вычислений (так называемый облачный рынок), облачная индустрия*. Ю.М. Осипов констатирует: «Стоимость, а вслед за ней и вся экономика обрели, благодаря возникновению миромасштабной *электронно-информационной сети* (своеобразного коллективного техно-людского *мозга*), как бы параллельное исполнительское сознание, новую “думающую” ноосферу (еще не пневмосферу, согласно П.А. Флоренскому. — *доп. Т.Ю.*)... Экономика превратилась вдруг из вольного сообщества агентов в принудительную “*агентурную сеть*”, еще и иерархически структурированную и управляемую из конкурентно-скоординированного сонма центров. Агенты в рамках такой сети вдруг стали... либо сетевыми “мушками”, либо сетевыми “паучками”, включая среди последних больших и очень больших, даже и гигантских “пауков”» [5, 4]. Появились такие социальные страты, как *netocratia* («власть сети») и *poocratia* («власть самых умных»).

Неэкономика проходит различные стадии своего развития. В результате технологической революции в мире создаются центры цифровой переналадки, цифровой роботизации, виртуальных сред для проектирования, образуются системы быстрого прототипирования. Ярким примером цифровой экономики является уникальное беспрецедентное строительство моста в Амстердаме с помощью 3D-технологий и роботов.

Сама технологическая революция позиционируется как четвертая промышленная революция, выходящая из третьей, которую называют «цифровой». На Давосском форуме 2016 г. профессор К. Шваб обосновал основные причины позиционирования четвертой промышленной революции. Во-первых, это скорость трансформаций в социально-экономическом мире; во-вторых, масштаб перемен; в-третьих, системный характер последствий. Цифровая революция и последующий процесс цифровизации породили цифровую экономику. В Давосе — 2016 также обсуждался вопрос о ликвидации наличных денег. Это позволяет современным исследователям финансовоэкономики, например, В.Ю. Катасонову, сделать вывод о будущем *электронно-банковском*

концлагере и функции учета и контроля как единственной функции банков, которые сохраняются и во время его образования.

Термин «цифровая экономика» (его автор — Николас Негропonte) появился в Массачусетсе 1995 г. [11]. Ее суть заключается в слиянии технологий, а также — в стирании границ между физическими, цифровыми и биологическими системами. Это понятие связано с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий — основой формирующегося VI технологического уклада (ТУ) на основе нанoeлектроники, информатизации, компьютеризации второго поколения и даже будущего, например, VII ТУ, на основе квантовых технологий. Как считает специалист в области цифровой экономики И.М. Тушканов, цифровые технологии — не последние, при решении фундаментальных задач материи возникнут квантовые технологии. Математический аппарат уже готов практически для создания квантовых компьютеров, использующих принцип суперпозиции и генерирующих истинную случайность.

Цифровая экономика стала продуктом электронно-информационной революции, цифровизации путем наращивания цифрового капитала. Цифровизация экономики — объективный процесс, имеющий как положительные, так и отрицательные последствия. Согласно конструктивному мнению И.М. Тушканова, цифровизация — только инструмент, который поможет в решении стратегически важных государственных задач: развития науки, образования, реиндустриализации и неоиндустриализации, государственного регулирования и планирования экономики и др., а также достижении ряда промежуточных целей. Цели цифровизации для государства — платформа для развития промышленности, сельского хозяйства и других отраслей, прозрачность расходования бюджетных средств, планирование, обратная связь от экономических агентов и т. д. Для человека — удобство пользования, уход от посредников в хозяйственной деятельности — прямой доступ к ресурсам, экономия на реализации коллективных проектов (организованные коллективные закупки, строительство).

Продолжающаяся *электронно-информационная революция* в экономике влияет существенно на трансформацию экономических отношений уже более четырех десятилетий. Преобразования в производственных отношениях и институтах происходят как по содержанию, так и по форме. В цифровой экономике усложняются экономические отношения как субъектно-объектные, когда они дополняются некими алгоритмами. Специфика преобразований в производственных и/или экономических отношениях отражается в том, что процессы производства, распределения, обмена и потребления (использования)

информации становятся главными по сравнению с продуктами других видов хозяйственной и экономической деятельности, а также влияют на них [9, 390]. Появляются и развиваются национальный, мировой и глобальный рынки облачных вычислений, так называемый облачный рынок.

Электронно-информационная революция середины 1970-х гг. привела к изменению и технологической основы производства, когда *Интернет (сеть сетей) как глобальный метаинститут*, объединяющий совокупность формальных институтов, которые регламентируют устройство телекоммуникационных сетей и распространение информации, а также спутниковая связь, в целом процессы *информатизации и компьютеризации I-го и II-го поколений* и в целом технотоника позволяют передавать информацию из любой точки земного шара даже посредством беспроводной связи, формировать так называемую облачную инфраструктуру (последняя связана все-таки с физическими носителями, например, картами памяти и т. п.). Фактически многие сферы человеческой жизнедеятельности в той или иной мере изменяются посредством открытия и развития ИКТ.

В настоящее время приблизительно 40% населения мира доступен Интернет, в Китае — 60%. Ежедневно в «сеть сетей» выходят все новые ее пользователи. Даже среди 20% беднейших домохозяйств мира мобильный телефон есть почти в каждом 7 из 10.

Усиливается с появлением электронных и виртуальных денег виртуализация современной экономики, по сути хрематистики-финансоэкономики, у которой, согласно Аристотелю, нет предела, а также технотоники. Электронно-информационная революция и ее продукт — электронная и цифровая экономики — изменяют также форму организации экономических отношений, институтов и организаций в глобальном пространстве рыночной (по сути капиталистической-хрематистической) экономики. В конечном итоге осуществляется попытка трансформировать отношения «человек — машина» в отношении «машина — машина» (машинно-машинное взаимодействие, от англ. machine-to-machine, M2M).

Все больше отраслей и секторов национальной, мировой и глобальной экономик: финансы, торговля, а также машиностроение, сельское хозяйство, строительство, транспорт, связь, медицина, образование и др. — включаются в электронную и цифровую экономики. Так, согласно Boston Consulting Group, интернет-экономика в 2010 г. составила 2,3 трлн дол. [12]. В 2013 г. размер цифровой экономики был на порядок ниже, всего 20,4 млрд дол., согласно докладу Oxford Economics [13]. Продукт интернет- и цифровой экономики измеряется не

только в стоимостном отношении, но и в натуральном, например, в гигабайтах. По данным International Data Corporation (IDC), «в 2011 г. мировой объем созданной и воспроизведенной информации превзошел 1,8 трлн гигабайт. По оценкам, к 2020 г. мировой объем данных вырастет до 40 трлн гигабайт, а это более 5200 гигабайт на каждого мужчину, женщину и ребенка. Прогноз IDC также сообщает, что к 2020 г. почти треть созданной информации будет полезна, в случае если будет проанализирована, по сравнению с 25% в настоящее время» [14].

Информация как главный фактор производства в форме научных знаний и современных высоких технологий VI технологического уклада (в данном случае ИКТ) открыла большие возможности *количественного экономического роста* посредством следующих механизмов, инструментов и факторов:

- неограниченности торговых площадок в Интернете, развития самой интернет-торговли, передвижения товаров за счет интернет-сделок, финансовых (фондовых и валютных) бирж;
- сокращения масштаба компаний для так называемой успешной конкуренции на рынках, развития *горизонтальных (сетевых) систем управления*, появления и развития *виртуальных предприятий (фирм)* и организаций, называемых так же, как «киберкорпорации»;
- многократного использования одного и того же физического капитала, трудового и других ресурсов для предоставления различных услуг в рамках *облачной инфраструктуры предприятия, специализированных региональных кластеров цифровой экономики и цифровой экосистемы*;
- ограниченности масштаба операционной деятельности только размерами Интернета;
- превращения потребителя — клиента — в некий «фетишбожество» для цифровой экономики, т. е. его фетишизация;
- все возрастающего экономического эффекта оцифрованной продукции, в том числе за счет снижения издержек производства, например, при строительстве домов, мостов с использованием новейших, например, 3D-технологий;
- и главное — появления *новых точек количественного экономического роста* и «цифровых долин» (на базе университетов в рамках вертикально интегрированной системы).

Однако следует одновременно учитывать *границы цифровой экономики*. Это прежде всего то, что ее фундаментальные и прикладные аспекты разрабатываются не в соответствии с аристотелевской ойкономикой как общественно-полезным гармоническим (в гармонии

с душой и природой) этическим хозяйством по [8, 6—7], а в рамках аристотелевской хрематистики, капиталистической системы «деланья денег» (Д~), т. е. «денежной цивилизации» (по В.Ю. Катасонову [3, 37]).

Границы цифровой экономики обусловлены следующими причинами:

- теория и практика цифровой экономики игнорируют этические и духовно-нравственные принципы. Не оценен с этих позиций *проект создания киборгов*;
- в настоящее время известно, что в России запрещена *криптовалюта (биткоин)* в силу ее бесконтрольного обращения и широкой возможности отмывания денег;
- возникла и расширяется *проблема цифрового неравенства*: монопольное владение информацией является фактором получения высокого дохода, *интеллектуальной ренты* и *высокой сверхприбыли*;
- экономические отношения становятся все более обезличенными, усиливается возможность экономических преступлений, в том числе хакерства, рейдерства, коррупции.

Таким образом, цифровизация экономики — это объективный процесс формирования цифрового пространства, регионального и глобального, развития цифровой экономики как, возможно, последней стадии развития неэкономике с двойственностью последствий (как положительных, так и отрицательных).

Формирование цифрового пространства в Евразийском экономическом союзе и России, новые проблемы цифровизации экономики ЕАЭС

27 августа 2014 г. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) пришла к выводу, что облачные и суперкомпьютерные технологии в ближайшие годы позволят реализовать современные технологические инициативы в таких направлениях, как развитие «умных» промышленных производств и магазинов, «умных» домов, «умных» городов и транспортных систем, *грид-технологий* в энергетике [15]. Например, в Москве разрабатывается проект «Москва — умный город».

ЕЭК считает, что «наиболее популярными будут облачные и суперкомпьютерные решения, предназначенные для социального взаимодействия, электронной коммерции, мониторинга за цепочками поставок товаров (в том числе глобальных логистических потоков). В рамках Евразийского экономического союза данные технологии могут быть использованы для реализации инициатив и проектов по вовлече-

нию малого и среднего бизнеса в промышленное сотрудничество и кооперацию через создание различных информационно-коммуникационных систем по аналогии с существующими сетями взаимодействия в Европейском союзе (ЕС) [15].

17 марта 2016 г. Совет Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) институционализировал Рабочую группу по подготовке предложений о формировании цифрового пространства ЕАЭС под руководством члена Коллегии (министра) по внутренним рынкам, информатизации, информационно-коммуникационным технологиям ЕЭК К.А. Минасян. 25 марта 2016 г. в Москве состоялась рабочая встреча Минасян и министра связи и массовых коммуникаций в правительстве России Н.А. Никифорова. На этой встрече обсуждались вопросы формирования цифрового пространства в Евразийском экономическом союзе. Оба министра оценили процессы цифровой модернизации интеграционных процессов, цифровые рынки, цифровые платформы и инфраструктуры, институты развития цифровой экономики в рамках ЕАЭС. Кроме того, они обсуждали проблемы поступательного запуска Интегрированной информационной системы ЕАЭС, создания трансграничного пространства доверия, а также стандартизации в сфере информационно-коммуникационных технологий для развития ряда отраслей экономики.

К.А. Минасян подчеркнула: «Нам необходимо на отобранных автоматизированных общих процессах ускоренно запускать взаимодействия, снимая технические и регламентирующие вопросы в рамках пилотных проектов. Это создаст новые эффекты интеграции и обозначит новые перспективы цифрового пространства ЕАЭС» [16]. Российская сторона отметила необходимость участия отечественного бизнес-сообщества и научно-исследовательских центров в дальнейшей проработке предложений по формированию цифрового пространства ЕАЭС.

В экономике Российской Федерации новые технологии направлены на диверсификацию производства, реиндустриализацию и неоиндустриализацию. Некоторые успехи на пути неоэкономики РФ отмечают эксперты Всемирного банка. Так, Андраш Хорваи дает следующую оценку неоэкономики России: «Яндекс, Касперский, службы онлайн-заказа такси» (например, UBER. — *доп. Т.Ю.*) — вот лишь несколько примеров развития отечественных информационных технологий. Кроме того, в России один из самых высоких показателей проникновения мобильной связи. Эксперт Всемирного банка констатировал, что «работа ведется на правительственном уровне: внедряются инновационные технологии в предоставлении госуслуг, развивается система открытых данных, создается система электронного правитель-

ства». Хорваи отметил в качестве успешного примера также «сокращение срока регистрации прав собственности при помощи информационных технологий до 10 дней», вывел Россию на 8-е место в соответствующем разделе рейтинга Doing Business [2].

Институциональные процессы формирования и развития единого цифрового пространства в контексте сопряженности ЕАЭС и ЭПШП, а также в рамках ШОС

18 мая 2015 г. на деловом форуме Шанхайской организации сотрудничества в г. Уфе «ШОС и Евразийский экономический союз: новые реалии, новые возможности. Проектное сотрудничество и финансовые механизмы» в рамках Петербургского международного экономического форума, К.А. Минасян позиционировала пути взаимодействия ШОС, а также проблемы цифровизации и сопряженности ЕАЭС и ЭПШП. Она подчеркнула, что ШОС является не просто географическим, но геоэкономическим и геополитическим соседом стран, входящих в ЕАЭС. Россия, Казахстан и Киргизия — одновременно участники обоих интеграционных объединений, а Белоруссия и Армения только стремятся упрочить свои контакты с ШОС. Минасян считает: «У ЕАЭС и ШОС широкие перспективы для сотрудничества. Тем более что страны, являющиеся членами обеих организаций, будут обсуждать условия ведения бизнеса как с партнерами по ШОС, так и на площадке Союза с учетом обязательств в рамках Договора о ЕАЭС» [1].

Действительно, в рамках ШОС в Уфе обсуждались вопросы, связанные с сопряжением двух больших проектов: Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, а также с образования единого цифрового пространства, цифрового рынка. Совершенно новое направление для сотрудничества открывает развитие цифрового пространства государств ЕАЭС, взаимосвязанных с ЭПШП и ШОС, так называемой цифровой экономики.

С 2010-х гг. китайские компании электронного бизнеса активно работают на российском рынке. Согласно опросу российского Центра исследования интернет-индустрии «East-West Digital News», проведенного вместе с Яндексом, только в 2014 г. через интернет-торговлю российские потребители заказали в КНР (именно в китайских онлайн-магазинах) товаров примерно на 3,5 млрд дол., что соответствует 70% всех отечественных интернет-заказов. В том же году российские потребители сделали около 50 млн виртуальных заказов на китайских сайтах онлайн-шопинга. Эта цифра на 40% больше, чем в 2013 г. [4]. В мае 2016 г. проходит первый российско-китайский форум по

электронной торговле. Одной из самых больших сетевых торговых площадок в мировой экономике стала Алибаба. Ком [6, 95].

С.Ю. Глазьев в своем интервью справедливо заявляет: «Центр мирового развития перемещается в Восточную Азию, что позволяет ряду исследователей говорить о начале нового — Азиатского — векового цикла накопления капитала» (цит. по: [7, 125]). Можно этот вывод Глазьева конкретизировать: положено начало и нового векового цикла накопления цифрового капитала в контексте сопряженности ЕАЭС и ЭППП.

Таким образом, доля цифровой экономики в ВВП сопряженных стран ЕАЭС и КНР еще не велика, но ежегодно она увеличивается в разы. Это один из наиболее значимых сегментов с точки зрения рынка цифрового капитала, рынка облачных вычислений, облачной индустрии, облачной инфраструктуры, модернизации экономик, неиндустриализации, а также создания высокооплачиваемых рабочих мест, с одной стороны, и воспроизводства цифрового неравенства и цифровой пропасти — с другой.

Литература

1. Деловой форум Шанхайской организации сотрудничества «ШОС и Евразийский экономический союз: новые реалии, новые возможности. Проектное сотрудничество и финансовые механизмы» ИА ВNews.kz. // ИА ВNews.kz .
2. Доклад Всемирного банка «Цифровые дивиденды» (на рус. яз.) // http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDS/IB/2016/01/13/090224b08405bbc0 /1_0/Rendere d/PDF/World0develo pm0l0div idends0over view.
3. *Катасонов В.Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / Науч. ред. О.А. Платонов. Изд. 4-е, доп. М.: Институт русской цивилизации, 2015.
4. *Лу Си.* Онлайн-шопинг без границ // Китай. 2016. № 3 (125).
5. *Осипов Ю.М.* Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // Философия хозяйства. 2016. № 2.
6. *Пиковер А.В.* Информатизация в КНР // Экономика КНР в свете решений XVIII съезда КПК: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. А.В. Островского; сост. П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2014.
7. *Тавровский Ю.В.* Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. М.: Эксмо, 2015.

8. *Юдина Т.Н.* Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России. М.: ТЕИС, 2015.
9. *Юдина Т.Н.* Осмысление цифровой экономики // Современность: хозяйственные алгоритмы и практики: сборник статей / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Ю. Стримова, Е.С. Зотовой. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2016.
10. *Юдина Т.Н.* Сопряженность Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП): глобально-региональные и философско-хозяйственные аспекты // Материалы. II Международный форум Аналитического центра китайско-российского экономического сотрудничества: Международное партнерство в строительстве Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Китай, Харбин: АОН, 2015 (на кит. яз.).
11. *Negroponte N.* Being Digital. Knopf. Paperback edition. Vintage Books, 1996.
12. *bcg.perspectives* — The Internet Economy in the G-20.
13. <http://www.myclouddoor.com/web/documents/The%20New%20Digital%20Economy.pdf>.
14. http://Studopedia.ru/6_165628_razvitie-tsifrovoy-ekonomiki.html.
15. <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27-08-2014-5.aspx>.
16. <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-03-2016-11.aspx>.

References

1. Delovoj forum SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva «SHOS i Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz: novye realii, novye voz-mozhnosti. Proektnoe sotrudnichestvo i finansovye mekhanizmy» IA BNews.kz. // IA BNews.kz .
2. Doklad Vsemirnogo banka «Cifrovye dividendy» (na rus. yaz.) // http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2016/01/13/090224b08405bbc0_1_0/Rendere d/PDF/WorldDevelopment0dividends0overview.
3. *Katasonov V.Yu.* Kapitalizm. Istoriya i ideologiya «denezh-noj civilizacii» / Nauch. red. O.A. Platonov. Izd. 4-e, dop. M.: Institut russkoj civilizacii, 2015.
4. Lu Si. Onlajn-shopping bez granic // Kitaj. 2016. № 3 (125).

5. *Osipov Yu.M.* Neoekonomika kak vysshaya na segodnya istoricheskaya forma ekonomiki // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 2.
6. *Pikover A.V.* Informatizaciya v KNR // *Ekonomika KNR v svete reshenij XVIII sezda KPK: v 2 ch. CH. 1 / Pod red. A.V. Ostrovsko-go; sost. P.B. Kamennov. M.: IDV RAN, 2014.*
7. *Tavrovskij YU.V.* Si Czin'pin: Po stupenyam kitajskoj mech-ty. M.: Eksmo, 2015.
8. *Yudina T.N.* Novyj Domostroj. Konstituiruyushchaya universal'naya perspektivnaya ekonomicheskaya sistema Rossii. M.: TEIS, 2015.
9. *Yudina T.N.* Osmyslenie cifrovoj ekonomiki // *Sovremen-nost': hozyajstvennye algoritmy i praktiki: sbornik statej / Pod red. Yu.M. Osipova, V.Yu. Stromova, E.S. Zotovoj. M.; Tambov: Izdatel'skij dom TGU imeni G.R. Derzhavina, 2016.*
10. *Yudina T.N.* Sopryazhennost' Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza (EAEHS) i Ekonomicheskogo poyasa SHelkovogo puti (EHPSP): glo-bal'no-regional'nye i filosofsko-hozyajstvennye aspekty // *Materialy. II Mezhdunarodnyj forum Analiticheskogo centra kitajsko-rossijskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva: Mezhdunarodnoe partnerstvo v stroitel'stve Ekonomicheskogo poyasa SHelkovogo puti i Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. Kitaj, Harbin: AON, 2015 (na kit. yaz.).*

А.М. ЦИКИН

Проблема экономических интересов при формировании конкурентоспособности национальной экономики

Аннотация. В работе исследуется проблема координации экономических интересов агентов рынка при формировании конкурентоспособности национальной экономики. Проводится анализ экономических интересов различных рыночных субъектов, выявляются их дисбалансы и противоречия, предлагаются авторские решения. В результате проведенных исследований формируется авторское определение общего экономического интереса на современном этапе развития экономики и принципы его достижения.

Ключевые слова: экономические интересы, конкурентоспособность, национальная экономика, экономический рост.

Abstract. In this paper we have investigated the issue of the market agents' economic interests' coordination when forming the national economy competitiveness. The goal was to formulate the scientifically grounded proposals aimed at achieving the general economic interest. To achieve this goal we have conducted the analysis of the different market actors' economic interests, their imbalances and contradictions were identified, the author suggested solutions. The author formed the definition of general economic interest at the present stage of economic development and the principles of its achievement. The results can be used in the development of government policies for economic growth and increasing the national economy competitiveness.

Key words: economic interests, competitiveness, national economy, economic growth.

Современное состояние российской экономической системы характеризуется высокой неопределенностью и противоречивостью факторов развития конкурентоспособности национальных производителей. Одна из причин нереализуемости на практике предложенных учеными моделей развития национальной экономики заключается в искаженной системе стимулов хозяйственной деятельности. Отмеченная неопределенность развития экономики и отсутствие «длинных» денег в ней привели к тому, что для частного бизнеса выгоднее получение государственных подрядов, а не реализация затратных и рискованных инноваций. Из-за этого значительно снижается инновационная активность предпринимательского сообщества в целом. Аналогична ситуация и в государственном секторе: кроме недостаточного инвестирования НИОКР и малого внедрения их результатов государственные компании часто не предпринимают достаточных усилий для оптимизации своих операционных затрат.

Дисбалансы и противоречия в экономических интересах субъектов рынка в настоящее время входят в новую стадию обострения. В настоящее время есть ярко выраженный диссонанс между заявляемой во всеуслышание концепцией выхода государства из хозяйственных активов и наблюдаемой в действительности консолидацией многих активов в руках государства [1, 50]. По нашему мнению, такая политика может привести к ситуации, когда приоритетными являются нерыночные решения. В формируемых в настоящее время в России условиях государственные институты обеспечивают реализацию и покровительство таких решений, снижая конкурентоспособность национальной экономики и возможности развития для других субъектов рынка. Открытое лоббирование интересов отдельных рыночных субъектов

способствует формированию коррупционных схем — дела о коррупционных преступлениях редко доходят до суда, и даже в этом случае окончательное решение принимается не судьей, а членами властной коалиции [3, 111].

Дж. Доци выделяет проблему координации экономических интересов агентов рынка как один из ключевых вопросов всей экономической науки [2, 32]. Невозможно заставить частные компании внедрять инновации и повышать конкурентоспособность экономики, необходима система стимулов и мотивации. Особенно остро эта проблема стоит в России: в отсутствии принуждения со стороны рынка, стимулирование инновационного поведения должно быть элементом государственной политики. Взаимодействие всех рыночных агентов должно осуществляться на взаимовыгодной основе.

Экономические интересы, представляя собой весьма сложную экономическую категорию, могут рассматриваться в различных аспектах. Ценность представленной классификации состоит в систематизации экономических интересов, без которой невозможны дальнейший анализ и применение его результатов для развития конкурентоспособности национальной экономики (рис. 1).

Рис. 1. Систематизация экономических интересов по формам собственности

С распадом СССР в России не утихают дискуссии о равенстве или превосходстве общественных экономических интересов и собственности над частными. В Конституции РФ (ст. 8) закреплено равен-

ство всех форм собственности: частная собственность защищена законом в той же степени, что и муниципальная и государственная. Однако закрепленное в законах равенство форм собственности не означает равенства условий реализации экономических интересов. Государство и муниципалитет в России обладают особыми условиями и приоритетами своей хозяйственной деятельности. Особые условия реализуются посредством специального режима налогообложения (снижение налоговых ставок, предоставление налоговых кредитов и реструктуризация платежей по налогам и сборам) и режима финансирования (субсидии, дотации и льготное кредитование).

Режим работы частных организаций и населения значительно отличается в худшую сторону. Частные фирмы ведут предпринимательскую деятельность в условиях жесткой конкуренции, часто противостоя государственным и иностранным организациям, получающим значительную финансовую и административную поддержку. Из-за политики Центрального банка доступ к финансовым ресурсам частным организациям значительно затруднен, кредиты выдаются на кабальных условиях. Коммерческие банки требуют в качестве обеспечения по кредиту недвижимость, стоимость которой в разы превосходит общую сумму кредита. Кроме того, деятельность частных предприятий осложнена постоянно растущими тарифами на энергоносители (газ, нефть, нефтепродукты и пр.) и услуги естественных монополий (электро- и теплоснабжение и пр.). Неравные условия хозяйствования общественных и частных организаций приводят к процветанию в России экономических правонарушений. Однако несправедливо будет не отметить, что основной частный экономический интерес — извлечение прибыли — является сильным мотивом для экономических правонарушений.

Понятие общего экономического интереса, достижение которого необходимо для развития конкурентоспособности национальной экономики, невозможно сформулировать простым интегрированием экономических интересов государства, организаций и частных лиц, однако можно предложить принципы его достижения.

Принцип 1. Общие экономические интересы должны отражать актуальное состояние экономической системы общества: принятую стратегию экономического развития (в том числе отраслевые приоритеты), национальные приоритеты (здравоохранение, образование, наука и пр.) и внешнеэкономические параметры.

Принцип 2. Общие экономические интересы формируются на различных уровнях государственного устройства: на уровне государства в целом, субъектов государства и муниципальных образований.

Принцип 3. Общие экономические интересы остаются неизменными в течение длительного, согласованного экономическими субъектами срока.

Принцип 4. Общие экономические интересы устанавливают основные принципы взаимоотношений между государством, организациями и частными лицами по перечню основных вопросов, в том числе ставки налогов и порядок оплаты налоговых платежей, тарифы на услуги естественных монополий, стоимость энергоносителей, минимальный размер оплаты труда, прожиточный минимум и другие социальные гарантии.

Конкретизация понятия общего экономического интереса необходима для развития конкурентоспособности национальной экономики на всех уровнях, конкретизации механизмов экономического роста и преодоления периферийного характера российской экономической системы. В заключение вышеизложенного сформулируем авторское толкование общего экономического интереса. Общий экономический интерес — это интерес национальной экономической системы, базирующийся на интересах государства, организаций и физических лиц, содержащий в своем составе приоритеты национального развития и устанавливающий правила взаимоотношений государства, организаций и физических лиц в области налогов и сборов, производства, науки и образования, тарифной и ценовой политики, социального обеспечения, которые не меняются в течение длительного согласованного субъектами экономических отношений срока.

Литература

1. *Афонцев С., Ли С.Д.* Российский крупный бизнес в условиях глобального кризиса // Вопросы экономики. 2013. № 5.
2. *Дози Д.* Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // Вопросы экономики. 2012. № 12.
3. *Ореховский П.А.* Право на оспаривание, патрон-клиентские сети и коррупция // Вопросы экономики. 2012. № 11.

Referencess

1. *Afontsev S., Li S.D.* Rossijskij krupnyj biznes v usloviyakh global'nogo kri-zisa // Voprosy ehkonomiki. 2013. № 5.
2. *Dozi D.* Ehkonomicheskaya koordinatsiya i dinamika: nekotorye osobennosti al'ternativnoj ehvolyutsionnoj paradigmy // Voprosy ehkonomiki. 2012. № 12.

3. Orekhovskij P.A. Pravo na osparivanie, patron-klientskie seti i korruptsiya // Voprosy ehkonomiki. 2012. № 11.

К.В. МОЛЧАНОВ

**Рост российской экономики —
три экономические концепции
и диалектический принцип**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые базисные положения трех основных концепций решений важной экономической проблемы — роста российской экономики. Обсуждаемая проблема и варианты ее решения, определяют комплекс вопросов, касающихся состояния и развития современной российской экономической науки. Исследование обеспечивает развитие экономической теории и новых представлений, касающихся социально-экономического развития общества. Исследование, кроме того, дает понимание новых экономических реалий. Основным результатом исследования является выявление диалектического принципа проблемы осмысления и осуществления роста российской экономики. Результаты исследования могут быть использованы для развития современной российской экономической науки и для определения путей роста российской экономики.

Ключевые слова: рост российской экономики, современная политическая экономия, современная российская экономическая наука, диалектика.

Abstract. The article discusses some of the principles of the three basic concepts of the solutions of the important economic problem — Russian economy growth. The problem and options to solve it, furthermore, define complex of issues relating to state and development of the modern Russian economic science. The study provides development of economic theory and new conceptions concerning socio-economic development of society. The study, furthermore, provides an understanding of the new economic realities. The main result of the study is to identify the dialectic principle of the problem of comprehension and implementation of the Russian economy growth. The results of the study can be used for the development of the modern Russian economic science and identify the ways of the Russian economy growth.

Key words: Russian economy growth, modern political economy, modern Russian economic science, dialectics.

Президентом России 25 мая 2016 г. было проведено заседание президиума Экономического совета при Президенте РФ по поводу изыскания источников роста российской экономики в перспективе до 2025 г. Одним из ключевых положений является то, что, по словам Президента России, нужно «заглянуть за горизонт, обратиться к вопросам стратегического характера». И в настоящее время экономистами и чиновниками обсуждаются соответствующие меры. Основных концепций три: Министерства экономического развития РФ, Столыпинского клуба и Центра стратегических разработок (ЦСР). Они хорошо известны. Известна и их критика. Поэтому мы остановимся на ряде только тех критических моментов и выводов из них, которые, с одной стороны, пока не обсуждались экономистами и чиновникам, и, с другой стороны, нужны для настоящей статьи, так как раскрывают перспективную грань критики этих концепций и обозначают нечто существенное в понимании анализа ситуации и поиска путей роста российской экономики.

Концепция Минэкономразвития РФ предлагает, в основном, обычные меры по интенсификации экономики и экономии расходов. Поэтому, как уже стало понятно многим экономистам, основными в смысле обсуждений являются концепции Столыпинского клуба и ЦСР, которые, правда, существенно расходятся по многим позициям, в первую очередь, по вопросу источника финансирования предлагаемых преобразований. (И в рамках настоящей статьи не будет заострено внимание на предложениях Минэкономразвития РФ, так как в его концепции не предлагаются меры кардинального обновления и развития экономики и обеспечения ее существенного роста.)

Модель «экономики роста» Столыпинского клуба заявляет денежную эмиссию для стимулирования некоторых подразделений экономики и включает ряд положений, на которые уже обратили внимание эксперты (это и создание центра с особыми полномочиями, подчиняющегося непосредственно Президенту России (по сути, второе правительство), и ограничение валютного рынка, и расширение заимствований на внутреннем и внешнем рынках и др.).

Однако самое важное — это не сами эти меры и даже не то, что не обосновывается, почему именно они предлагаются. Дело в том, что возникает логичный вопрос по поводу основной позиции этой концепции, так как в «тучные годы» в те или иные отрасли и направления экономики уже вкладывались значительные средства, и никто из эко-

номистов, приглашенных для решения вопросов обеспечения роста российской экономики, не критикует по этому поводу Президента России и правительство страны — не говорит, что тогда финансовые вливания правительством делались в ущербные или неэффективные программы или каким-то нерациональным образом. Так что в смысле основы предложения принципиального отличия от того, что уже было, в концепции Столыпинского клуба нет. А выбор объектов инвестирования и кредитования, акцентирование условий и др. — это все всегда осмысливается и учитывается в соответствии с теми временами и условиями, когда соответствующие мероприятия проводятся.

Так что *предложение инвестирования элементов экономики за счет денежной эмиссии или внешнего заимствования и соответствующих этому дополнительных действий — это не новое, а уже однажды пройденный путь, причем ранее в более хороших условиях, но не приведший к качественному росту экономики.*

Кроме того, по мнению многих экономистов и политиков, вопрос о финансовых средствах для экономики не стоит в плоскостях денежной эмиссии или внешнего заимствования. Действительно, они указывают, что известен ряд источников, для использования которых просто нужно создать условия, с чем нельзя не согласиться. (Хотя в диалектическом смысле как раз в вопросе источника финансирования экономических преобразований и кроется противоречие (см. также ниже), манифестируемое противоположностью мнений, причем не только сторонников и противников модели «экономики роста»; и это важно, ибо решение противоречия ведет к решению проблемы.)

И, наконец, что наиболее важно для обсуждаемой концепции: в ней предполагается финансирование элементов (пусть даже новых) существующей экономики, которая уже давно всеми, и даже самими представителями Столыпинского клуба, признана устаревшей, неэффективной и т. п. Иными словами, за счет крайне опасной для сырьевой неинновационной экономики денежной эмиссии или внешних заимствований предполагается производить улучшения (если они еще произойдут — модель «Экономики роста» не дает обоснование этому!), существующей экономики — *существующей сырьевой экономики!* Но это — не качественный рост экономики, предполагающий ее существенное изменение, и не «взгляд за горизонт», обозначенный Президентом России.

Таким образом, концепция Столыпинского клуба не только использует не оправдавшие себя в России инструменты (причем к тому же в отношении неинновационной сырьевой экономики, отход от которой требует и современное положение дел и предполагаемый каче-

ственный экономический рост), но и не дает ответ на вызов времени и не отвечает стратегическому требованию Президента России.

Концепция ЦСР заявляет перспективное решение — *новую модель роста для российской экономики*, исходя из очевидного положения дел, заключающегося в том, что сырьевая экономика по сути своей не может обеспечить решение поставленной задачи — существенного экономического роста. Правда, это будет еще не новая, не несырьевая экономика, но уже хотя бы есть концептуальное обозначение ухода от парадигмы старой неэффективной сырьевой экономики и попытка решения задачи, поставленной Президентом России, как в смысле экономики, так и в смысле стратегии развития. Правда, *инструменты решения проблем совсем не новые, причем нет обоснования того, что они смогут привести к реализации качественных изменений в экономике*. Действительно, никто из экономистов, приглашенных для решения вопросов обеспечения роста российской экономики, не говорил о том, что руководство страны не осуществляет предлагаемые в концепции ЦСР меры. Так тогда в чем же практическая или организационная новизна второй концепции в отношении действий, о которых уже много лет говорит Правительство РФ? Разве что в ликвидации доминирования крупных государственных и полугосударственных компаний. Однако это не самый острый и важный вопрос. И тут главное в том, а чем неестественно объективно неизбежное при капитализме доминирование наиболее крупных предприятий — если правительством и так решаются вопросы развития конкуренции, улучшения инвестиционного климата и др., о чем оно постоянно говорит и что не опровергали экономисты, приглашенные для решения вопросов обеспечения роста российской экономики? Или в концепции ЦСР предлагается идти наперекор объективным законам развития капитализма, гласящим неизбежность укрупнения предприятий? Так это еще дороже обойдется, и еще хуже будет...

Однако и во второй концепции присутствуют не только экономически парадоксальные положения, но и свое логическое «но». Вот что написано в известной статье А. Кудрина в соавторстве с Е. Гурвичем «Новая модель роста для российской экономики»: «На начальном этапе ведущую роль должна принять на себя власть, от которой потребуются создать новую систему стимулов в рамках системы госуправления; начать формирование по-настоящему рыночной среды для бизнеса; показать на своем примере, как можно подходить к сокращению

издержек и повышению операционной эффективности»¹³. То есть реализовывать меры концепции ЦСР должна власть, правительство, которое и сейчас многое делает, чего не отрицают экономисты, приглашенные для решения вопросов обеспечения роста российской экономики! Тогда проще было бы сказать так: «Правительство должно решить поставленную задачу известными методами!», и все...

А обобщая изложенное, следует отметить следующее.

Во-первых, всем уже понятно, что *необходимо кардинальное изменение экономики, а не только и так уже ранее проводившиеся институциональные преобразования и кредитование отдельных отраслей промышленности, банков или госкомпаний, которые в рамках сырьевой экономики все равно ничего кардинального в развитие страны не привнесут*. При этом кардинальное изменение экономики предполагает предложение принципиально новых положений.

Но обе предлагаемые концепции не указывают, как кардинально изменить и развить экономику, обеспечить ее рост: обозначение отдельных мер из обширного списка давно уже известных экономистам и чиновникам — это не есть выявление и обоснование источников роста российской экономики или предложения по ее качественному развитию. Главное, *ни одна из концепций не обосновывает ни предлагаемые меры, как вытекающие из сложившейся ситуации, ни то, что они не будут конфликтовать друг с другом, т. е. то, что предлагаемые меры совместимы друг с другом при решении отдельных задач*. При этом обе предлагаемые концепции лишь оговаривают либо усиление отдельных направлений экономики, т. е. *утверждают* ее пребывание в сырьевой ипостаси, либо лишь провозглашаемое, а не обосновываемое, развитие экономики. И усиление или ограничение действий правительства (или государственных и полугосударственных компаний и т. п.) — это не пункты кардинального изменения экономики. И возложение ответственности на правительство — не это суть и движитель программы экономического роста.

Во-вторых, меры, предлагаемые в обеих концепциях, и другие обсуждаемые меры и программы образуют *клубок противоречивых положений*, причем противоречащих не только самим себе, но и тому, что правительство и так уже реализует практически все из эффектив-

¹³Кстати, в концепции Столыпинского клуба прямо говорится о том, что реформаторами не должны быть правительственные чиновники, и предлагается новый центр с особыми полномочиями, подчиняющийся непосредственно Президенту России.

ных и актуальных предлагаемых мер, однако Президент России все же поставил задачу по обеспечению роста российской экономики.

В-третьих, существенно еще одно очевидное положение, которое является квинтэссенцией предыдущих двух положений и совокупности предложений обеих концепций. *Если деньги вдруг появятся (печатный станок, внешние займы), то правительство и само будет знать что делать, например, будет накачивать нужные экономические сегменты (банки, предприятия и т. п.), как это уже было (вот вам и концепция Столыпинского клуба даже без его предложений), а если деньги не появятся, то правительство и так будет экономить, структурировать и т. п. (о чем и так говорит министр экономического развития РФ) — делать то, что нужно будет, все такое давно известно (вот вам и концепция ЦСР даже без его предложений)...*

А ведь еще надо делать то, о чем сказал Президент России, что не сделано в обеих концепциях, — заглянуть за горизонт...

Существенны и другие положения.

Таким образом, становится очевидным то, что предлагаемые концепции обладают большим числом недостатков, что, кстати, и объясняет очень осторожное отношение к ним со стороны Президента России...

Но суть сложившейся с обозначенными концепциями ситуации не столько в экономических или институциональных предложениях, сколько в другом. Иными словами, *все дело не в том, что обсуждается в указанных концепциях и в связи с ними, все дело в других положениях — вот диалектический вывод.*

Все дело (основная позиция, существо вопроса) в других положениях, из которых в рамках настоящей статьи следует указать следующие.

Во-первых, по крайней мере, для диалектики тут понятно то самое важное, что имеется *противоречие*. Его решение, исходя из самой сути противоречия [1, 20], обеспечит *движение и жизненность экономике*, что и нужно. Правда, тут возникает существенный вопрос: дело в том, что противоречие как достояние развития игнорируется материалистическими науками...

Но можно, во-вторых, и с наиболее общей позиции подойти к рассматриваемой ситуации. Так как вопрос не только в экономических и институциональных предложениях, да еще очевидны их противоречивость и неизбежность поиска алгоритма решения, то, следует сделать такой вывод: *возможность решения проблемы заключена не в экономике (она — посылка и объект), а... в логике*. И тут дело не только в формальных и предметных вопросах, некоторые из которых были

обозначены выше и которые должны войти в *сферу логики решения проблемы*. Тут вопрос именно в логике, причем во всей ее красе и в возникающих парадоксах, отчасти уже укорененных в противоречиях, которые попросту не рассматриваются экономистами и разработчиками концепций. Это принципиальный вопрос. Он важен и сам по себе, и в смысле того, что и для экономической науки это насущный вопрос, о чем мы уже говорили в ряде наших статей и на международных научных конференциях в МГУ имени М.В. Ломоносова. Насущный хотя бы в том, что в науках базовое положение рассуждений — суждение — вообще корректно не определено [2]. *А без суждения нельзя осуществить умозаключения и сделать обоснованные выводы*: в результате будут лишь отдельные необоснованные мнения, сыплющиеся как из рога изобилия. Например, в обсужденных концепциях хочешь — усиливай госкомпанию, хочешь — ограничивай их. И то и другое *можно сказать* — все равно ни основания, ни обоснования ни одному, ни другому в этих концепциях не приводится. (И именно в смысле логики обратной стороной проблемы является указанная выше противоречивость предлагаемых концепций и их положений.)

Отметим, что утверждение о логике важно не только в указанном ракурсе. Дело в том, что оно никак не ограничивает решение противоречия, что важно и на практике встречается крайне редко. (Да, для рассуждений о практической задаче можно (и нужно) сделать некоторые обобщения. Да, можно рассмотреть не все аспекты противоречия, чего часто вполне достаточно. Однако чисто диалектические осмысления гораздо более эффективны и для выявления сущностных положений, и для теоретических рассуждений в целом.)

А еще суть многие другие существенные положения. Например, можно сказать и о том, что три указанных концепции попросту не учитывают многих субъективных и объективных положений. В частности, теоретическая основа решения поставленной задачи ни в какой концепции не обозначена. Странная ситуация! А действительно, на основе чего решаются задачи и достигается воплощение каждой из обозначенных выше концепций? Ведь об этом ни в одной концепции не сказано. За счет чего — да, но эти меры и так реализуются правительством. А вот какова теоретическая база рассуждений и предложений в концепциях? Те же госкомпании или отрасли — это уже объекты приложения теории, концепции, программы. Но где обоснование и вывод предлагаемых в концепциях положений? — ведь в концепциях имеется лишь декларация ряда положений без их обоснования и вывода. Более того, ни в одной концепции не доказано, как уже указывалось, что предлагаемые меры не конфликтны друг другу и ведут к решению за-

дачи! — ведь список близких по названию и смыслу мер может дать любой школьник, посидев полчаса в Интернете... Хотя такое положение дел понятно, так как российская экономическая наука сейчас не может сформулировать надлежащих, требуемых обсуждаемым концепциям теоретических положений. Иными словами, необходимо также учитывать еще и *состояние современной российской экономической науки*. А тут вопросы и основ экономической науки, и ее методологии, и соответствующего современным вызовам мышления (о котором как о *новом мышлении* много говорилось несколько лет назад, но теперь те бесперспективные разговоры стихли сами по себе), и другое, о чем мы уже писали в ряде наших работ (см., напр.: [2; 3]) и говорили на международных научных конференциях в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2012 — 2016 гг. И разговор о совершенствовании современной российской экономической науки мы уже публично начали¹⁴ (правда, мы не ожидали, что конкретное подтверждение нашим словам так ярко и ясно обнаружится при постановке указанной экономической задачи Президентом России в предложенных ему концепциях).

Но интерес к предложенным, озвученным главой ЦСР и представителями Столыпинского клуба экономическим концепциям есть.

Во-первых, в них или с помощью них стали понятны теперь уже однозначно и ярко обозначившиеся противоречия экономической ситуации в России. Так что представителей обеих обсужденных концепций, да и других, следует внимательно слушать для того, чтобы понять, что происходит, причем не столько даже с экономикой, сколько с жизнью страны вообще.

Во-вторых, наглядно и впечатляюще обозначаются уже обсужденные нами проблемы современной российской экономической науки, что важно для понимания ее неизбежного изменения в целях преимущественного применения новых знаний и решения насущных задач.

В-третьих, получает еще один импульс развитие нашей (авторской) *современной политической экономии*...

Но, главное, есть понимание диалектического основания решения обсуждаемой проблемы, которое к тому же в силу своей исключи-

¹⁴Например, в нашем докладе «Три из основных причин неудовлетворительности состояния и познания современной российской экономической науки» (Международная научная конференция Ломоносовские чтения — 2016 «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова), МГУ, 18 — 20 апреля, 2016 г.).

тельности в отношении наук становится уникальным и в смысле практики. При этом установлены и два новых из ряда важных факторов осуществления решения обсуждаемой проблемы.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. Т. 5. М.; Л.: 1937.
2. Молчанов К.В. О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения // Философия хозяйства. 2016. № 2.
3. Молчанов К.В. О категориальной недоопределенности стоимости // Философия хозяйства. 2016. № 3.

References

1. Gegel' G.V.F. Soch.: V 14 t. T. 5. M.; L.: 1937.
2. Molchanov K.V. O nekotoryh iz problem nauchnogo ponimaniya i opredeleniya suzhdenija // Filosofija hozjajstva. 2016. № 2.
3. Molchanov K.V. O kategorial'noj nedoopredelennosti stoimosti // Filosofija hozjajstva. 2016. № 3.

В.Н. ИВАНОВА

Частные деньги как перспективный элемент национальных кредитно-денежных систем*

Экономическая свобода не
может быть полноценной, пока деньги
являются государственными.

Ф.А. Хайек

Аннотация. Статья посвящена анализу активизирующейся в последнее время практике эмиссии и хождения частных денег с точки зрения их возможности как противодействия последствиям мирового финансового кризиса, так и устранения фундаментальных противоречий, свойственных процессам глобализации. Проведен анализ преимуществ и недостатков частных денег по сравнению с фидуциарными

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Рейтингономика как механизм перестройки и развития глобальной финансовой архитектуры» № 14-02-00046 «а».

деньгами; представлены законодательные и финансовые перспективы реализации частных денег в России.

Ключевые слова: частные деньги, фиатные деньги, системный кризис, нулевой рост, глобализация, валютные союзы, инфляция, финансовая архитектура, реформирование.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the practice of issue and circulation of private money which is becoming more active recently as from the point of view of their opportunity for counteraction to consequences of world financial crisis, and for elimination of the fundamental contradictions peculiar to globalization processes. The analysis of advantages and shortcomings of private money in comparison with fiduciary money is carried out. Legislative and financial prospects of realization of private money in Russia are presented.

Key words: private money, fiat money, system crisis, zero growth, globalization, currency unions, inflation, financial architecture, reforming.

Практически во время каждого кризиса появляются новые деньги. Список альтернативных валют пополняется с каждым днем — неофициальные деньги есть в Таиланде, Германии, США и еще в полусотне стран. Типичная история — история создания валюты под названием REAL dollar в городке Лоуренс, штат Канзас. Активисты выяснили, что американские законы не запрещают печатать бумажные деньги (запрещена только чеканка монет — на этом погорел создатель американского liberty dollar, вплоть до прошлого года чеканивший красивые серебряные монеты) и стали агитировать всех желающих обменивать доллары на «реалы». Вскоре REAL (который расшифровывается как «реализация экономической альтернативы в Лоуренсе») стали принимать в большей части местных магазинов, парикмахерских и баров. Настоящие же доллары вкладывались в банк под проценты — на эти проценты вся схема и существует. Горожанам платить «реалами» выгодней, потому что все получается немного дешевле, а кроме того, считается, что от этого бывает хорошо местной экономике — потому что деньги не уходят неизвестно куда, а «крутятся» среди своих же граждан [2].

Теоретические предпосылки

Идея возможности денационализации денег и устранения государства от эмиссии и контроля над банковской отраслью была высказана практически одновременно в статье Б. Клайном в 1974 г. [7] и фон Хайеком в книге «Частные деньги» [5] в 1975 г. независимо друг от

друга. На момент публикации идея многим казалась маргинальной. За этими работами последовали многочисленные публикации других ученых по данной проблематике. Выяснилось, что существовавшие до эпохи центральных банков, денежные системы многих стран основывались на принципах свободной конкуренции частных денег и были достаточно эффективны. Событием в научной дискуссии о деньгах стала публикация в 1986 г. статьи «Has Government Any Role in Money?» специалиста в области денежной теории, лауреата Нобелевской премии по экономике Милтона Фридмана, в которой он изменил свою прежнюю негативную оценку системы частных конкурентных валют и согласился в основном с позицией Хайека.

Ф. фон Хайек в своей ранней работе «Частные деньги» [5] предлагает денационализировать деньги, так как в области эмиссии денег, по его мнению, государственная монополия вредна для общества. Австрийский ученый предлагает новый план достижения денежной стабильности — систему, основанную на конкуренции параллельных частных валют. Валюту следует считать обычным коммерческим товаром и производить рыночным способом. Подобно тому, как конкуренция между обычными товарами способствует улучшению их потребительских свойств и отбраковке низкокачественной продукции, конкуренция между частными валютами произведет отбраковку плохо обеспеченных и плохо управляемых валют. Останутся те валюты, которые будут наилучшим образом выполнять функции денег. В экономической литературе, по мнению Хайека, нет ответа на вопрос, почему правительственная монополия на денежную эмиссию повсюду рассматривается как неизбежная. Первоначальные преимущества, считает австрийский экономист, которые могли оправдать присвоение правительством исключительных прав на чеканку металлических монет, уже не перевешивают недостатков подобной системы. В ней можно найти дефекты. Пока господствовали металлические деньги, правительственная монополия была достаточно вредна. Она становится неоправданным бедствием, продолжает Хайек, с тех пор как бумажные деньги попали под политический контроль. Главной формой выпуска новой валюты должна стать продажа обычным порядком или на аукционах, затем — посредством банковских операций — в форме краткосрочного кредитования.

Традиционная цель эмиссии частных денег, т. е. негосударственных фидуциарных денег (попросту — банкнот, не обеспеченных запасом благородных металлов банка), эмитируемых и используемых в обращении частными институциональными субъектами, — это денационализация денег и устранение государства от эмиссии и контроля

над банковской отраслью. При этом во многих странах выпуск подобного вида денег запрещен законом или строго регламентирован. В Шотландии и Северной Ирландии государство лицензирует частные банки для выпуска собственных бумажных денег. В наши дни отдельные частные учреждения выпускают в обращение частные деньги в электронной форме, т. е. те самые электронные деньги, которые также являются частными деньгами. Количество совершаемых сделок с подобными валютами достигает нескольких миллиардов долларов в год.

Для преодоления экономического кризиса в 2009 г. в США вновь активизировались системы альтернативных денег. В ряде городов муниципалитеты начали печатать собственную валюту. При этом в США частные деньги формально разрешены, но с существенными ограничениями. В частности, они не должны внешне напоминать доллар, должны иметь номинал больше доллара и облагаться подоходным налогом.

Современная практика эмиссии и хождения частных денег

Как уже упоминалось, частные деньги — это деньги, выпущенные коммерческими банками или другими организациями. Иначе говоря, в этом случае нет единого контролирующего органа вроде Центробанка (ЦБ), государство здесь не вмешивается. Когда-то частные деньги были широко распространены — большая часть денег в мире была частной. Два самых удачных примера — Шотландия до 1845 г. и Канада до 1930-х гг. Такая финансовая система гораздо менее чувствительна к кризисам. В Канаде было всего несколько финансовых кризисов, тогда как в США, где был Центробанк, они происходили постоянно на протяжении XIX столетия, и в начале XX столетия также. Во время Великой депрессии в Америке банки банкротились тысячами, а в Канаде не обанкротился ни один банк. Англия переживала один кризис за другим, а Шотландия смогла их избежать. Кроме того, частные деньги гораздо полезнее для экономики. Когда есть Центробанк, есть госмонополия на печатание денег, у государства всегда есть соблазн запустить печатный станок и профинансировать военные операции или еще что-нибудь подобное.

Центробанки, которые обладают монополией на валютную эмиссию, никак не сдерживаются в своей способности печатать деньги и снижать ставку процента, так как угрозы банкротства над ними не висит. Валюта, которую выпускают ЦБ, становится новым резервом для остальных банков, только, в отличие от золота, ее количество постоянно увеличивается, давая возможность кредитным организациям расширяться. В долгосрочном плане это приводит к росту цен, кото-

рый, в свою очередь, приводит к чрезмерному удорожанию товаров относительно других стран. В какой-то момент ЦБ начинает терять свои золотые резервы, на которые покупаются товары за рубежом, и оказывается вынужденным сдерживать рост кредитования, а вслед за ним это делают все остальные банки — так выглядит типичный для XIX в. экономический цикл взлетов и падений.

После создания центробанков, обладающих монополией на эмиссию денег, монетарных кризисов меньше не стало. Напротив, в странах, где предложение валюты до поры до времени не было централизовано (Канада, Швеция, Шотландия, Австралия, ЮАР), такие кризисы случались намного реже. Следовательно, нельзя утверждать, что центробанки появились как реакция на частые сбои монетарной системы. Как показывает динамика ВВП США, амплитуда экономических взлетов и падений заметно увеличилась после учреждения Федеральной резервной системы в 1913 г. Во время Великой депрессии лопнули 5000 американских банков из 30000, однако не пострадал ни один канадский банк (Центробанк в этой стране появился только в 1935 г.) [1]. В Шотландии и Канаде времен частных денег не было страхования банковских вкладов. Но потери по вкладам у людей были очень немногочисленны. Владельцы некоторых банков гарантировали сохранность вкладов даже своим собственным имуществом. В результате банки иногда банкротились, конечно, но свои вклады люди обычно не теряли.

В мире существуют деньги, которые выпускают разные небольшие городки в Германии или Штатах и даже в Таиланде; это то, что называется *local currency*. У них ограниченное хождение, но ими вполне можно расплачиваться в местных магазинах, даже оплачивать кредиты. Их производят не просто для создания альтернативных частных денег, а чтобы не допустить оттока денег из местности, где они были выпущены. Считается, что это помогает местной экономике. К несчастью, успех любой валюты прямо пропорционален широте ее распространения. Раньше-то банки стремились сделать свою валюту как можно популярнее — открыть филиалы и заставить валюту свободно ходить по всей стране. В современном мире альтернативные деньги сами себя разрушают.

Есть и более амбициозные попытки — например, *liberty dollar*. Его создатель Бернارد фон Нотхаус фактически попытался создать альтернативу доллару на всей территории США. *Liberty dollar* — совершенно самостоятельная денежная единица, мало кем признанная, выпускаемая крохотным тиражом. Однако денежная система, действующая в США, основана на долларе и никаких других валют там

существовать просто не может. В итоге, государство отреагировало на создание новой валюты конфискацией всех наличных запасов liberty dollars, а также серебра, которым он обеспечивался [3].

Перспектива использования частных денег в России

Согласно ст. 71 Конституции Российской Федерации, определено, что правом денежной эмиссии обладает Российская Федерация, а ст. 75 конкретизирует: «денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации». Кроме того, там говорится, что «введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются» и оговорена основная функция Центрального банка РФ — «защита и обеспечение устойчивости рубля».

Эмиссия наличных денег действительно находится в монопольном распоряжении Центрального банка. Механизм эмиссии в России сегодня опирается исключительно на количество поступившей в страну валюты — либо от продажи сырья, либо за счет кредитов МВФ. «Конвертировав» полученную валюту, Центробанк выпускает рубли («осуществляет эмиссию»). Полученные рубли правительство использует на свои цели, а приобретенные доллары ЦБ вкладывает, к примеру, в «ценные бумаги» казначейства США. Подобная схема эмиссии (типа «currency board», при которой монетарные власти обязаны поддерживать фиксированный обменный курс национальной валюты к иностранной) выглядит довольно странно, потому что:

- имеет губительный характер ограничения роста национальной экономики, жестко связывая денежную массу только количеством проданного сырья (при этом подразумевается, что страна не обладает достаточными умственными и научными потенциалами для расчета необходимой для своей экономики денежной массы);
- автоматически подвязывает экономику к сырьевому экспорту и политике его стран-потребителей, а также их элит; при этом национальная валюта естественным образом становится менее привлекательной и для хранения денежных средств, в том числе и для национальной элиты, которая уводит личные авуары за рубеж, автоматически попадая под внешний контроль — все это приводит к потере национальной суверенности — если не полной, то в значительной степени;
- мы не просто меняем реальные ресурсы на ничего не стоящие информационные электронные записи в компьютерах иностранных банков, но и фактически отказываемся от сеньоража (эмиссионного дохода) при эмиссии своей валюты в рамках международного разделения труда; государство теряет получение больших доходов —

только прямые потери от такой формы эмиссии на сегодня можно оценить, как минимум, в 500 млрд дол.

Но это еще не все — счетные (безналичные) деньги юридически остаются частными платежными денежными документами в электронной форме, за которые государство ответственности практически не несет — в отличие от наличных, где государство отвечает не только за их выпуск, но и за верификацию. Но наличные деньги имеют высокую криминогенность, и общая политика такова, что государство всячески способствует переводу денежных расчетов в безналичную форму.

Таким образом, в современной системе счетных денег преобладают частные банковские организации. Крупные банки, имея возможность поддерживать достаточно большую величину кредитного портфеля, тем самым поддерживают соответствующий неснижаемый размер денежной массы, который они фактически эмитируют, получая от него весь сеньораж. И чем больше неснижаемый портфель кредитов, тем больше банк получает сеньораж. В этом основа постоянного укрупнения банков и концентрации банковского капитала, стремящегося получить не только как можно больше прибыли с процентов по кредитам, но и сеньораж от эмиссионной деятельности. В этом основная причина диспропорционального перераспределения мировой прибыли — когда глобальный финансовый сектор получает до 60% от мировой прибыли, которые в иных условиях функционирования денежной системы могли бы получать культура, наука, медицина, образование и иные социальные сферы [6].

В разных странах существует различное отношение к частным деньгам. Единственной прослеживаемой тенденцией является то, что частные деньги, если и разрешены государством, то находятся в невыгодном положении по отношению к деньгам государственным. Как правило, это проявляется в налогах, которыми облагаются операции с их использованием. Таким образом, частные деньги не имеют возможности достаточно широкого распространения и применения.

Рассматривая перспективу использования частных денег, можно выделить три наиболее значимые группы:

- частные деньги, эмиссия которых осуществляется специализированным банком;
- частные деньги, эмиссия которых осуществляется предприятиями и организациями;
- криптовалюта.

Первая группа отражает применения использования термина «рынок» к банковской среде. Как на любом рынке, в сфере свободного

банкинга (free banking) существует несколько конкурирующих участников, каждый из которых осуществляет эмиссию денег. Это приводит к устранению монополии на выпуск денег. Происходит рыночное регулирование количества денег, которые обеспечены ограниченным резервом. Резерв может быть выражен как товарами, так и фиатными (фидуциарными) деньгами.

Ко второй группе относятся деньги, которые имеют отношение к побочной деятельности предприятий и организаций. Они могут быть представлены в виде талонов, сертификатов на собственную продукцию, выпускаемые компаниями, с помощью которых возможна, к примеру, выдача заработной платы рабочим. Талоны и сертификаты также смогут войти в обращение в определенной группе общества и исполнять роль полноценных денег. В современном мире вполне был бы возможен выпуск денег различными корпорациями. Такие деньги могли бы использоваться на уровне страны или на мировом уровне, однако в настоящее время как в России, так и во всем мире, такие компании тесно связаны с политической сферой. Исходя из политических интересов, такие компании не будут стремиться выпускать собственные деньги, которые смогли бы существовать наравне с фиатными.

Третья группа является наиболее перспективной из вышеперечисленных групп. Криптовалюта — это виртуальная валюта. Первой криптовалютой или просто «электронной наличностью» (electronic cash) в мире является биткойн (Bitcoin) — расчетная единица одноименной пиринговой (одноранговой) платежной системы, на основе которой создавались последующие версии такого рода денег. Вся система по своей сути является сетью, с помощью которой продавцы и покупатели могут напрямую обмениваться биткойнами без посредников. Каждая «монета» уникальна, что является одной из отличительных особенностей виртуальных денег от денег реальных. Это предотвращает ее повторное использование.

Существует ряд плюсов использования криптовалюты:

- надежность и безопасность системы (сохранение истории сделок каждого участника, свободный доступ к исходному коду);
- невозможность возникновения инфляции (у биткойна скорость роста количества равна средней скорости добычи золота, заранее ограничено максимальное число монет);
- «добыча» и распределение происходят с помощью всех участников, используя программные средства каждого участника для сложных расчетов, благодаря которым с постоянно снижающейся частотой появляется новый биткойн;

- отсутствие комиссионных (операции не связаны с деятельностью третьих сторон);

- монеты создаются только с помощью алгоритма.

Однако существует и ряд минусов, основываясь на которых пресс-центр ЦБ РФ в послании 27 января 2014 г. объявил виртуальные валюты денежным суррогатом, опираясь на статью 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». К основным минусам относятся:

- неограниченность участников;

- анонимность, которая позволяет умышленно или без умысла уклоняться от налогов, финансировать террористические акты и другие преступные действия.

На сегодняшний день криптовалюта в России запрещена, однако существует возможность ее укоренения. Например, Россия может последовать примеру такой страны, как Германия, где летом 2013 г. виртуальную валюту приравнивали к реальным деньгам.

Вопрос о перспективе использования частных денег настолько же важен, как и вопрос целесообразности использования рыночной системы в целом. Так как Россия на данном этапе стремится к созданию рыночной экономики, то имеет место рассмотрение возможности введения частных денег. Широкое распространение частных денег в России возможно при следующих условиях:

- разработка четкой законодательной базы об эмиссии и использовании частных денег как на государственном уровне, так и на мировом;

- создание возможности существования частных денег наравне с фиатными деньгами;

- предоставление полной информации населению о частных деньгах;

- создание специализированных терминалов, банкоматов, систем.

В ближайшее время выпуск и использование частных денег в полной мере практически невозможны. В первую очередь это зависит от огромного влияния государственных валют. Данная практика может быть осуществлена в России, если она будет одобрена и воплощена в жизнь большинством развитых стран. Широкое использование частных денег в Российской Федерации может быть рассмотрено пока только в теории [4].

Литература

1. Джордж Селджин о том, насколько частные деньги полезнее тех, что эмитирует государство // URL: https://slon.ru/economics/dzhordzh_seldzhin_n_tsentrobank_tak_zhe_zashch_ishchaet_ot_krizisa_kak_lev_v_dome_ot_grabiteley-796214.xhtml.
2. Нарисуем — будем жить. Ч. 1 // URL: http://bg.ru/society/narисуем_budem_zhit_chast_1-8094/.
3. Нарисуем — будем жить. Ч. 2 // URL: http://bg.ru/society/narисуем_budem_zhit_chast_2-8095/.
4. Перспектива использования частных денег в России // URL: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/economics/bitcoin-russia/ru>.
5. Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996.
6. Частные деньги как базис либерал-монетаризма и нарушения Конституции РФ // URL: http://communitarian.ru/publikacii/finansi/chastnye_dengi_kak_bazis_liberal_monetarizma_i_narushenie_konstitutsii_rf/.
7. Klein B. The Competitive Supply of Money // Journal of Money, Credit, and Banking. 1974. No. 6.

References

1. Dzhordzh Seldzhin o tom, naskol'ko chastnye den'gi poleznee teh, chto ehmitiruet gosudarstvo // URL: https://slon.ru/economics/dzhordzh_seldzhin_tsentrobank_tak_zhe_zashchishchaet_ot_krizisa_kak_lev_v_dome_ot_grabiteley-796214.xhtml.
2. Narisuem — budem zhit'. CHast' 1 // URL: http://bg.ru/society/narисуем_budem_zhit_chast_1-8094/.
3. Narisuem — budem zhit'. CHast' 2 // URL: http://bg.ru/society/narисуем_budem_zhit_chast_2-8095/.
4. Perspektiva ispol'zovaniya chastnykh deneg v Rossii // URL: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/economics/bitcoin-russia/ru>.
5. Khajek F. CHastnye den'gi. M.: Institut natsional'noj modeli ehkonomiki, 1996.
6. CHastnye den'gi kak bazis liberal-monetarizma i narusheniya Konstitutsii RF // URL: http://communitarian.ru/publikacii/finansi/chastnye_dengi_kak_bazis_liberal_monetarizma_i_narushenie_konstitutsii_rf/.

Е.В. КУПЧИШИНА

Цифровое развитие: тенденции и перспективы

Аннотация. В современном мире цифровая экономика выступает мощной движущей силой экономического развития. Использование цифровых решений в деятельности хозяйствующих субъектов во многом влияет на их успех в конкурентной борьбе; позволяет государству сделать более действенными принимаемые в рамках экономической политики решения; наконец, применение цифровых продуктов пользователями расширяет доступ к товарам и услугам и способно положительно отразиться на уровне их благосостояния. Целью данной статьи является определение ключевых трендов, связанных с формированием цифровой экономики. Посредством качественного анализа выявлены основные стимулы и ограничители цифрового развития отечественной хозяйственной системы. Результаты исследования могут быть применены в разработке макростратегии цифрового развития Российской Федерации.

Ключевые слова: «устойчивое процветание», стратегия единого цифрового рынка, «большие данные», технологии облачных вычислений, Software-as-a-service (SaaS).

Abstract. Digital economy is becoming a powerful stimulus for economic development in contemporary world. Usage of digital solutions in economic entities day-to-day activities has a great impact on their competitive success; it enables government to increase the effectiveness of its own decisions taken in the framework of economy policy; finally, it broadens users' access to goods and services and can have positive influence on the standard of living. The goal of this article is to identify key trends connected with development of digital economy. Key incentives and constraints are identified by means of qualitative analysis. The results of research can be used in elaboration of national digital development macrostrategy.

Key words: «sustainable prosperity»; Single Digital Market Strategy; «Big Data»; cloud computing technologies; Software-as-a-service (SaaS).

В настоящее время расширяется применение *информационно-коммуникационных технологий* (ИКТ) в различных отраслях экономики; довольно сложно найти сферу, которая сегодня обходилась бы без них — последние применяются практически повсеместно — от масштабных проектов, связанных с геологоразведочными работами, логи-

стикой, управлением производством до бизнес-процессов финансового сектора и обеспечения комплексной безопасности [6, 390 — 394]. Переход к цифровой экономике знаменуется появлением качественно новых продуктов и рынков, во многом функционирующих по отличным от присущих традиционным рынкам законам. Воздействие цифровой экономики испытывают на себе и процессы государственного управления во многих странах мира, трансформируя схемы взаимодействия государства (правительства) с другими экономическими агентами.

На развитие национальных экономик в современности воздействуют следующие тенденции.

1. *Курс на «устойчивое процветание». Проблема цифрового неравенства.* Минимизация цифрового неравенства стала одной из ключевых составляющих стратегий развития многих государств мира. Модернизация интернет-инфраструктуры и готовность населения к коммерциализации ее использования могут поспособствовать снижению уровня безработицы, выравниванию доходов различных групп населения, обеспечению равного уровня доступности интернета в различных регионах страны, расширению спроса на цифровые товары и услуги, развитию бизнеса и, наконец, интеграции национальной цифровой экономики в международную хозяйственную систему.

В Российской Федерации в рамках решения вышеуказанной проблемы реализован проект по ликвидации разрыва в доступе к интернету, в результате чего в 2015 г. в 65 регионах страны было построено 1189 точек доступа; в сфере здравоохранения и образования доступ к сети по технологии Wi-Fi был обеспечен в 506 и 790 организациях соответственно.

Стоит отметить, что минимизация цифрового неравенства подразумевает и обеспечение качества доступа в интернет, что по-прежнему актуально в отношении Российской Федерации. В этой связи приведем данные рейтинга стран по скорости интернет-соединения в 2015 г. (табл. 1).

Примечательно, что Российская Федерация занимает одну из лидирующих позиций в части доступности мобильного интернета: по данным российского информационно-аналитического агентства «Content Review», Россия здесь уступает лишь Ирану, занимая 2-ое место среди пятидесяти развитых стран мира [3].

Таблица 1

Скорость интернет-соединения в странах мира (2015)

Страна / территория	Средняя скорость интернет-соединения, Мб/с	Свыше 4 Мбит/с, %	Свыше 10 Мбит/с, %	Свыше 15 Мбит/с, %
Мир	5,1	65,0	27,0	15,0
Южная Корея	20,5	96,0	68,0	45,0
Швеция	17,4	92,0	55,0	38,0
Норвегия	16,4	88,0	54,0	37,0
Швейцария	16,2	93,0	61,0	36,0
Гонконг	15,8	92,0	59,0	36,0
Нидерланды	15,6	95,0	60,0	34,0
Япония	15,0	90,0	54,0	32,0
Финляндия	14,8	91,0	51,0	28,0
Дания	14,0	94,0	51,0	29,0
Российская Федерация	10,2	87,0	38,0	15,0

Источник: [13, 12].

2. *Расширение использования потенциала мобильных платформ.*

Значительными возможностями для развития цифровой экономики обладают так называемые мобильные платформы, в особенности для стран с развивающейся рыночной экономикой. В настоящее время мобильные платформы и приложения становятся все более востребованными: так, в Российской Федерации в 2015 г. количество пользователей смартфонов достигло 30 млн человек; с помощью смартфона ежемесячно совершается порядка 2,6 млн покупок (табл. 2). Кроме того, порядка 63% пользователей посредством мобильного устройства сравнивают цены на товары и услуги, 66% — изучают их свойства, 77% — отзывы [5].

Таблица 2

**Затраты времени на онлайн-серфинг со смартфонов
и планшетов (Российская Федерация, 2015 г.)**

Категория	Смартфоны (% в мин.)	Планшеты (% в мин.)
Погода	90,0	10,0
Поиск/ навигация	82,0	18,0
Web-порталы	70,0	30,0
Газеты	62,0	38,0
Розничная торговля	32,0	68,0
Итого	70,0	30,0

Источник: составлено по: [8, 15]

3. *Влияние взаимодействия государства, бизнеса и общества, а также совершенствования баз данных, касающихся цифровой экономики, на действенность решений в рамках государственного управления.* Дальнейшая разработка методов количественного и качественного анализа, совершенствование статистической базы, связанное, в частности, с применением ИКТ экономическими агентами — населением, предприятиями, государственным сектором, — позволит выявить наиболее приоритетные направления цифрового развития и, как следствие, принимать релевантные в отношении текущего состояния хозяйственной системы решения, реализуемые в рамках экономической политики на научной основе.

В этой связи примечателен пример преобразования классификатора видов хозяйственной деятельности в Великобритании с акцентом на современные, неэкономические тенденции. Используя методiku «больших данных», специалистам удалось разработать альтернативный подход к статистическому учету хозяйствующих субъектов, который более полно и точно отображает особенности их деятельности. Новый метод позволил сформировать более точное представление о вкладе цифровой экономики в экономический рост и ее в отношении к занятости населения, что оказалось особенно ценным при формировании экономической политики и государственных стратегий. Результатом применения рассматриваемого инструмента выступил качественно новый взгляд на масштабы, уровень доходов, занятость, пространственные особенности национальной цифровой экономики: в частности, посредством традиционных методов учета (СIC-коды) к цифровым были отнесены 120 тыс. предприятий, в то время как новая методика

оценивает масштабы британской цифровой экономики на порядок выше — от 270 до 471 тыс. Примечательно, что результаты оценки также продемонстрировали существенную долю цифрового сектора в занятости населения, достигшую порядка 11% (по оценкам посредством традиционных методов, на долю цифрового сектора приходилось всего лишь 5% занятых) [12, 3 — 7].

4. Цифровое развитие и современная экономическая политика.

Как видно из вышеуказанного примера, современное государство не остается в стороне от процессов формирования цифровой экономики, что отображается в существенных изменениях экономической политики. Так, в 2015 г. Европейской комиссией разрабатывалась Стратегия Единого цифрового рынка, подразумевающая свободный оборот товаров и услуг как в рамках онлайн-, так и офлайн-рынков с обеспечением надлежащего уровня защиты прав потребителей. Стратегия, рассчитанная на период 2016 — 2021 гг. и призванная снять барьеры электронной коммерции, руководствуется тремя основополагающими принципами: обеспечения благоприятных условий для развития цифровых сетей и услуг, расширения потенциала роста цифровой экономики ЕС, а также улучшения условий для доступа к товарам и услугам онлайн для населения и бизнеса по всей Европе [11, 3 — 6].

Не менее значительным примером выступает применение ИКТ в рамках противодействия вывозу капитала из Российской Федерации. Так, разрабатываемые государственными агентствами макроэкономики позволяют не только упростить процесс выявления каналов утечки капитала, но и предложить более действенные меры ее профилактики, равно как и методические рекомендации для коммерческих финансовых институтов.

5. Совершенствование деятельности хозяйствующих субъектов посредством ИКТ.

Ценность детализированных данных возрастает, в особенности в период кризиса, когда наблюдается тенденция сокращения издержек хозяйствующих субъектов и поиска способов расширения рынка сбыта. Внедрение цифровых решений в деятельность предприятий результируется в коренных изменениях бизнес-процессов, цепочек создания стоимости, социально-экономических процессов в целом [14, 13 — 16, 21 — 22; 10, 17 — 19].

В настоящее время рынок инвестиций в интернет- и инфокоммуникационные технологии является одним из наиболее динамично развивающихся рынков. Динамика объема и количества венчурных сделок в Российской Федерации в соответствии с данными Фонда развития интернет-инициатив представлена в табл. 3.

Таблица 3

**Динамика объема и количества венчурных сделок
в Российской Федерации (2012 — 2015 гг.)**

Год	2012	2013	2014	2015
Количество сделок	154	261	280	225
Средний объем сделок, млн р.	135	129	214	152
Объем сделок, млрд р.	20,9	33,8	59,9	34,2

Источник: составлено по: [1]

Отметим, что в 2015 г. наибольшие объемы инвестиций в Российской Федерации приходились на проекты в сфере цифровых решений для бизнеса (31%), электронной торговли, сервисов рекомендаций (19%), интернета вещей (7%), а также медицины (4%).

Характерной для трансформации деятельности хозяйствующих субъектов чертой является, безусловно, применение организационных и управленческих инноваций, автоматизация бизнес-процессов. Представим данные по применению информационных систем Enterprise Resource Planning (ERP) в рамках интеграции внутренних бизнес-процессов в разбивке по отраслям на территории Российской Федерации и Европейского союза (табл. 4, 5).

Таблица 4

**Реализация ERP-проектов в разрезе отраслей
(Российская Федерация, 2012 — 2015 гг.)**

Наименование отрасли	Количество проектов	Доля в общем количестве проектов (%)
Торговля	1364	16,4
Машиностроение	871	10,5
Строительство	687	8,2
Пищевая промышленность	528	6,4
Химическая промышленность	313	3,8
Финансовые услуги и аудит	301	3,6
Энергетика	270	3,2
Фармацевтика и медицина	265	3,2
ЖКХ и бытовые услуги	250	3,0
Металлургия	249	3,0
Другие	3215	38,7

Источник: [4].

Таблица 5

**Применение предприятиями ERP в разрезе отраслей
(Европейский союз, 2010, 2015 гг.)**

Наименование отрасли	Доля предприятий, использующих ERP (%)	
	2010	2015
ИТ	32,0	51,0
Производство	29,0	45,0
ЖКХ	25,0	44,0
Оптовая и розничная торговля, ремонт транспортных средств	26,0	42,0
Прочая профессиональная, научная и техническая деятельность	17,0	35,5
Операции с недвижимым имуществом	16,0	33,0
Транспорт, логистика	15,0	29,0
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	13,0	28,0
Услуги по предоставлению условий проживания	10,0	27,0
Строительство	11,0	25,0

Источник: составлено по: [7].

Одними из наиболее широко используемых в настоящее время цифровых продуктов с целью максимизации хозяйственного потенциала являются системы Customer Relationship Management (CRM). Приведем статистику по их внедрению в ЕС и РФ (табл. 6, 7).

Таблица 6

**Внедрение CRM в отраслевом разрезе
(Российская Федерация, 2012 — 2015 гг.)¹⁵**

	2012 г.						2013 г.					
			Т		Л	Р			Р		Р	
Количество внедренных CRM	6	3	4	8	4	06	7	9	4	4	2	25

¹⁵По сентябрь 2015 г.

Продолжение табл. 6

	2014 г.						2015 ¹⁶ г.					
				ЕД	Р	Р				ЕД	Р	Р
Количество внедренных CRM	5	3	1	0		8		8				0

Источник: составлено по: [2].

Таблица 7

**Применение предприятиями CRM в разрезе отраслей
(Европейский союз, 2015 г.)**

Наименование отрасли	Доля предприятий, использующих CRM (%)	
	Операционные CRM	Аналитические CRM
ИТ	44,0	60,0
Услуги по предоставлению условий проживания	33,0	39,0
Прочая профессиональная, научная и техническая деятельность	22,0	39,0
Оптовая и розничная торговля, ремонт транспортных средств	29,5	38,5
Операции с недвижимым имуществом	18,0	37,0
ЖКХ	18,0	35,0
Производство	20,5	31,5
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	18,0	30,5
Транспорт, логистика	14,0	23,0
Строительство	8,0	18,0

Источник: составлено по: [7].

¹⁶Сокращения: ИР-индустрия развлечений; К — консалтинг; М — машиностроение; МЕД — медицина; С — строительство; ТЛ — телекоммуникации; Т — торговля; ТР — транспорт; Ф — финансовые услуги; ДР — другие.

Не менее важной движущей силой современных изменений в хозяйственной деятельности выступают технологии облачных вычислений (cloud computing), позволяющие предприятиям совместно работать над ИТ-проектами без существенных затрат на физическую инфраструктуру, удаленно хранить и обрабатывать данные, — одна из причин, по которой данные технологии столь востребованы, в особенности в период рецессии. По оценкам «OpenView Venture Partners», глобальный рынок облачных технологий достигнет 127 млрд дол. к 2017 г., при этом, по оценкам «Centaur Partners», рынок Software-as-a-service (SaaS) по объемам достигнет 32,8 млрд дол. в 2016 г. (для сравнения: в 2011 г. — 13,5 млрд дол.). Активный рост облачного рынка наблюдается и в Российской Федерации: так, объем операционных облачных услуг в 2015 г. достиг 336 млн дол., что на 38% превышает показатель 2013 г. В свою очередь, на услуги по проектированию облачных решений в 2015 г. было потрачено порядка 120 млн дол.

Одним из традиционных лидеров во внедрении ИКТ в бизнес-процессы является финансовый сектор экономики [9, 3 — 9]. В частности, несмотря на непростую экономическую ситуацию, банки активно инвестируют в сервисы, способствующие повышению эффективности их деятельности.

Приоритетными направлениями инвестирования в условиях рецессии являются цифровые решения для мониторинга с применением больших данных, работы с социальными сетями, управления капиталом, анализа поведения потребителей, а также моделирования процесса принятия решений.

Одними из основных движущих сил развития рынка цифровых решений в банковской сфере в 2016 г. выступают:

- оптимизация расходов при сохранении качества предоставляемых услуг и повышение эффективности операционной деятельности;
- «цифровизация банкинга», в частности, розничного и корпоративного бизнеса (так, примерами могут послужить введение в эксплуатацию сервиса экспресс-овердрафта для клиентов малого бизнеса, работа которого основывается на выборе операционной системой надежных клиентов из базы данных банка, а также внедрение сервиса денежных переводов по номеру карты через тонкие клиенты — оба цифровых решения позволяют ускорить проведение транзакций клиентов).

В настоящее время среди ограничителей формирования цифровой экономики в Российской Федерации выделяют: низкий уровень конкуренции на рынках отдельных цифровых продуктов, проблемы

институционального характера, связанные с ведением хозяйственной деятельности в цифровой экономике, нехватку человеческого капитала — одну из ключевых составляющих цифрового развития. В определенном смысле формирование цифровой экономики сдерживает и недоверие многих российских хозяйствующих субъектов по отношению к интеграции и миграции информационных систем; к ИТ-провайдерам в смысле обеспечения защиты персональных данных.

Для перехода российской экономики к новому типу развития и достижению интегрированного роста особенно необходимо учитывать следующие стороны цифровой трансформации:

- необходимость преодоления цифрового разрыва среди различных групп населения и регионов страны.
- проработка политики в сфере защиты прав пользователей, защиты данных от их несанкционированного использования.
- дальнейшее развитие сетей нового поколения (4G, 5G), повышение их доступности для населения.
- повышение уровня ИТ-грамотности среди населения.
- формирование благоприятной среды для развития отечественного цифрового производственного сектора, увеличение доли цифровых продуктов российского производства в государственном секторе экономики.

Литература

1. Венчурные инвестиции в ИТ-сектор России // TADVISER.RU: портал об ИТ в госуправлении и бизнесе. 2016. 24 фев. URL: <http://tadviser.ru/a/146523> (дата обращения: 29.05.2016).
2. Отраслевая специфика внедрений CRM // TADVISER.RU: портал об ИТ в госуправлении и бизнесе. 2015. 08 дек. URL: <http://tadviser.ru/a/146166> (дата обращения 29.05.2016).
3. Россия заняла второе место по стоимости мобильного интернета // CONTENT-REVIEW.COM: интернет-портал. 2016. 01 мар. URL: <http://www.content-review.com/articles/34345/> (дата обращения: 30.05.2016)
4. Системы управления предприятием (рынок России) // TADVISER.RU: портал об ИТ в госуправлении и бизнесе. 2015. 03 сен. URL: <http://tadviser.ru/a/56070> (дата обращения: 29.05.2016).
5. Статистика пользователей мобильных устройств, а также глобальные тенденции их поведения в 2015 году // APP-GLOBAL.RU: блог. 2015. 14 дек. URL: <http://app-global.ru/blog/statistika-polzovateley->

mobilnyih-ustroystv-a-takzhe-globalnyie-tendentsii-ih-povedeniya-v-2015-godu/ (дата обращения: 30.05.2016).

6. *Юдина Т.Н.* Осмысление цифровой экономики // Современность: хозяйственные алгоритмы и практики: сборн. ст. / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Ю. Стримова, Е.С. Зотовой. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016.

7. Digital Economy [Electronic resource] // European Commission. Last update: 12.05.2016. URL: http://ec.europa.eu/growth/sectors/digital-economy/index_en.htm (дата обращения: 30.05.2016).

8. Digital Future in Focus. Russia [Электронный ресурс] // COSSA.RU — информационный портал о маркетинге и коммуникациях в цифровой среде. 2015. Сен. URL: <http://www.cossa.ru/news/add/2015-Russia-Digital-Future-in-Focus.pdf> (дата обращения 30.05.2016).

9. *Johansson B., Karlsson Ch., Stough R.* The Emerging Digital Economy: Entrepreneurship, Clusters, and Policy. — Springer Science & Business Media, 2006.

10. *Malecki E.J., Moriset B.* The Digital Economy: Business Organization, Production Processes and Regional Developments. — Routledge, 2007.

11. Monitoring the Digital Economy & Society (2016 — 2021) : Digital policy framework [Electronic resource] // European Commission. 2016. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/new-monitoring-framework-digital-economy-and-society> (дата обращения: 29.05.2016).

12. *Nathan M., Rosso A.* Measuring UK's Digital Economy with Big Data. — National Institute of Economic and Social Research, Growth Intelligence, 2015.

13. State of the Internet Report. D. Belson (ed.). Cambridge, 2015.

14. The Industrial Dynamics of the New Digital Economy. J.F. Christensen, P. Maskell (eds.). Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2003.

References

1. Venchurnye investicii v IT-sektor Rossii // TADVISER.RU : portal ob IT v gosupravlenii i biznese. 2016. 24 fev. URL: <http://tadviser.ru/a/146523> (accessed 29.05.2016).

2. Otraselevaja specifika vnedrenij CRM // TADVISER.RU : portal ob IT v gosupravlenii i biznese. 2015. 08 dek. URL: <http://tadviser.ru/a/146166> (accessed 29.05.2016).

3. Rossija zanjala vtoroe mesto po stoimosti mobilnogo interneta // CONTENT-REVIEW.COM: internet-portal. 2016. 01 mar. URL: <http://www.content-review.com/articles/34345/> (accessed 30.05.2016).
4. Sistemy upravlenija predprijatijem (rynok Rossii) // TADVISER.RU: portal ob IT v gosupravlenii i biznese. 2015. 03 sen. URL: <http://tadviser.ru/a/56070> (accessed 29.05.2016).
5. Statistika polzovatelej mobilnyh ustrojstv, a takzhe globalnye tendencii ih povedeniya v 2015 godu // APP-GLOBAL.RU: blog. 2015. 14 dek. URL: <http://app-global.ru/blog/statistika-polzovateley-mobilnyih-ustrojstv-a-takzhe-globalnyie-tendentsii-ih-povedeniya-v-2015-godu/> (accessed 30.05.2016).
6. *Yudina T.N.* Nekotorye filosofsko-hozjajstvennye aspekty cifrovoj jekonomiki // *Sovremennost: hozjajstvennye algoritmy i praktiki: sbornik statej / pod red. Yu.M. Osipova, V.Yu. Stromova, E.S. Zotovoj. M.; Tambov: Izdatelskij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2016.*

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ф.И. ГИРЕНОК

Введенский: поэзия плодотворного непонимания

Аннотация. В статье анализируется поэтика Александра Введенского. Автор делает вывод о том, что русская философия первой половины XX в. нашла свое место в литературе позднего авангарда. За пределами академической философии реализовалась фундаментальная критика разума, языка, и утвердила себя мысль о том, что жизнь — это не логический процесс, а абсурдный. Согласно автору, трансцендентальный рационализм полагает, что не может быть нескольких опытов, не может быть многих миров. Трансцендентальный иррационализм Введенского полагает множественность возможных опытов и возможных миров. Миров много, а Бог один. Никто не имеет права связывать руки Богу в его творчестве. Поэтическая критика разума освобождает Бога от трансцендентальных идей Канта. Разум не понимает мира, ибо он думает, что мир один, а Бог несвободен. Отдельное внимание автор уделяет разбору пьесы «Потец».

Ключевые слова: абсурд, воображение, критика разума, «Потец», А. Введенский, бессмыслица, априорный синтез, молчание, понимание, непонимание.

Abstract. In article Alexander Vvedensky's poetics is analyzed. The author draws a conclusion that the Russian philosophy of the first half of the XX century found the place in literature of late vanguard. Outside the academic philosophy the fundamental criticism of reason, language was realized, and the thought that life is not logical process, but absurd claimed itself. According to the author, transcendental rationalism believes that there can't be several experiences, there can't be many worlds. The transcendental irrationalism of Vvedensky believes plurality of possible experiences and the possible worlds. There is a lot of worlds, and God one. Nobody has the right to tie hands to God in his creativity. The poetic criticism of reason exempts God from transcendental ideas of Kant. The reason doesn't understand the world because he thinks that the world one, and God isn't free. The author pays separate attention to analysis of the play «Potets».

Key words: absurdity, imagination, criticism of reason, «Potets», A. Vvedensky, nonsense, aprioristic synthesis, silence, understanding, misunderstanding.

Русская философия первой половины XX в. нашла неожиданный приют в литературе позднего авангарда. За пределами академической философии реализовалась фундаментальная критика разума, языка, и утвердила себя мысль о том, что жизнь — это не логический процесс, а абсурдный. Символом философии авангарда стало имя Александра Введенского.

Неправильная жизнь Введенского

Теоретики абсурда рождаются в России почему-то в декабре, зимой, в морозные дни перед рождеством. Сначала в 1904 г. родился Александр Введенский, затем год спустя в декабре родился Даниил Хармс. Потом они встретились и подружились. Так возникло общество обэриутов.

Отец Введенского — статский советник, генерал. Сумеречная личность. Отец любил своего старшего сына, к Александру он относился прохладно. Мать Введенского — дочь генерала. При советской власти отец работал экономистом, мать — гинекологом.

Александр — генеральский сын. Он был немного кадетом, немного востоковедом, чуть-чуть юристом, но университета, как и Толстой, не окончил. И об этом не печалился. Работал на электростанции, был письмоводителем.

Гимназию Введенский все же окончил, хотя экзамен по русской литературе так и не сдал. Правда, он вместе с друзьями отправил свои стихи Блоку. Конечно, Блоку стихи не понравились. В школьной характеристике отмечалось, что Введенский развит, но чрезмерно болтлив. По сути это был большой ребенок. В отличие от Хармса Введенский старался выглядеть взрослым. Он ходил всегда в черном костюме и белой рубашке с галстуком. Введенский вел богемный образ жизни. Любил играть в карты. Однажды Н. Олейников предложил Введенскому сыграть в карты. Желание победителя должно быть исполнено проигравшим. Олейников выиграл. Введенский проиграл. Олейников изрезал на мелкие кусочки черный костюм Введенского. Введенский, изумленный направлением потока бессознательного в желании поэта, молча удалился.

В 1920-е гг. петербургская молодежь почувствовала вкус к свободе. По преимуществу эта свобода была бытовой, а не политической. Все обэриуты много курили. Больше всех курил Введенский. Все друзья Введенского любили выпить. Больше всех, конечно, пил Введенский. Все нюхали эфир. Чаще всего в этом деле был замечен Введенский.

Александр Введенский носил в себе какую-то изначальную зыбкость. Он не был укоренен в себе. Введенскому очень нравился Крученых. Однажды, по рассказам Харджиева, Введенский и Крученых встретились. Введенский ступевался, оробел, как студент. Крученых вел себя надменно. Введенский читал свои стихи. А Крученых читал ему стихи 5-летней девочки, что было как-то странно. При этом Введенский считал, что стихи девочки лучше его стихов.

Позднее Н.Н. Харджиев прочитал «Элегию» Введенского Ахматовой. Стихи Введенского как будто бы ей понравились. Впрочем, Ахматовой казалось, что обэриуты ее не очень-то любят и часто ругают.

Зашифрованная пропаганда

В 1930-е гг. в России доминировала эстетика возвышенного. Многих завораживала идеология движения больших масс. Политика была везде. Она проникала в самые темные закоулки человеческой жизни. Мыслить в это время означало одно — мыслить большими метанаррациями. Художники вместе со своим искусством стремились выйти на улицу. Социалистический реализм навалился на все, что в нем было авангардного, и раздавил его.

В 1931 г. Введенский по заданию редакции детского журнала едет в командировку на Кавказ. Его арестовывают. Одновременно арестовывают и других обэриутов. За что? Введенского арестовали за то, что он на какой-то вечеринке выпил за Николая II и назвал себя монархистом. И даже пытался петь «Боже, царя храни». Об этом узнали сотрудники НКВД. Следователь, изучавший сочинения обэриутов, пришел к выводу, что это не стихи, а зашифрованная контрпропаганда. Всех обэриутов спас отец Хармса, который обратился за помощью к Н. Морозову, знаменитому тем, что участвовал в покушении на жизнь Александра II и встречался с Карлом Марксом. Наказание обэриутам смягчили, и вскоре они оказались на свободе.

В 1936 г. Введенский едет в Харьков. Влюбляется и женится. Переезжает из Ленинграда в Харьков жить. В Харькове его помнят как человека, который всем говорил «вы», а также не любил сквернословить и ни с кем не говорил на политические и философские темы. По вечерам играл в преферанс. По воспоминаниям современников, Введенский иногда приезжал в Ленинград, останавливался в номере «люкс» гостиницы «Европейской». Жил в ней два дня, спускал все деньги и затем перебирался к друзьям и обитал у них вместе с женой где-нибудь на кухне.

В 1941 г. началась давно ожидаемая война. Немцы неотвратимо приближались к Харькову. Многие уезжали. Началась эвакуация. Введенский, видимо, рассуждал так: я никуда не поеду, немцы меня не тронут, я все-таки дворянин и сын генерала. Но в Харькове, как и ранее в Ленинграде, нашлись люди, которые сообщили об этих настроениях Введенского властям. Его арестовали. И в наступившие холода вместе с другими заключенными решили перевезти в Казань. Введенский заболел. И дальше следы его теряются. Довезли его до Казани или нет, никто не знает.

Критика разума

В 1933 г. Введенский говорил: «Поэзия производит только словесное чудо, а не настоящее. Да и как реконструировать мир, неизвестно. Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума — более основательную, чем та, отвлеченная. Я усомнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здание. Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должны ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то значит разум не понимает мира» [3, 323].

В цитируемом тексте Введенского распознается недоверие к самому слову, к тому, что оно говорит. Чем оно плохо? Тем, что в нем нет настоящего. Под настоящим Введенский имеет в виду то, что противостоит слову и является в языке неязыковым. Поиски неязыкового в языке заставляют Введенского пересмотреть роль понятия в человеческом мышлении. Понятие заставляет нас видеть связи там, где их нет. Оно заставляет нас противопоставлять существование и сущность, а также склоняет к тому, чтобы повсюду нами усматривались предметы, которых на самом деле нет. Как нет «утра», которое наступает, и нет «реки», которая течет.

Поскольку человеческая чувствительность фиксирует только множественное и бессвязное, постольку принято думать, что единство и связи учреждаются априорными понятиями рассудка. Например, словом «здание». Вообще-то зданий нет. Есть множественное: дача, дом, башня. Но и в самих этих словах, как и в «здании», синтезируется опытное и доопытное. Нам не дана предметность дачи, нам даны ощущения формы, цвета. В это чувственное многообразие рассудок вкладывает понятие целого «дома». Чтобы «дом» стал целым, нужно

уже заранее иметь целое сознание, т. е. постулировать то, что Кант называл трансцендентальным единством сознания. Но возникает вопрос: что обеспечивает это единство?

В конце концов, поэтическая критика разума приходит к тому, что следует связывать предметы не по правилам рассудка, не в предположении единства сознания, а в предположении отсутствия такого единства, т. е. по правилам воображения. Например, можно связать «плечо» и «четыре». Эти слова связываются не предметным смыслом, не рассудком, а шипящим звуком «ч». А это значит, что предмет существует не потому, что мы мыслим. Он может быть дан чувствам независимо от мышления. Хотя, например, Кант думал иначе. Он полагал, что предмет не может быть дан чувствам независимо от мышления. Что мы вложили в пространство и время, то и извлекаем из него.

Введенский отказывается верить тому, что человек мыслит непрерывно. А если он мыслит не непрерывно, то в перерыве между мыслями человек ведет себя, как зверь, полагаясь на голое чувство. В этот момент воображение перестает связывать чувственность и рассудок, выполняя свое продуктивное действие синтеза, независимо от того, что советует разум, и независимо от того, что советует поэзия чувств. Тем самым, сознание освобождается от предметов, которые в нем должны были учреждаться в соответствии с рассудком, и заполняется связями, которые учреждаются воображением. Введенский как бы заставляет Канта согласиться с тем, что если нечувственное действует на чувствительность человека, то чувственное может мыслиться человеком. Метафизики воспринимают то, что мыслится. Поэт мыслит то, что воспринимается. Если бы мир был неким целым, если бы он был один и связан, то и опыт был бы у человека один. И в мире царил бы разум. Но опыт у людей разный.

Трансцендентальный рационализм полагает, что не может быть нескольких опытов, не может быть многих миров. Трансцендентальный иррационализм Введенского полагает множественность возможных опытов и возможных миров. Миров много, а Бог один. Никто не имеет права связывать руки Богу в его творчестве, даже Кант. Поэтическая критика разума освобождает Бога от трансцендентальных идей Канта. Разум не понимает мира, ибо он думает, что мир один, а Бог несвободен.

Потец

В конце XX в. философы устроили охоту за тем, что лежит между физическим и метафизическим, опытным и доопытным, чувственным и сверхчувственным. В результате поисков обнаружилась

какая-то кентаврическая сторона мира, которая делает возможным переход от одной противоположности к другой. В космологии ее назвали хаосмосом, в онтологии обозначили словом «бысть». В первом случае соединили два слова «хаос» и «космос», во втором — «бытие» и «становление». Но первым начал такую философскую работу Введенский, который произвольным образом соединил два слова: «отец» и «пот». И у него получилось «Потец».

Зачем он это сделал? Наверное, не для того, чтобы порадовать филологов, а для того, чтобы высказать то, что прямым образом о человеке не высказывается. Человек — не предмет, сущность которого может быть установлена извне. Но это и не икона. В России не любят кланяться человеку, и Введенский не любил ему кланяться. «Потец» — это непредметный и одновременно негуманистический взгляд на человека. Человек — не центр мира, не некая чтойность. Ведь центр мира принадлежит миру. А человек ему не принадлежит. Ничто человеческое не дано человеку в собственность. Соединение человека и труда еще не делает человека. Страшное слово «Потец» — управляет всем, что происходит с человеком между его смертью и рождением. Оно странным образом соединяет в себе живое и мертвое, то, что есть, и то, чего нет. Поскольку эволюция никогда не ошибается, постольку возможно, что человек «пота» — это ошибка Бога, который думал, что труд — это наказание и одновременно способ, которым в человеке учреждается человеческое.

Продуктивный синтез происходит не под руководством предметной логики, а под руководством воображения. Если бы он происходил под контролем логики, то тогда мы бы имели дело с одним и тем же. А мы имеем дело с новизной. А это значит, что между всеми словами должен был существовать какой-то непрерывный логически неоднородный переход. Но этот переход не возникает без вмешательства какой-то третьей силы. Если бы мир состоял из предметов, то в нем нельзя было бы логически однородными преобразованиями перейти от одного предмета к другому. Такой мир должен был непременно распасться. Если же в нем возможен переход, то в нем нет предметов и логики. Но есть какая-то третья сторона, благодаря которой возникает переход между рукомошкой и паствой. Введенский намеренно заменяет «пасту» словом паства, чтобы разрушить привычный ход слов. Введенский говорит: а есть ли логика в связи того же рукомошника и пасты? Не является ли эта связь привычной бессмыслицей. Если же этот переход совершается силой привычки, то это значит, что никакое единство сознания само по себе не поможет множественное превратить в единое. Более того, самому сознанию, пользу-

ющемся словом, придется распасться на множество сознаний, между собой понятийно не связанных. При этом сознание, приближаясь к трансгрессии границы со стороны сферы опыта, всегда будет сдвигать границу опытного, захватывая территорию априорного. И, наоборот, если мы пойдем со стороны априорной, то тогда начнет ускользать граница, на которой должно закончиться априорное. И все окажется априорным. А опытное никак не сможет начаться.

Одной из проблем, с которой столкнулся Введенский, придумав слово «Потец», стала проблема значения. Значения в языке не от языка. Введенский не ищет новых связей между словами. Он отказывает языку в предикациях типа S есть P . Он не доверяет определениям. Для него день — это ночь в мыле, а смерть Введенский определяет так: «смерть есть еж смерти». Мир зыбок, текуч. Слова, синтаксис и семантика языка не соответствуют этой зыбкости. А чему они соответствуют? Они нужны для того, чтобы заполнить предметами и смыслами ту пустоту, тот изъян, который образовался в мире в результате изъятия человеком себя из мира. Коммуникация, слова говорят не о мире, а о дезориентации человека в мире, обусловленной производством и потреблением грез, которые его терзают и утешают. Что мы можем сообщить деревьям? — спрашивает Введенский и отвечает: ничего. Что мы можем возразить камню? Ничего. Нет у нас для него аргументов. Что мы можем сказать воде? Нет у нас ничего за душой. Не можем мы общаться с водой, которая, возможно, что-то говорит нам, но мы не знаем, что. Не лучше ли нам перестать заполнять словами свою пустоту и превратиться в статую, в камень, в дерево. Как отец трех сыновей превратился в Потца.

Что значит «Потец»? Это не то, что созерцается, не то, что воспринимается. Потец — это, скорее, мысленная вещь, то, что восходит к Прологу, к словам, сказанным человеку Богом: в поте лица твоего будешь есть ты хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты был взят. Потец — это жизнь и одновременно возвращение человека праху, т. е. смерть, а холодный пот, выступающий на лбу умершего, есть не что иное как роса смерти. Что мы можем узнать о мире, который чувствуем? Ничего. Потому что в этом мире есть еще и сверхчувственное.

«Потец» — это то, что разрушает трансцендентальное единство сознания. Введенский рассказывает о том, как три сына спрашивают умирающего отца, что значит слово «потец». «Обнародуй нам, отец, что такое есть потец». Отец им отвечает: «Страшен, синь и сед потец, я ваш ангел. Я отец» [2]. Но синтеза чувственности и рассудка в этом сообщении не происходит. Сыновья не получают прямого ответа на

свой вопрос. Тогда отец им советует посмотреть сны. Посмотрев сны, сыновья упрямо ищут ответ в рифме и перебирают слова: «потец», «свинец», «младенец», «венец». Но этот перебор не приближает их к ответу на вопрос, что такое «Потец». Заканчивается история разговором сыновей с подушкой, которая вместо того, чтобы быть под ушком, стала душой умершего.

Отец и сыновья не понимают друг друга. Им нужен переводчик. Язык перестал быть средством коммуникации. Он становится средством замыкания каждого на самом себе. Об этом Введенский говорит в заключительных строчках поэмы. «Господи, могли бы сказать сыновья, если бы они могли, ведь это мы уже знали заранее» [2]. Но они не смогут так сказать. Потому что у них нет уже-знания. Куда оно делось? Ответ на этот вопрос нельзя искать, например, в философии Канта. Почему? Не потому ли, что его философия ограничивается сказанным человеком, а не показанным миром. «Потец» не высказывается, а показывается. Это не рационально разъясняемый предмет, а мистически переживаемый образ. «Потец» Введенского — это пример чистого априорного синтеза бессмыслицы, которая не принадлежит трансцендентальной реальности. В нем показывает себя то, что не высказывается.

Следует заметить, что языковые стратегии Введенского и, например, Витгенштейна кардинально различаются. Если Витгенштейн предлагает ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано, а могут быть сказаны только предложения естествознания, то Введенский предлагает говорить все, ибо ничто не имеет смысла. О чем не следует говорить, о том, полагал Витгенштейн, следует молчать. Напротив, о чем невозможно молчать, о том, полагал Введенский, следует говорить. «Горит бессмыслица звезда, она одна без дна. Вбегает мертвый господин и молча удаляет время» [1]. Бессмыслица выражает то, о чем аналитическая философия предпочитает молчать.

«Потец» не содержит в себе знания. Между рациональным дискурсом и миром нет соответствия. Прав сошедший с ума разум, который впадает в антиномии, паралогизмы и диалектику. Витгенштейн писал в 1930-е гг. о том, что философию нужно делать поэтам. При этом недоверие к грамматике является, на его взгляд, первым условием философствования. «Потец» — это опыт такого философствования Введенским.

Литература

1. *Введенский А.* Потец // [http://wikilivres.ca/wiki/Потец_\(Введенский\)_](http://wikilivres.ca/wiki/Потец_(Введенский)_)
2. *Введенский А.* Кругом возможно Бог // <http://prochtu.ru/text.php?avtor=50&f=html&kniga=1&p=view>.
3. *Липавский Л.* Исследование ужаса. М.: Ad Marginem, 2005.

References

1. *Vvedenskij A.* Potec. [http://wikilivres.ca/wiki/Potec_\(Vvedenskij\)](http://wikilivres.ca/wiki/Potec_(Vvedenskij))
2. *Vvedenskij A.* Krugom vozmozhno Bog. <http://prochtu.ru/text.php?avtor=50&f=html&kniga=1&p=view>
3. *Lipavskij L.* Issledovanie uzhasa. M.: Ad Marginem, 2005.

А.Н. НЕЧУХРИН, С.В. СИНЯКОВ

Россия и Западный мир (опыт дискуссии в отечественной философии истории конца XIX — начала XX в.)

Аннотация. Исследуются дискуссии о сложных отношениях России и Запада. Осуществляется актуализация философско-исторических концепции историков и философов применительно к современному общественному развитию.

Ключевые слова: Россия, европейская цивилизация, европоцентризм, критический позитивизм, евразийство, циклизм, культурно-исторический тип, историософия.

Abstract. Discussions of complicated relations hips between Russia and the West have been studied. Philosophical and historical concepts of historians and philosophers have been actualized in regard to modern social development.

Key words: Russia, European civilization, europocentrism, critical positivism, eurasianizm, cyclism, cultural-historic type, historiosophy.

Конфликт России с Западом, существовавший на протяжении столетий и обострившийся сейчас, не только связан с нынешними противоречиями между НАТО и РФ, желанием некоторых западных сил ослабить геополитического субъекта на карте мира, но и обусловлен

очередным кризисом европейского цивилизационного проекта. Кризисные явления на европейском континенте в свою очередь вызваны: проблемами мигрантов и беженцев, углубляющимся экономическим неравенством Северной и Южной Европы, крахом политики мультикультурализма и др. Вместе с тем не следует забывать, что природа этого конфликта гораздо глубже и поэтому предполагает проведение специального исторического анализа. Тема актуализирована еще и тем, что сегодня необходимо учитывать опыт истории нашего общего прошлого для анализа настоящего и особенно предвидения будущего. Это важно, потому что крупнейшие политические катастрофы прошлых лет в мире, такие как Первая мировая война, Вторая мировая война, распад СССР в 1991 г. и др., случались в том числе и потому, что никто не верил в то, что они могут произойти. Поэтому следует быть готовыми к самым непредвиденным событиям в будущем, поскольку современный мир очень быстро меняется. Необходимо также постоянно корректировать способы, средства его изучения, так как, если в социальном процессе возникают новые факты, они требуют от ученых переосмысления всего предшествующего развития, а следовательно, произвести новые оценки и интерпретации уже известных явлений и процессов, и, в конечном счете, сформировать новые концепции истории. Особенно актуальным в этой связи является обращение к интеллектуальной истории прошлого, к анализу идей, высказанных в ситуациях, напоминающих в какой-то степени современную геополитическую обстановку. Мы понимаем, что любые исторические аналогии поверхностны и неспособны учитывать все многообразие новых обстоятельств и условий, но для них есть хотя бы одно оправдание — желание избежать новых конфликтов и потрясений. Ведь хорошо известно, что идеи материализуются в историческом процессе, и поэтому то, что содержится в них, вполне может стать когда-нибудь реальным.

Исследование вопроса о месте России в мировом историческом процессе невозможно без осмысления того, что уже было сделано в отечественной философско-исторической мысли. Дискуссии о влиянии России на европейскую цивилизацию, о сложных отношениях между Россией и Западным миром, поиски собственных путей исторического развития идут уже более 150 лет. Задачей статьи является актуализация дискуссии, посвященной противостоянию России и Запада, анализу глубинных черт российского общества, российского характера, ментальных характеристик, связанных с особенностями природы, территории, культуры. Ответам на вопросы: что такое русская цивилизация, чем она была и чем стала сегодня после приобретения ряда западных

ценностей, заменивших традиционные ценности долиберального периода развития, — посвящено настоящее исследование.

Позитивистски-ориентированные исследователи — М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов — являлись преимущественно европоцентристами, сторонниками западного направления развития России. В рамках такой позиции они отстаивали идею сближения России и Европы, не отрицая при этом особенности исторического развития России. Н.И. Кареев был убежденным сторонником того, что всемирная история «движется в новое время в объединительном направлении» с Запада на Восток. С его точки зрения, всемирная история предстает перед нами «как процесс постепенного установления политических, экономических и культурных взаимоотношений между населением отдельных стран, т. е. как процесс постепенного объединения человечества...» [4, 6]. В Новое время, полагали позитивисты, в связи с развитием капитализма европейское влияние постепенно распространяется на весь земной шар, разрушая национальную замкнутость народов. В результате Европа превращается в «настоящий центр всемирной истории, опередивший другие части света в своем развитии и влияющий на них...» [4, 253]. Россия не только позднее вступила на большую историческую дорогу, но и медленнее по ней движется. Ее отсталость от Запада является одним из наиболее заметных фактов русской истории [4, 280—281].

Существуют три основные вехи исторического развития страны: крещение Руси по восточно-греческому обряду, подчинение монгольскому игу и Петровские реформы. Эти поворотные моменты определили отношение России к греко-славянскому миру, к Азии и к Западу [4, 279]. Начиная с эпохи Петра I, она непрерывно связана с Западом и благодаря этому постепенно заняла свое место в Европе. Н.И. Кареев, как и многие его коллеги, был убежден, что процесс интеграции культур является прогрессивным, а разъединения — регрессивным. Поскольку западный мир в своем развитии обгоняет Восток, то будущее России — на пути сближения с Западом. Она выступает главной посредницей в передаче европейской цивилизации Востоку. «Весь... ход всемирной истории и внутреннее развитие самой России, — заключает ученый, — приводят к тому, что Россия не должна быть ни Византией, ни Азией, а должна быть Европой» [4, 299].

На рубеже XIX—XX вв. наметилась тенденция к пересмотру основных элементов позитивистской концепции, в том числе к отказу от теории исторического прогресса. С ее критикой выступили авторы, объединенные направлением «критического позитивизма»:

Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, Н.А. Рожков, Е.В. Тарле, М.И. Ростовцев и др. В своих исследованиях они высказывались за необходимость выделения в истории отдельных исторических циклов и культур как основных структурных элементов исторического процесса.

Отечественные историки полагали, что всемирно-историческая точка зрения на историю устарела, поскольку исторический процесс не представляет собой некоего единого потока и что история имеет дело с рядом нередко соприкасающихся, но по существу автономных процессов. Каждое отдельное общество обязательно проходит подобные стадии, дающие благодатный материал для сравнения. Так, Р.Ю. Виппер пытался выделить определенные культурно-исторические циклы в европейской истории, представляющие из себя полные стадии движения от варварства к цивилизации, от натурального хозяйства к капитализму. Четкого разграничения понятий «культурно-исторический цикл», «цивилизация» и «культура» ученый не дает. Другой историк — Н.А. Рожков — утверждал, что каждая зрелая культура проходила девять стадий в своем развитии. По его мнению, сочетание цивилизационного и стадияльного подходов к изучению прошлого дает возможность постижения внутреннего мира отдельных культур наряду с выяснением известных социологических закономерностей их развития. «Критические позитивисты» являлись убежденными западниками и сторонниками точки зрения, что Россия движется в том же направлении, что и Европа. Однако Первая мировая война и Революция в России внесли коррективы в их мировоззрение. Особенно острую реакцию на катастрофические события мы находим у Виппера. Рассуждая о судьбе новоевропейской культуры, историк, подобно О. Шпенглеру, приходит к выводу о ее закате, завершении очередного исторического периода и наступлении нового средневековья [2, 7—8, 112—114; 3, 3—5, 68—69, 102—105]. От прежней веры в прогресс современной цивилизации, двигателем которого являлись страны Западной Европы и США, не осталось и следа [3, 70, 75, 78].

Особое место в исследовании проблемы отношений Россия — Запад принадлежит евразийскому направлению в отечественной мысли. Евразийцы пришли к выводу, что в истории действуют отдельные индивидуальности, народы, культуры. Их развитие, полагали они, можно представить в виде сменяющих друг друга во времени и пространстве ряда симфонических личностей. В истории России такими симфоническими личностями были Киевская Русь, Северо-Восточная Русь, Русь Московская и императорская Россия [5, 193]. Исторический процесс, в силу заложенных в него потенциалов, изначально

но процесс творческий, а также процесс органический. Нормальный ход исторического развития может быть нарушен или прерван в силу как внутренних, так и внешних причин. Европейский исторический процесс был приостановлен в эпоху Возрождения («вырождения» — по ремарке Карсавина), когда произошел решительный разрыв с Богом. «Европа начала устраиваться на земле без Бога и ополчилась на свою религиозную основу», — полагает Л.П. Карсавин. Естественная реакция, последовавшая за этим — Реформация, Просвещение, два революционных взрыва — Английская революция XVII в. и Французская революция конца XVIII в., социалистические учения и т. д.» [4, 190]. Совсем по-иному случилось в России — Евразии, где ход исторического процесса был нарушен извне — наступлением европейской культуры, «европеизацией». Закономерной реакцией на это была русская Революция 1917 г., а вслед за ней общее нисхождение русской исторической линии [5, 191]. До тех пор, пока Россия была близка Востоку и воспринимала его влияние, она была цветущим и многонациональным государством. Напротив, некритическое увлечение Европой, охватившее Русь с XVII—XVIII вв. (Смута, Реформа Никона, Петровские преобразования), превратило могучую державу в антинациональное и антинародное государство [5, 191].

Евразийцы придерживались единой концепции всемирно-исторического процесса, согласно которой история представляет собой разнонаправленное циклическое развитие национальных культур. Идея мультилинейности всемирно-исторического процесса воспринималась ими как некая аксиома. Теоретическое обоснование этой историко-философской концепции дается в книге Н. Трубецкого «Европа и человечество» (1920). Трубецкой отвергал идею однонаправленности развития исторического процесса, представление о прогрессе как поступательном движении вперед. Вместо этого он, как и Н. Данилевский, понимал общественный прогресс как реализацию разнообразия возможностей, заложенных в различных культурах [9, 51]. Поэтому общечеловеческому противопоставлялось национальное, а всеобщему — отдельное, индивидуальное. Мультилинейная схема всемирно-исторического процесса, по мнению евразийцев, позволяла рассматривать своеобразие, неповторимость культуры как ее основную ценность. Европейская цивилизация отсюда теряет свой универсальный характер, свою исключительность и становится в ряд неповторимых в своей самобытности, многочисленных национальных культур, подчиняется всеобщим циклическим законам [10, 48].

Подобно Данилевскому, Трубецкой не принимает концепцию однонаправленности исторического процесса, в соответствии с которой передовая Европа стоит впереди остальных культур. Он считает эту концепцию ярким проявлением германо-романского эгоизма. Утверждая, что «культура Европы не есть культура человечества», Трубецкой противопоставлял европоцентризму идею релятивистского отношения к культурам. Он ввел новый принцип «качественной несоизмеримости» культур, исключающий возможность оценки той или иной культуры на основе другой культуры. По его мнению, любая оценка «чужой» культуры будет заведомо субъективной и проникнутой национальным эгоизмом. Все культуры, включая европейскую, со всеми ее достижениями в области искусства, науки, технического прогресса, и так называемые примитивные культуры полностью эквивалентны [10, 49]. Трубецкой был уверен, что исторический процесс лишен каких бы то ни было общих закономерностей — кроме закона циклизма. Он представляет собой процесс смены различных типов культур, эквивалентных по своей значимости и различающихся по направленности развития. Такой вывод связан не только с недостаточным интересом евразийцев к философии истории, но и с ярко выраженным релятивистским отношением к характеру культурной деятельности [10, 48]. Универсальным началом евразийцами объявлялась не абсолютная идея, которая нивелирует многообразие конкретных исторических явлений и выстраивает их в иерархию, а «самопознание», которое сохраняет разнообразие и равенство, различия стилей в историческом процессе.

Основным законом, которому подчиняется развитие культур, евразийцы безоговорочно признавали закон циклизма, но отнюдь не в позитивистской его интерпретации. Безоговорочно выступая противниками позитивистской идеи об органической природе культуры, они полагали, что «говорить о ее возрастах» можно лишь метафорически. По их мнению, существуют циклические процессы, которые распространяются на органическую жизнь и на явления культуры. Интерес к теории циклического развития культур, очевидно, был продиктован антиевропоцентристским пафосом их концепций. Тема «гниения», упадка германо-романской цивилизации, столь характерная для славянофилов Н. Данилевского, К. Леонтьева, нашла у евразийцев свое продолжение. «Закат Европы» О. Шпенглера воспринимался ими как еще одно подтверждение правильности этой идеи, исходящей уже от представителя европейской цивилизации. Чем же объясняется столь негативное отношение к Европе? Антиев-

ропоцентризм в русской историографии XIX в. в своей основе исходил из стремления славянофилов и их последователей доказать «право» России на самобытность, на свой путь развития. Антиевропоцентризм евразийцев, кроме того, был попыткой найти причины Революции 1917 г. и краха традиционной русской культуры [10, 47].

Еще в XIX в., противопоставляя Европу России, славянофилы указывали на рационализм, «материализм», безверие как на основные черты германо-романской цивилизации. «Душа убывает» — в этой фразе И. Аксакова предельно четко выразилось отношение к Европе всех сторонников особого русского пути. Н. Данилевский считал опасным для молодого русского культурно-исторического типа проникновение элементов западной духовной культуры. Русский нигилизм и все революционно-демократическое направление мысли он оценивал как результат поверхностного усвоения западных идей, не пригодных для другого культурно-исторического типа, находящегося, кроме того, на ином этапе развития. Н. Данилевский полагал, что ориентация на Европу — это болезнь подражательности, которой страдает еще не достигшая уровня цивилизации русская культура; она может пагубно сказаться на ее дальнейшем развитии [11, 48].

Возможную гибель русской культуры, которую предрекал Н. Данилевский, евразийцы увидели в революции, поэтому они посвятили много времени поиску ее истоков. Важнейшим признаком современного этапа, переживаемого цивилизацией, евразийцы считали кризисное состояние духовной культуры. Так, П. Савицкий в статье «Два мира», используя идеи О. Шпенглера, указывает, что, если начальные этапы культурных циклов характеризуются цельностью, напряженностью религиозной веры и др., то на конечных этапах этого уже нет. Признаками духовного оскудения и грядущей гибели цивилизации является распространение атеизма и материализма. Проникшие в русскую культуру идеи социализма Савицкий, как и другие евразийцы, считает чуждыми ей, навязанными клонящейся к упадку Европой. Анализируя причины революции, он рассматривает духовную жизнь России XIX в. под углом зрения борьбы в ней двух тенденций. С одной стороны, это высокие духовные искания Ф. Достоевского, Л. Толстого, В. Соловьева, с другой — возникшие под европейским влиянием просветительско-нигилистическая и материалистическая линии, выраженные в творчестве Н. Добролюбова, Н. Чернышевского, Д. Писарева. Борьба этих тенденций, разделивших русскую культуру на два мира, за-

кончилась, по мнению Савицкого, победой нигилизма и привела к революции. Он считал 1917 г. катастрофой, подобной той, которая постигла Римскую империю, и за которой последует период «варваризации» страны. Россия, следовательно, включается в цикл развития европейской цивилизации и преждевременно переживает упадок. Впрочем, Савицкий надеялся, что эта катастрофа не обязательно приведет русскую культуру к смерти.

Вопреки шпенглеровской схеме биологического цикла, П. Савицкий полагал, что варваризация не обязательно завершится распадом, а может постепенно перейти в процесс обновления России, выявления и развития ее самобытных начал, заглушенных на какое-то время из-за подражания Европе. Таким образом, он довольно свободно трактовал циклическую схему, учитывая при этом своеобразие исторического пути, развития духовной жизни русской цивилизации [8, 68]. Однако, придавая такое большое значение европейскому влиянию как негативному фактору, определившему в большой степени судьбу России, ни Савицкий, ни другие евразийцы не анализировали причин, вследствие которых европейские идеи так прочно вошли в духовную жизнь России и образовали столь мощную тенденцию, успешно соперничавшую с собственной, национальной, культурой.

Развивая традиционную для русской историографии XIX в. идею о пагубности усвоения «чужих» духовных ценностей и социально-политических учений, евразийцы не обошли вниманием и другую, тесно связанную с первой, теорию об «органическом», спонтанном развитии культуры. Эта концепция, которую в свое время отстаивали славянофилы, предполагала, что национальная культура развивается, исходя из собственных начал, не допуская сильного влияния со стороны другой цивилизации или, по крайней мере, творчески перерабатывая достижения чужой культуры. Только в этом случае образуется мощная культурная традиция, неповторимая в своей оригинальности. Для ее сохранения необходимы преемственность, непрерывность развития.

Среди евразийцев особое значение концепции органического развития придавал Н. Трубецкой. В книге «Европа и человечество» он, используя теорию французского культуролога XIX в. Р. Тарда, утверждал, что культурный процесс — это непрерывное создание новых ценностей, причем, обязательно на основе появившихся ранее в результате комбинированного подражания им. Из этого, естественно, следует, что для нормального развития культуры необходимым условием является ее традиционность. В противном случае

будет утрачен тот культурный фонд, без которого невозможна ее дальнейшая жизнь. Наиболее пагубным явлением, которое разрушает «органичность» культуры, Трубецкой считал внедрение в нее чуждой культурной традиции. Среди всех мировых культур наиболее опасной в этом отношении он считал Европу. Нарастающая экспансия духовных ценностей умирающей германо-романской цивилизации представляется Н. Трубецкому величайшим бедствием для любой самобытной культуры. Он подробно анализирует в книге «Европа и человечество» механизм не только сохранения, развития, но и разрушения культурной традиции и благодаря этому заметно конкретизирует само понятие «органичности» [10, 54].

Европеизация, с точки зрения Н. Трубецкого, наносит ущерб любой культуре, прежде всего тем, что нарушает преемственность, традиционность и вызывает в обществе раскол. Увеличивается пропасть, разделяющая интеллектуальную элиту, как правило, легко воспринимающую западные идеи, и народ, который тяготеет к традиционной культуре. Кроме того, происходит разрыв между молодым поколением, которому свойственно стремление ко всему новому, и «отцами». В таком «расколоте» обществе, утверждает Трубецкой, существенно уменьшаются возможности для появления новых духовных ценностей, так как теряется связь с культурным фондом, созданным ранее, в то время как новый еще только формируется. Следовательно, духовное развитие, сопровождаемое борьбой двух разных систем ценностей, будет замедляться. В экономической области такая культура тоже будет обречена на отставание; ее развитие приобретает скачкообразный характер. Каждый рывок вперед с целью догнать Европу будет сопровождаться длительным регрессом, так как общество сможет усвоить только статику, а не динамику западноевропейского развития [9, 161].

Мрачная картина деградации культуры, которая пытается подражать Европе и одновременно утрачивает свою самобытность, а также нарушает естественный ход экономического развития, не относится непосредственно к России — она имеет для Трубецкого самый общий характер. Вместе с тем совершенно очевидно, что опыт России послужил основой для его прогнозов Н. Трубецкого. Сумеет или не сумеет Россия воскресить почти полностью уничтоженную культурную традицию и освободиться от влияния Европы? Вопрос, имеющий для русской эмиграции 1920—1930-х гг. отнюдь не абстрактное звучание, определял во многом ее историософскую позицию, объяснял максимализм антиевропоцентристских высказываний. Он актуален и для современной России начала XXI в., когда ли-

беральные ученые стремятся включить Россию в систему с иным центром силы, пренебрегая опасностью оказаться на периферии такой системы. «...Попытка встраивания России в западный мир, — пишет В.Э. Багдасарян, — означала лишение ее суверенитета. И только через формирования собственной мир-системы, через ее восстановление можно обрести суверенные потенциалы» [1, 86]. Неудачный социально-культурный эксперимент проводится сегодня на Украине. Правящий ныне политический класс пытается «извлечь» страну из ее традиционного социокультурного окружения, разорвать ее связи с широкой русской идентичностью и вставить в европейские стандарты и маркеры. Неудача эксперимента видна уже сегодня, так как на Украине еще не сформировалась национально-территориальная централизованная идентичность. Украина — страна, которая не имеет достаточных автономных экономических ресурсов, на основе которых формируется идентичность политических элит. Она была исторически поделена между двумя цивилизациями, и потеря одного из полюсов не могла не привести к глубокому конфликту.

Сможет ли Россия, втянувшись в противостояние с Западным миром, столкнувшись с внешними военно-политическими вызовами и внутренними структурными проблемами, найти в себе силы для движения вперед? Сможет ли она провести хотя бы авторитарно-бюрократическую модернизацию?

Таким образом, изучая социальные явления прошлого и настоящего, необходимо устанавливать их общественно-философские смыслы, так как односторонним, сугубо историко-эмпирическим путем этого невозможно сделать. «Философские смыслы — это ответы философии на вопросы, которые ставит мир перед ней и она ставит перед миром», — подчеркивает В.Л. Павлов. Их важнейшей особенностью является фиксация отношения субъекта к тому, что является предметом философского исследования, независимо — это индивид природный либо социальный феномен, результат духовного творчества или др.» [7, 4]. Философия истории — это критически-рациональное знание, которое способно подвергать сомнению все незыблемые истины, прочные каноны и принципы, переосмысливать и переоценивать устоявшиеся положения и выводы, приходить к новым истинам. Это критическая рефлексия над основаниями исторического бытия, духа человека в настоящем и прошлом. Ситуационный политологический анализ, ограничение масштаба работы только социологическим исследованием без обращения к критической рефлексии, широкому философско-историческому контексту эволюции русской ци-

визации, не даст желаемого результата. Отсюда и пристальное внимание исследователей к метафизике истории, осмыслению глубинных предпосылок исторического процесса. «Не физис вовсе в основании мира, реальности, бытия, жизни, — пишет Ю.М. Осипов, — а метафизис — Ничто!.. Не физис тут аттрактор, а метафизис, где царствуют смыслы, идеи, замыслы, проекты — все, что создается в физисе. Не физис творит, а метафизис!» [6, 6]. Но поскольку история — это бытие человека, человечества, со всеми присущими ему метафизическими характеристиками, то метафизика присутствует на протяжении всего исторического развития. Однако каждая фаза истории очевидно создает свой метафизический контент, ибо метафизическая составляющая общественного процесса актуализируется, вызывается и реализуется новыми проблемами и противоречиями. Цель нынешних исследований — постигнуть «сауса finalis», которая лежит в основе нынешнего бытия, соответствует особенностям современного развития. Эта задача успешно решается в школе философии хозяйства Ю.М. Осиповым и его последователями на протяжении последних десятилетий.

Литература

1. Актуальная российская повестка. Конфликт Россия — Запад: пути выхода. Вып. 2. М.: Наука и политика, 2015.
2. *Виннер Р.Ю.* Круговорот истории. М.; Берлин: Возрождение, 1923.
3. *Виннер Р.Ю.* Гибель европейской культуры. М.: Знание — сила, 1918.
4. *Кареев Н.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. СПб.: Брокгауз—Ефрон, 1903.
5. *Карсавин Л.П.* Феноменология революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. СПб.: OZON.RU, 1997.
6. *Осипов Ю.М.* Юбилейные всполохи // Хозяйство и мысль / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2015.
7. *Павлов В.Л.* Философские смыслы: содержание, авторы, история. К.: Знання, 2014.
8. *Савицкий П.Н.* Два мира // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М.: РАН, 1992.
9. *Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры. (Этническая основа русской культуры) // Трубецкой Н.С. История, культура, язык. М.: Прогресс, 1995.
10. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М.: РАН, 1992.

11. *Хачатурян В.М.* Историософия евразийства // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М.: РАН, 1992.

References

1. Aktual'naya rossijskaya povestka. Konflikt Rossiya — Zapad: puti vykhoda. Vyp. 2. М.: Nauka i politika, 2015.
2. *Vipper R.Yu.* Krugovorot istorii. М.; Berlin, 1923.
3. *Vipper R.Yu.* Gibel' evropejskoj kul'tury. М., 1918.
4. *Kareev N.* Obshhij khod vsemirnoj istorii. Oчерки glavnejshikh istoricheskikh ehpokh. SPb., 1903.
5. *Karsavin L.P.* Fenomenologiya revolyutsii // Russkij uzел evrazijstva. Vostok v russkoj mysli. SPb.: OZON.RU, 1997.
6. *Osipov Yu.M.* Yubilejnye vspolokhi // Khozyajstvo i mysl' / Yu.M. Osipov, E.S. Zotova (eds.). М.: TEIS, 2015.
7. *Pavlov V.L.* Filosofskie smysly: sodержanie, avtory, istoriya. К.: Znannya, 2014.
8. *Savitskij P.N.* Dva mira // Evraziya. Istoricheskie vzglyady russkikh eh migrantov. М.: РАН, 1992.
9. *Trubetskoi N.S.* Verkhi i nizy russkoj kul'tury. (EHtnicheskaya osnova russkoj kul'tury) // Trubetskoi N.S. Istoriya, kul'tura, yazyk. М.: Progress, 1995.
10. *Trubetskoi N.S.* Evropa i chelovechestvo // Evraziya. Istoricheskie vzglyady russkikh eh migrantov. М.: РАН, 1992.
11. *Hachaturyan V.M.* Istoriософия evrazijstva // Evraziya. Istoricheskie vzglyady russkikh eh migrantov. М.: РАН, 1992.

И.В. ДЕМИН

Соотношение техники и идеологии в концепциях Ф.-Г. Юнгера и Ю. Хабермаса*

Аннотация. Рассматривается проблема взаимосвязи феномена идеологии с современной техникой в философских концепциях Ф.-Г. Юнгера и Ю. Хабермаса. Согласно Юнгеру, техническое (тех-

*Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания».

нократическое) сознание является аксиологически и идеологически нейтральным. Хабермас усматривает в техницизме новую форму идеологии, которая тем более опасна, чем менее она заметна и достигаема для критической рефлексии.

Ключевые слова: техника, идеология, технократическое сознание, техницизм, Юнгер, Хабермас.

Abstract. The problem of the relationship of the phenomenon of ideology with modern technology in the philosophical concepts F.-G. Junger and J. Habermas is discussed. According to Jünger's concept, technical (technocratic) consciousness is axiologically and ideologically neutral. Habermas sees technicism as a new form of ideology, which is even more dangerous than it less noticeable and reach for critical reflection.

Key words: technology, ideology, technocratic consciousness, technicism, Junger, Habermas.

В современной социальной философии реализуются различные стратегии и подходы к анализу феномена техники. Техника рассматривается в качестве а) фактора социально-экономического развития, б) прикладного естествознания, в) специфической формы сознания и «среды жизнедеятельности человека» [4, 235].

Последнее направление представляется наиболее перспективным, так как открывает возможности для продуктивного переосмысления традиционных философских вопросов о человеке, обществе, культуре. На первый план здесь выходит задача выявления *социокультурных смыслов техники*. Решение этой задачи предполагает прояснение связи между техникой и другими социально-культурными феноменами: наукой, идеологией, моралью, правом, религией.

В данной статье мы рассмотрим и сопоставим трактовки соотношения техники и идеологии в философских концепциях Ф.Г. Юнгера и Ю. Хабермаса.

Фридрих Георг Юнгер разработал оригинальную трактовку техники, которую, наряду с концепциями Хайдеггера и Ортеги-и-Гассета, можно отнести к *экзистенциальному* направлению в философии техники [2, 42—46].

Юнгер исходит из того, что традиционное инструменталистское определение техники является недостаточным и неполным. В работе «Совершенство техники» [7] под «техникой» понимается не просто совокупность орудий, средств и механизмов, с помощью которых человек удовлетворяет потребности и реализует те или иные цели, но, прежде всего, *способ организации человеческой жизни*, присущая со-

временному человеку *форма существования*. Традиционное инструменталистское определение техники перестает работать, как только мы признаем, что любое техническое средство, во-первых, является *элементом системы*, а, во-вторых, предполагает определенный тип человеческого поведения и способ существования.

В отличие от инструменталистских концепций Энгельса или Ясперса, в которых техника рассматривалась как инструмент воли социального субъекта, в социально-философской концепции Юнгера техника «сама становится субъектом — совершенной системой средств, безжизненным автоматом, вступающим в неразрешимое противоречие с человеческой свободой» [3, 83]. Понимание техники как *квази-субъекта* находит выражение в таких формулировках, как «техника ставит человека себе на службу» [7, 126], «техника ничего не творит, она организует спрос» [7, 37] и т. д.

Анализируя метаморфозы субъекта трудовой деятельности, Юнгер вводит фигуру «Техника». Человек (рабочий) в современную эпоху выступает в роли Техника. «Техник» есть субъект, онтологически *соразмерный* современной машинной технике, рабочий, поставленный техникой на службу и *включенный* в техническую организацию на правах функционера.

Метафора «включения» играет исключительно важную роль в концепции Юнгера. Техника, техническая организация ставит человека себе на службу. Каким образом это происходит? «Все протекает с неотвратимостью естественного процесса. Если выбрать для его обозначения подходящий технический термин, то можно описать происходящее так: «техника включает человека»» [7, 126—127]. Слово «включение» имеет два основных смысла, оба они значимы для описания положения человека в системе технической организации. С одной стороны, здесь содержится указание на *инкорпорацию, вхождение* человека в систему, функционирующую по своим собственным законам. С другой стороны, «включить» — значит *задействовать, привести в действие* какой-то механизм, агрегат. Человек включается в техническую систему, приводится ею в действие и, в то же время, находясь внутри системы, запускает ее, обеспечивает и поддерживает ее функционирование.

Техническая организация (совокупность технических устройств и коррелятивных им функциональных ролей) не является *замкнутой* самовоспроизводящейся системой. Техника представляет собой принципиально *разомкнутую* систему, поскольку она вынуждена черпать ресурсы извне, из природы: «Любая техническая работа требует субстрата, благодаря которому она осуществляется» [7, 168]. Логика тех-

нической рациональности требует вовлечения в техническую организацию все новых и новых областей неорганизованного (спонтанного, естественным образом существующего) сущего.

Техника для своего функционирования требует субстрата (природы), и в то же время она неуклонно разрушает, подтачивает этот субстрат, осуществляя «опустошительное наступление на природу» [7, 168]. Такая трактовка высвечивает *эксплуаторскую* и *паразитарную* природу техники. Эксплуатация есть отношение к природе, с необходимостью вытекающее из самого существа технической организации. Техника не может развиваться и совершенствоваться, не ужесточая эксплуатации природы и самого человека [7, 140].

Наступление эры машинной техники и включение человека в техническую организацию существенно трансформируют все основные параметры и характеристики социального бытия. Одним из значимых индикаторов этой трансформации становится возникновение *феномена идеологии*.

К конститутивным элементам идеологии Юнгер относит: 1) насильственный характер, проявляющийся в том, что всякая идеология стремится втиснуть те или иные социальные феномены в рамки замкнутой дедуктивной системы; 2) идеология, в отличие от научной теории, непосредственно обращается к воле человека, неразрывно связана с целеполаганием: «Идеология всегда стремится к тому, чтобы проложить воле дорогу к цели» [7, 308].

Полемика между различными идеологиями по тем или иным социально-политическим и экономическим вопросам, согласно Юнгеру, никогда не затрагивает и не ставит под сомнение *оснований* идеологического типа сознания как такового. Фундаментальным основанием идеологии выступает современная машинная техника.

Спор между сторонниками социализма и капитализма представляется Юнгеру спором по частным вопросам, не затрагивающим сути дела. Дело не в том, что одна система общественных отношений (капитализм) порождает эксплуатацию человека, а другая (социализм) эксплуатацию исключает. Основания эксплуатации — не в той или иной системе общественных отношений, но в самой современной машинной технике, в технической организации производства и жизни людей. Проблема не в том, что одни люди эксплуатируют других, а в том, что техника в равной степени эксплуатирует *всех* (и «эксплуаторов», и «эксплуатируемых»). Социализм как идеология борьбы против *экономической* эксплуатации не является подлинной альтернативой буржуазному либерализму. Социализм — всего лишь идеология *неудавшихся эксплуататоров* [7, 428]. Социалисты, как и либералы-

прогрессисты, не ставят под вопрос саму систему технической организации и эксплуатации природы и человека. Социальная эксплуатация — это всегда эпифеномен эксплуатации *технической*.

Юнгер рассматривает идеологию как специфический феномен массового общества. Идеология — всегда *идеология масс*. Неправоммерно поэтому говорить об идеологии применительно к традиционному типу общества. Народ как носитель традиционной культуры и традиционного (мифологического или религиозного) миропонимания, в отличие от массы, не знает никакой идеологии и не может выступать объектом идеологических манипуляций.

Наиболее примечательная черта массового общества — «искусственность существования, зависящего от пополнения извне» [7, 183]. Подобно тому, как техника черпает ресурсы для своего самовоспроизводства и расширения в *природе*, так же и массовое индустриальное общество живет и воспроизводит себя за счет доиндустриальных, традиционных социальных групп и отношений, которые рассматриваются в качестве *ресурса и материала* «социального развития».

Отношения между «идеологией» и «техникой» в концепции Юнгера носят по преимуществу *односторонний* характер. Техника в своем неуклонном совершенствовании ни в какой идеологии не нуждается; идеология же не может существовать вне контекста массового общества, порожденного техническим прогрессом и, в свою очередь, создающего благоприятную среду для ускорения технического развития.

Доминирующей тенденцией социальных изменений в эпоху машинной техники становится *рационализация*. Рационализация социальной жизни неотделима от процесса совершенствования техники: «Один из признаков техники — освобождение человека от всех связей, не имеющих рационального характера, и подчинение его рациональным отношениям» [7, 185].

С возрастанием рационализации техники и с утверждением нового типа социальной организации («массовое общество») возрастает и «духовная податливость» человека, его подверженность идеологическим влияниям. Однако власть идеологов и манипуляторов в массовом обществе — всего лишь одно из проявлений *власти техники* над природой и человеком.

Техник (носитель технического, технократического сознания) не нуждается в той или иной содержательно конкретной идеологии [7, 185]. Процесс технического развития не предполагает идеологического сопровождения и обоснования. Техника совершенствуется независимо от идеологии, идеология же всегда идет в фарватере технического раз-

вития. Союз техники и идеологии в большей степени «выгоден» идеологам, нежели «технократам».

Господство идеологии в эпоху современной техники связано с тем обстоятельством, что человек, включенный в систему технической организации, порывает с прежними, укорененными в традиции, формами миропонимания и стремится обрести в идеологии новую, *искусственно сконструированную* систему ценностей, представлений и ориентиров.

Техника, будучи сама по себе идеологически и аксиологически *нейтральной*, сужает «жизненное пространство», порождая своего рода мировоззренческий и экзистенциальный *вакуум*: «Усилия Техника увеличивают пустое пространство, причем увеличивают его в той же степени, в какой они сужают пространство жизненное» [7, 188]. Экзистенциальный вакуум, порождаемый техникой, занимает идеология. Техника, таким образом, создает экзистенциальные предпосылки идеологии и формирует среду, необходимую для утверждения идеологического типа сознания.

Обратимся теперь к трактовке идеологии и техники в философии Юргена Хабермаса.

Если в концепциях Юнгера и Хайдеггера техника мыслится как *судьба* современного человека и человечества, то в контексте социальной философии Франкфуртской школы (Маркузе, Хабермас) машинная техника понимается как *проект*, имеющий определенные социальные и мировоззренческие предпосылки: «Техника — это исторически-общественный проект. В ней спроектировано то, что общество и господствующие в нем интересы замышляют сделать с людьми и вещами» [6, 52].

Сущность современной техники Хабермас, как и Юнгер, усматривает в господстве над природой, в эксплуатации природы. Техника понимается в качестве системы господства над объектами и управления объективированными процессами. Общим для обеих концепций является также признание того, что доминирующее отношение к природе в эпоху современной техники коррелирует с господствующим типом коммуникации в обществе. Существующие в обществе формы политического господства следует рассматривать в качестве модификации исходной интенции новоевропейской культуры, заключающейся в покорении и подчинении природы посредством экспериментального естествознания.

Исходным и основополагающим в концепции Хабермаса выступает различение *целерационального* действия (труда) и действия *коммуникативного* (интеракции). Под «трудом» Хабермас понимает «ин-

струментальное действие, или рациональный выбор, или их сочетание» [6, 66]. Термин «интеракция» у Хабермаса в большинстве случаев означает непосредственную межличностную коммуникацию, коммуникативное действие, которое по своей структуре принципиальным образом отличается от целерационального трудового действия.

Феномен политической идеологии связывается Хабермасом не столько с техникой, сколько со способом легитимации власти и политического господства.

В культуре традиционного общества легитимация социально-политического порядка осуществлялась в форме «космологических интерпретаций мира» (мифологии и религии). Этот способ легитимации Хабермас избегает называть «идеологией», подчеркивая, что в строгом смысле никаких *добуржуазных* политических идеологий быть не может [6, 79].

В новое время традиционная форма легитимации господства ставится под вопрос. Политическая идеология общества модерна (классический либерализм) «возникает из критики догматики традиционных интерпретаций мира и претендует на научный характер» [6, 79]. Классическая идеология является одновременно и критикой традиционной картины мира, и формой «ложного сознания», скрывающего и камуфлирующего подлинные основания социальных явлений.

Анализируя общество позднего капитализма, Хабермас приходит к выводу, что марксистская трактовка идеологии как надстройки над экономическим базисом перестает работать. Главную причину радикальных трансформаций современного общества Хабермас усматривает во все более тесном взаимодействии науки и техники, находящем выражение в процессах «онаучивания» техники и технизации науки [1, 12—13]. В позднекапиталистическом обществе наука в качестве производительной силы не только изменяет базис общества, но и начинает функционировать в качестве квазиидеологии, все более замещает собой классическую политическую идеологию.

В отличие от классической идеологии, которая служила средством легитимации политического господства одного класса над другим, новая форма идеологии (наука и техника как «идеология») уже не имеет классовой природы. Для обозначения этой новой формы идеологии Хабермас использует термин «технократическое сознание» [6, 98]. Как и Юнгер, Хабермас подчеркивает *надклассовый* характер идеологии, формирующейся в эпоху господства машинной техники. Носителем технократического сознания выступает не тот или иной социальный слой, но в известном смысле *каждый человек* (в той сте-

пени, в которой он оказывается включенным в функционирование технических систем).

Технократическое сознание является, с одной стороны, менее идеологизированным, чем «классовое сознание» буржуазии и пролетариата, характерное для общества классического капитализма. С другой стороны, идеология, во власти которой находится технократическое сознание, оказывается более *всеобъемлющей* и *всепроникающей*, чем идеология старого типа. Это «прозрачная», фоновая идеология, идеология «заднего плана» [6, 99].

Для эпохи господства технократического сознания характерна *деполитизация* общественной жизни. Тенденция деполитизации связана с тем обстоятельством, что *политические* вопросы все более редуцируются к вопросам *техническим*, так, что начинает казаться, будто *всякий* вопрос, рождающийся в ходе социально-политического развития общества, может быть рассмотрен и решен как вопрос *технический*. Наука, выступающая в союзе с современной машинной техникой, оказывается важнейшим фактором деполитизации общественной жизни, фактором формирования новой *деполитизированной* социальности.

В обществе позднего капитализма политика приобретает все более *функциональную* направленность. Она утрачивает свой содержательный смысл и превращается в «операциональную систему для решения организационно-технических вопросов и выполнения практических задач» [5, 64]. «Решение технических задач не предполагает публичного обсуждения» [6, 86], отсюда — деполитизация как одна из базовых тенденций позднекапиталистического общества. «Новая идеология отличается от старых тем, что она отделяет критерии оправдания от организации совместной жизни, то есть от нормативного регулирования интеракции вообще. В этом смысле она их деполитизирует и вместо этого привязывает к функциям подчиненной системы целерационального действия» [6, 101].

Возвращаясь к базовой дихотомии труда и интеракции, необходимо отметить, что для общества позднего модерна характерны господство целерациональной (а не коммуникативной) модели действия, *доминирование труда над интеракцией*. Превращение научной техники и технизированной науки в новую форму идеологии, делающей ставку на расширение технического могущества человека, меняет характер соотношения между трудом и интеракцией, целерациональным и коммуникативным действием. Для эпохи господства технократического и сциентистского сознания характерно все более полное забвение различия между трудом и интеракцией: «Не только из сознания

наук о человеке, но и из сознания самих людей исчезает различие между целерациональным действием и интеракцией. Идеологическая сила технократического сознания проявляет себя в завуалировании этого различия» [6, 92]. В горизонте технократического сознания оказывается невозможно провести четкую границу между *практическим* (политическим) и *техническим*, между действием и господством.

Новая идеология (технизм, сциентизм), характерная для технократического сознания, препятствует созданию (конституированию) «свободной от господства коммуникации» [6, 99] в гораздо большей степени, чем это делала старая буржуазная идеология. Тем самым она наносит ущерб «фундаментальным условиям человеческого существования, прежде всего языку, а именно связанным с речевыми коммуникациями формам социализации и индивидуализации, возможностям intersубъективного понимания» [5, 65].

В условиях позднекапиталистического общества и научно-технической цивилизации задача разоблачения политической идеологии как формы ложного сознания во многом утрачивает свою актуальность и отходит на второй план, на первый же план выходит задача гуманистической критики технократического и сциентистского сознания.

Хабермас пересматривает традиционное понятие *рациональности*, которое в философских концепциях XX в. прочно связывалось с научным типом мышления. Он предлагает различать два смысла рационализации: применительно к *труду* и применительно к *интеракции*. Традиционное, идущее от М. Вебера, понимание рационализации как «расколдовывания» мира и *технизации* человеческой деятельности является неполным и недостаточным. Наряду с понятием *технической рациональности* Хабермас вводит понятие рациональности *коммуникативной*. Он предлагает различать рационализацию как *сциентификацию* и *технизацию* (что предполагает повышение возможности технического распоряжения в отношении *опредмеченных* процессов природы и общества) и рационализацию как «ликвидацию барьеров в коммуникации» и уменьшение «степени репрессивности» общественных норм.

Выход из тупиков технической цивилизации и технократического сознания Хабермас видит в дальнейшей эмансипации и индивидуации личности. Необходимой предпосылкой этого является расширение пространства интеракции и коммуникации.

Подведем итог. В концепции Юнгера критика техницизма осуществляется в перспективе возвращения человека к более изначальному и аутентичному способу существования. В рамках социальной фи-

лософии Хабермаса критика технократического и сциентистского сознания осуществляется с гуманистических позиций в перспективе расширения пространства «коммуникативной рациональности».

В обеих концепциях отмечается сущностная связь феномена идеологии с современной техникой. Однако, если в концепции Юнгера техника является только благоприятной *средой* для утверждения и господства идеологий, то у Хабермаса «сциентифицированная» техника и технизированная наука превращаются в *квазиидеологию* позднекапиталистического общества. Юнгер рассматривает техническое (технократическое) сознание как аксиологически и идеологически нейтральное, Хабермас же усматривает в этом типе сознания новую форму идеологии, которая тем более опасна, чем менее она заметна и достигаема для критической рефлексии.

Юнгер отождествляет рациональность с научно-технической рациональностью, рассматривая процесс совершенствования техники как процесс ее рационализации, Хабермас же различает техническую и коммуникативную рациональность, усматривая в последней условие возможности конструктивного диалога и взаимопонимания между социальными субъектами.

Литература

1. Алхасов А.Я. От критической теории к теории коммуникативного действия: эволюция взглядов Юргена Хабермаса. Ульяновск, Ульяновский государственный университет, 2001.
2. Демин И.В. Критика инструменталистской трактовки техники в философии М. Хайдеггера // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей. Вологда: ВОЛГУ, 2014.
3. Михайловский А.В. Свобода техники? К пониманию техники у Эрнста и Фридриха Георга Юнгеров // Философские науки. 2013. № 7.
4. Нестеров А.Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королева (национального исследовательского университета). 2015. Т. 14. № 1.
5. Фарман И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса. М.: ИФ РАН, 1999.
6. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007.
7. Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002.

References

1. *Alhasov A.Ja.* Ot kriticheskoj teorii k teorii kommunikativnogo dejstvija: jevoljucija vzgljadov Jurgena Habermasa [From the critical theory to the theory of communicative action: the evolution of the views of Jürgen Habermas]. Ul'janovsk, 150 p. [in Rus].
2. *Demin I.V.* Kritika instrumentalistskoj traktovki tehniki v filosofii M. Hajdeggera [The criticism of the instrumentalist interpretation of technique in the philosophy of Martin Heidegger] // Chelovek v tehnosrede: konvergentnye tehnologii, global'nye seti, Internet veshhej. Vologda [in Rus].
3. *Mihajlovskij A.V.* Svoboda tehniki? K ponimaniju tehniki u Jernsta i Fridriha Georga Jungerov [Freedom of Technology? On the Ernst and Friedrich Georg Jünger's Understanding of Technology] // Filosofskie nauki, no. 7 [in Rus].
4. *Nesterov A.Ju.* Vopros o sushhnosti tehniki v ramkah semioticheskogo podhoda [The question about the essence of technology within the semiotic approach] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ajerokosmicheskogo universiteta im. akademika S.P. Koroleva (nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta), vol. 14, no. 1. [in Rus].
5. *Farman I.P.* Social'no-kul'turnye proekty Jurgena Habermasa [Socio-cultural projects of Jürgen Habermas]. Moscow, IF RAN [in Rus].
6. *Habermas Ju.* Tehnika i nauka kak «ideologija» [Technology and Science as "Ideology"]. Moscow, Praksis, 2007, 208 p. [in Rus].
7. *Junger F.G.* Sovershenstvo tehniki. Mashina i sobstvennost' [The perfection of technique. The machine and the property]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2002. [in Rus].

Н.Н. РОСТОВА

Человек литургический

Аннотация. В центре проблематики статьи находится поставленный еще Кантом вопрос «Что есть человек?». Автор, опираясь на концепт П. Флоренского «homo liturgus», а также на собственный антропологический проект под названием антропология формы, выстраивает модель понимания человека — человек литургический. По мнению автора статьи, для определения специфики сознания предпочтительнее понятие «литургия», нежели близкие к нему понятия «соборность», «симфония» и др., поскольку литургия сопряжена с культом и,

прежде всего, с таинством Евхаристии. Автор обращается к православной и католической моделям «человека евхаристического» и показывает теоретический и практический разрывы между ними. Автор приходит к выводу, что понятие Евхаристии заключает в себе, по крайней мере, четыре ключевых для антропологии принципа, а именно: тотальность человеческой жизни, соборность сознания, принцип жизни в противовес принципу представления, причастие, т. е. конкретику связи с конкретным, неумозрительным Богом. Модель человека литургического, опирающаяся на понятия культа и Евхаристии, позволяет говорить о конкретике полноты сознания, централизованного Богом.

Ключевые слова: человек литургический, евхаристический человек, общее дело, сознание, человек, культ, П. Флоренский, соборность, антропология.

Abstract. Article is devoted to the answer to the question raised by Kant «What is the person?». The author, leaning on P. Florensky's concept of «homo liturgus», and also on own anthropological project «form anthropology», builds model of understanding of the person — the person liturgical. According to the author of article, the concept «liturgy» is more preferable to determination of specifics of consciousness than the concept «conciliarity», «symphony», etc. because the liturgy is interfaced to a cult and, first of all, to sacrament of an Eucharist. The author addresses to orthodox and catholic models «the person eucharistical» and shows theoretical and practical gaps between them. The author comes to a conclusion that the concept of an Eucharist comprises, on extremely measure, four principles, key for anthropology, namely: totality of human life, conciliarity of consciousness, the principle of life as opposed to the principle of representation, a participle, that is a reality of communication with specific, not speculative God. The model of the person liturgical, relying on concepts of a cult and Eucharist, allows to speak about a reality of completeness of the consciousness aligned by God.

Key words: person liturgical, eucharistical person, common cause, consciousness, person, cult, P. Florensky, conciliarity, anthropology.

Человек непостижим для себя в своей конечности. Отданный во власть наличного мира, он утопает в бесконечности его фактов. Нагромождения эмпирического стирают в пыль его маленькое обеспеченное лишь телом «я». Неприкакаянная субъективность тщится опереться на мир, но мир выталкивает ее, не вмещает ее бесконечность. Ибо бесконечность субъективности абсолютна, будучи несоприродной бесконечностью. конечного мира. Мир давит и выталкивает, даже то-

гда, когда человек — как даос или стоик — мнит своим ритмом ритм Вселенной. Человек обживает мир в своем представлении, постигая себя в своей бесконечности.

Антропология формы [7] предполагает человека, взятого в своей трансцендентной перспективе, в своей непостижимости бесконечного. Фигура Бога объявляется конститутивной для человека. Бог онтологически обеспечивает возможность субъективности и ее свободы, открывая горизонт трансцендентного. Бог антропологически обеспечивает сознание. Ибо как в форме в нем впервые конечное существо, коим является отдельный человек, осваивает свое бесконечное. Обозревает во всей его развернутости и полноте. Бог как абсолютная единственная трансцендентная точка опоры оказывается для первичного хаоса субъективности тем священным центром, вокруг которого выстраивается упорядоченность внутренней жизни. Или, как выразился бы П. Флоренский, Бог есть корень ума [10]. В Боге человек впервые вступает в свою историю, обретая субъектность и творческую плодотворную силу. Психологически Бог оказывается духовным скелетом человека, отвечая его метафизической сиротливости и позволяя опереться на свою освященную абсолютном самость.

Но не являются ли рассуждения об антропологической форме абстрактными? Не уводит ли подобное понимание Бога и субъективности к сфере умозрений? Умозрению противостоит культ. Жизнь в непрестанно возобновляемом культе. Мощным уточнением теории антропологической формы может послужить модель человека литургического.

Флоренский

«Homo liturgus» — это концепт П. Флоренского, сформулированный им в «Философии культа». Флоренский закладывает в него три ключевые для антропологии идеи. Идею о том, что культ конститутивен для человека, ибо в нем впервые раздробленность человека обретает свое единство — единство тела и смысла, конечного и бесконечного, имманентного и трансцендентного. Идею о том, что человеческое сопряжено со множественностью, а не с атомарностью «я», которое в таком случае оказывается производным от «мы». А также идею о том, что центральным таинством для христианства является Евхаристия, а для иных культов — кровавая жертва, ибо в крови человек ищет и впервые находит мир с Богом [9].

Однако эта модель все еще таит в себе нераскрытый теоретический и практический потенциал.

Общее дело

Слово «литургия» переводится с греческого как «общее дело», «общее служение». Идея «общего дела», согласно которой коллективная реальность предшествует индивидуальной реальности, сопряжена не только с именем Флоренского, но с целыми традициями. Ее мы встречаем в науке, в православной культуре и в католичестве. В науке классики социологии и религиоведения утверждают примат коллективного над индивидуальным в сфере религии (например, У.Р. Смит, Э. Дюркгейм). В рамках русской философской мысли развивается идея соборности (А. Хомяков и др.). В католической традиции мы встречаемся с идеей симфоничности истины, которую разрабатывает Бальтазар [1]. Правда, его интерпретация понятия «симфонии» кардинально отличается от православного понимания. Бальтазару важно не столько обнажить смысл истины как организма, в отношении которого каждый является его живой частью, сколько указать на тотальную плюральность мира, в отношении которой Бог как источник единства запределен. Если С. Франк в своей теории «симфонического человека» определит «ты» и «мы» как «я» за пределами себя и это запределное окажется антропологическим центром, а не периферией [11], то Бальтазар в своей теории оберегает границы «я» от актов трансцендирования. Для него Христос, подобно дирижеру, заставляет все «инструменты» играть в лад. Как он говорит, какафония, проистекающая из жажды играть в унисон, в Христе претворяется в осмысленную симфонию. При этом Бальтазар, выступая за превосходство духа, над «буквами», коих бесчисленное множество, отводит культу и догматам вторичную роль, подчеркивая, что Христос не может быть дан в формуле, но только в Своей милости.

С антропологической точки зрения в синонимичных идеях литургии, общего дела, соборности, симфонии важен примат «мы» над «я». Человек раскрывается в Боге, а Бог — в «мы». Именно в трансцендировании вовнутрь, в реальность «мы», человек восходит к своей истине. «Мы» конститутивно для человека, ибо только в «мы» присутствует Бог. Как скажет С. Булгаков, Личность одна — это Бог. В причастии Личности человек открывает свою универсалию. К этой же мысли нас подводит Франк, для которого человек является личностью в той мере, в какой он причастен соборному древу, основанием которого служит Бог.

Но что значит эта таинственная власть «мы» над «я»? Разве Бог не услышит меня, если я вот сию минуту обращусь к Нему? Разве нужна церковь, чтобы Он услышал мой вопль или мой шепот? Этот

вопрос справедлив, ведь христианская традиции настаивает на личности Бога, на том, что к Нему в своем предельном одиночестве каждый может обратиться на «ты». Ответом на этот вопрос может послужить следующая мысль: Бог всегда слышит человека, но человек не всегда может слышать Бога. Человек может обратиться к Богу, и он услышит его. Но необходима церковь, чтобы человек услышал Бога. Что это значит? Это значит то, что Бог не есть приватный Бог, не есть достояние субъективности, но Тот, чья абсолютность постигается лишь в расширении «я» в хоровом начале.

Для антропологии предпочтительнее понятие «литургия», нежели «соборность», «симфония» или иные понятия. И не только потому, что последние влекут за собой целый шлейф теоретических проблем, которые могут увести от основного предмета разговора, например, проблему соотношения терминов «соборность» и «кафоличность», но главное потому, что литургия сопряжена с таинством Евхаристии.

Евхаристический человек

Для антропологии важно то, что в феномене Евхаристии идеи симфонии, тотальности человеческого существования и живой конститутивной связи человека и Бога предстают в своем предельно конкретном измерении.

Смысл этой конституирующей человека культоцентричности и конкретности связи с Богом зафиксирован в концепте человека евхаристического. Этот концепт связан с именем архимандрита Киприана Керна и православной традицией евхаристического богословия (Н. Афанасьев, А. Шмеман, И. Зизиулас, И. Мейендорф, Б. Бобринский). Хотя стоит отметить, что одноименный проект в последнее время разрабатывается в рамках католической мысли Ж.-Л. Марионом. Однако связь между православной и католической теориями исчерпывается лишь общим названием. Марион вписывает понятие евхаристического человека в свой проект феноменологии данности. Благодарящий, евхаристический человек — это человек, раскрывающий свою суть в труде по распознаванию за данностью дара и введению таким образом дара в мир. Марион нарекает этот труд узнавания благодарением Богу [12]. Другими словами, для Мариона Евхаристия исчерпывается идеей благодарения, принципиально свободной от культа и предстоящего Бога.

Архимандрит Киприан вводит представление о «евхаристическом сознании» и «евхаристической настроенности» духа [5, 6 — 9]. Он призывает к евхаристическому сознанию как истинно церковному. Для антропологии важно то, что описываемое о. Киприаном евхаристическое сознание зиждется на следующих принципах.

1. *Тотальность жизни.* Как говорит о. Киприан, в прежние времена для древних византийцев и москвитян до XV — XVI вв. Евхаристия была средоточием жизни, вокруг нее концентрировались все таинства и обряды, и, более того, они входили в ее состав. Теперь же Евхаристия превратилась в простой обряд наряду с другими. Все требы стали частными, утратившими живое органическое единство со своей основой. Тогда как, по мысли о. Киприана, «Евхаристия должна обнимать и освящать всю жизнь христианина, его творчество, его дела и порывы» [5, 9]. С точки зрения антропологии живописуемое о. Киприаном «расцерковление» означает то, что на смену полноты сознания приходит сознание фрагментарное, разорванное, отданное во власть хаоса субъективности. Сознание нуждается в метафизической точке опоры, скрепе, вокруг которой выстраивается порядок субъективности.

2. *Соборное сознание.* С первым принципом связан второй принцип соборного сознания. Покуда Евхаристия перестает быть, по словам Дионисия Ареопагита, «Таинством таинств» и всякое таинство низводится до частного дела, утрачивается соборное сознание, т. е. основа сознания индивидуального. С социальной точки зрения, Евхаристия — это основа единства. Как говорит Максим Исповедник, «Церковь всем равно сообщает и дарует один образ и наименование» [7, 8]. Вне евхаристического собрания утрачивается мистериальное родство, а значит, пространство понимания и отношений. Каждый уходит в сферу приватного, учреждая фигуру другого. Внутри мистериальной общины другой — это не другой, но сам Христос. Как говорят Оптиные старцы, касаясь другого, будь осторожен, ибо ты прикасаешься к Самому Богу [6, 174].

3. *Жить, а не представлять.* По мысли о. Киприана, «вне Церкви можно лишь представлять Сионскую Вечерю, символизировать ее, но не совершать евхаристическое Жертвоприношение» [5, 7]. Вне Церкви — представление. Внутри — евхаристическая жертва. Церковь — не социум. Здесь недостаточно иметь представление, здесь недостаточно даже участвовать. Здесь нужно пребывать. Евхаристия — это и есть пространство пребывания. О. Киприан пишет: «Нельзя, — вспомним Ю.Ф. Самарина, — только относиться к Церкви или числиться в ней, надо в ней (то есть ею) жить. Надо живо, реально, конкретно участвовать в жизни Церкви, т.е. в жизни мистического Тела Христа. Надо быть живой частью этого Тела. Надо быть участником, т.е. причастником этого Тела» [5, 8]. Мирянин, говорит о. Киприан, должен не просто присутствовать, но переживать совершающуюся голгофскую драму. Или, как говорит Иоанн Златоуст, не любовью

только, но делом нужно быть членом мистического Тела [5, 13]. То есть не умозрительно, не локально, а конкретно, всю свою жизнь, всем своим существом.

О том, что литургия не есть просто представление или зрелище, в отношении которого человек лишь зритель, находящийся в состоянии внеаходимости, но мистериальное действие, участник которого переживает трансцендентное во всей его конкретике, пишет Николай Кавасила в «Изъяснении Божественной Литургии» (XIV в.). Умственному размышлению о Христе он противопоставляет *видение* (= переживание) всей истории Христа и горячность чувств верующего, приступающего к Святым Дарам. Должное состояние верующего призвано возбудить богослужение, работающее с человеком во всей его тотальности, вовлекая его в действие: «чтобы достигнуть нам такого состояния, для этого недостаточно того, чтобы в известное время изучить все, касающееся Христа, и знать это; нет, для этого необходимо, чтобы око нашего ума было постоянно обращено к этим предметам, чтобы мы созерцали их... Поэтому-то и присвоен священнодействию такой вид, при котором одно не только высказывается словами, но и представляется подробно взорам; другое выражается во всем священнодействии для того, чтобы посредством этого удобнее действовать на наши души, — чтобы в нас было возбуждено чувство, а не простое только созерцание, так как воображение при содействии глаз гораздо сильнее представляет нам образы предметов...» [4]. Мистериальная фигура — при-частник Мистериального Тела.

4. *Причастие*. Но что значит быть причастником? Как говорит о. Киприан, «Воплощение... обновляется в литургической жизни христиан ежедневно в евхаристическом священнодействии» [5, 6]. А по словам Иоанна Златоуста, Бог «дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и касаться зубами Плоти Его, и соединиться с Ним, и насыщать Им всякое желание» [5, 14]. Евхаристия — это конкретика связи с конкретным, неумозрительным Богом. В тайне Евхаристии происходит преображение человека, или, говоря философским языком, тайна Евхаристии скрывает в себе тайну антропогенеза. В отличие от П. Флоренского здесь хотелось бы сделать акцент не на титанической алчбе человека, утоляемой жертвой Бога, но на тайне соединения трансцендентного и имманентного, в котором возникает сознание. Как говорит Николай Кавасила, на которого ссылается о. Киприан, в Евхаристии не пища претворяется в наше тело, но наше тело и все наше существо восходит к Богу, претворяется в Нем: «В действительности, это Таинство есть Тело и Кровь Христовы, и для Церкви Христовой они суть истинная пища и питье. Церковь, причастная им,

не их превращает в человеческое тело, как это случается с обычной пищей, но сама претворяется в них, ибо высшее (божественное) побеждает тварное. Железо, прикоснувшееся к огню, само становится огнем (раскаляется), а не допускает огню превратиться в железо. И подобно тому, как раскаленное железо не представляется нашему взору железом, но огнем, так как свойства железа как будто бы поглощены огнем, точно так же, если бы можно было видеть Христову Церковь, поскольку она соединена с Ним и причастна Его Плоти, мы не увидели бы ничего иного, кроме Тела Господня» [5, 8]. Другими словами, здесь фиксируется качественный скачок, ибо человек начинает актуализировать свое трансцендентное измерение. На языке антропологии речь идет о переходе от ничто хаоса — к что порядка, от поверхности — к антропологической глубине, от субъективности — к сознанию.

У Дионисия Ареопагита Евхаристия осмыслена иерархически. Она единит в себе все таинства и возводит к Богу, приобщает Ему. В «Церковной Иерархии» он пишет: «...едва ли может быть совершенно какое-либо из иерархических совершительных священнодействий, доколе божественная Евхаристия во главе того, что совершается по чину каждого другого священнодействия, не священно совершит приведения христианина, уже просвещенного, к единому и не утвердит совершенно богопреданным даром совершительных тайн общения его с Богом» [9]. Именно в свете этого высказывания стоит понимать тотальность человеческой жизни, о которой шла речь выше. Она означает именно иерархизированную тотальность, имеющую живой центр в Боге.

Культурноцентричность присуща традиции евхаристического богословия. Оно основывается на идее тождества Евхаристии и Церкви. Представители евхаристического богословия берут на вооружение тезис Николая Кавасилы о том, что «Церковь обозначается в таинствах», в котором под таинствами подразумевается таинство Евхаристии. Как говорит Иоанн Зизиулас, Церковь — это не социум. Сущность Церкви заключается не в догматах, иначе она превращается в идеологический аппарат; не в миссионерстве, иначе она утрачивает связь с таинствами; не в этике, иначе она вырождается в фарисейство; и не в терапии или психологической помощи, ибо здесь исчезает понятие церковного Тела и рождается индивидуалистическое сознание. Цель и сущность Церкви — евхаристическое общение, и именно оно сообщает всем остальным аспектам жизни церкви смысл. «Все догматы, — пишет он, — были установлены с одной целью — привести верных к Церкви, к Святому Причастию. Для того чтобы убедиться в

этом, достаточно лишь посмотреть определения Вселенских Соборов: все они заканчиваются “анафемами”, т. е. отлучением от Святого Причастия. Единство веры является не конечной целью, а условием. Цель — евхаристическое общение» [3, 31]. По мысли Зизиуласа, католическое схоластическое богословие раскололо единство таинства Евхаристии на самостоятельные составляющие, тогда как исконно Евхаристия объединяет в себе все таинства, подтверждения чему Зизиулас ищет у апостола Павла и в святоотеческой мысли. Для Зизиуласа важны собрание Церкви воедино в Евхаристии, а также неумозрительное, живое участие в церковном теле, во-церковление.

Вот эту конкретику полноты сознания, централизованного Богом, олицетворяет модель человека литургического, которая основывается на понятии культа и, прежде всего, понятии Евхаристии.

Сегодняшний день

Не является ли модель человека литургического сама по себе чистым теоретическим конструктом? Некоторой идеей, не то что бы наряду с другими идеями, но идеей как неким идеальным, невозможным, не вмещаемым современным миром? Способен ли современный человек взойти до жгучей полноты своего бытия? До интенсивности своей тотальности? Может ли человек жить культом, в культе, глядя на мир по принципу обратной перспективы, т. е. смотря на него глазами Бога? Отдаваясь стихии «мы» и черпая из нее *общие* смыслы? Вот так, до конца, абсолютно, соборно, непрестанно?

Виртуализация реальности не просто делает нашу жизнь комфортной, она отнимает у нас частное пространство «я». Речь сегодня идет не о том, чтобы растопить свое «я» и обрести себя за пределами себя в «мы», но о том, что нам не принадлежит даже наше «я». Невозможно не видеть этого беспечного упразднения сферы частного, которая изначально была отвоевана у соборного.

И тем не менее «человек литургический» — не абстракция. Покуда человек не превратился в индифферентную машину, пространство литургии — это его максимум и центр его притяжения. Покуда человек готов воевать, учреждать и отстаивать смысл, абсолют конкретного данного в культе Бога остается его необходимым пределом.

Последние слова писать не просто. Они сродни агонии. Видится, что мы вновь достигли антропологического минимума, утратив плодovitую чуждость сознания. Полнота сознания кажется сегодня невыносимой. Непостижимой. И все же хочется закончить наши рассуждения словами Игнатия Брянчанинова. Опыт, говорит святитель Игнатий, открывает высоту чувствования [8, 100].

Литература

1. *Бальтазар фон Г.У.* Истина симфонична. // http://online.rubiteka.ru/book/view/istina_simfonichna.
2. *Дионисий Ареопагит.* О Церковной Иерархии. // <http://www.platonizm.ru/content/dionisiy-areopagit-o-cerkovnoy-ierarhii>.
3. *Зизиулас Иоанн*, митрополит. Церковь и Евхаристия. Сборник статей по православной экклесиологии. Богородице-Сергиева Пустынь, 2009. — 332 с.
4. *Кавасила Николай.* Изъяснение Божественной Литургии // [http://azbyka.ru/otechnik / Nikolaj_Kavasila /Izjasnenie_ bogestvennoj_ liturgii/](http://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Kavasila/Izjasnenie_bogestvennoj_liturgii/).
5. *Киприан (Керн), архим.* Евхаристия. М.: Храм Косьмы и Дамиана на Маросейке, 2006. 336 с.
6. Оптинский цветник. Изречения преподобных старцев Оптинских. М.: Спасское братство, 2010. 492 с.
7. *Ростова Н.Н.* Антропологическая форма как смысл феномена человек// *Философская антропология.* 2015. Т. 1. № 2.
8. *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Аскетические опыты: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 704 с.
9. *Флоренский П.А.* Собрание сочинений. Философия культуры. М.: Мысль, 2004. 684 с.
10. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Опыт православной антропологии. М.: Академический проект, 2012. 905 с.
11. *Франк С.* Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. 382 с.
12. *Marion J.-L.* Being Given. Toward a Phenomenology of Givenness. Stanford, California: Stanford University Press, 2003, 385 p.

References

1. *Bal'tazar fon G.U.* Istina simfonichna. // http://online.rubiteka.ru/book/view/istina_simfonichna.
2. *Dionisij Areopagit.* O Cerkovnoj Ierarhii. // <http://www.platonizm.ru/content/dionisiy-areopagit-o-cerkovnoy-ierarhii>.
3. *Ziziulas Ioann*, mitropolit. Cerkov' i Evharistija. Sbornik statej po pravoslavnoj jekkleziologii. Bogorodice-Sergieva Pustyn', 2009. 332 s.
4. *Kavasila Nikolaj.* Iz#jasnenie Bozhestvennoj Liturgii. // [http://azbyka.ru/otechnik/ Nikolaj_Kavasila/ Izjasnenie_ bogestvennoj_ liturgii/](http://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Kavasila/Izjasnenie_bogestvennoj_liturgii/).
5. *Kiprian (Kern), arhim.* Evharistija. M.: Hram Kos'my i Damiana na Marosejke, 2006. 336 s.

6. Optinskij cvetnik. Izrechenija prepodobnyh starcev Optinskih. M.: Spasskoe bratstvo, 2010. 492 s.
7. *Rostova N.N.* Antropologičeskaja forma kak smysl fenomena čelovek// Filosoŭskaja antropologija. 2015. T. 1. № 2. S. 165 — 183.
8. *Florenskij P. A.* Sobranie sočinenij. Filosofija kul'ta. M.: Mysl', 2004. — 684 s.
9. *Svjatitel' Ignatij Brjanchaninov.* Asketičeskie opyty: V 2 t. T. 2. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2010. 704 s.
10. *Florenskij P.A.* Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoj antropodicej. M.: Akademičeskij proekt, 2012. 905 s.
11. *Frank S.* Real'nost' i čelovek: Metafizika čelovečeskogo bytija. M.: AST: AST Moskva: Hranitel', 2007. 382 s.

V

**АКТУАЛЬНАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

С.В. БИРЮКОВ, А.М. БАРСУКОВ

Перспективы и проблемы расширения ЕАЭС

Аннотация. В статье говорится о современном состоянии, актуальных проблемах и вызовах, а также о перспективах расширения Евразийского экономического союза в современных геоэкономических и геополитических условиях. Целью работы является исследование перспектив расширения ЕАЭС и разнообразных вызовов, существующих в рамках различных макрорегиональных зон и направлений его активности. Методология исследования включает системный анализ, сравнительный анализ, анализ процесса принятия политических решений, а также политико-экономического подхода в политических исследованиях. Главным результатом представленного исследования является совокупность обоснованных заключений о современном состоянии и перспективах базовых направлений расширения ЕАЭС. Областью применения результатов исследования является совокупное пространство протекания процессов евразийской интеграции. Авторы заключают, что ЕАЭС уже сформировался как функциональная структура. Евразийский экономический союз был создан как влиятельный и привлекательный центр экономического развития, как региональный рынок с благоприятными перспективами. Авторы делают акцент как на многообразии шансов и возможностей, так и многообразии вызовов и проблем, с которыми сталкивается ЕАЭС, считая, что развитие ситуации очевидно требует от объединения комплексной многовекторной стратегии, призванной купировать угрозы и адекватно ответить на вызовы, одновременно используя весь спектр существующих и возникающих возможностей для укрепления своих позиций.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, расширение, вызовы и проблемы.

Abstract. The article considers actual problems and challenges, as well as the prospects of expansion of the Eurasian Economic Union in current geo-economic and geopolitical conditions. The purpose of the work is to study the prospects of the EAEU expansion and different challenges existing in various macro-regional areas and directions of its activity. The methodology of study includes system analysis, comparative analysis, design-making analysis and political economy approach in political science.

The main result of the presented study is a set of reasonable conclusions on the actual state and prospects of main direction of EAEU expansion. The area of use of study results is the total space of the flow of Eurasian integration processes. The authors conclude that the EAEU has already emerged as a functional structure. The Eurasian Economic Union has been created as powerful, attractive centre of economic development, a big regional market with good prospects. The authors suppose that the principal direction of EAEU expansion is the Central Asia direction. The authors focus on the variety of chances and opportunities, as well as the variety of challenges and problems faced by the EAEU. The situation obviously requires a combination of complex multi-vector strategy to stop threats and to respond adequately to the challenges using at the same time the full range of existing and emerging opportunities to strengthen their positions.

Key words: Eurasian integration, Eurasian economic union, expansion, challenges and problems.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) официально отметил завершение первого года работы. Годовщина существования Евразийского экономического союза ознаменовалась рядом знаменательных событий, кульминацией которых стало подписание соглашения о зоне свободной торговли с Вьетнамом во время заседания глав правительств стран СНГ и ЕАЭС 29 мая 2015 г. Несмотря на некоторые трудности в деле согласования экономических интересов, известное несовершенство нормативно-правовой базы и организационной структуры, Евразийский союз сумел доказать свою жизнеспособность в ситуации нарастания внешнего давления и внутренних кризисных процессов. К объединению уже проявили интерес около 40 различных стран, заявивших о своей готовности заключить с ЕАЭС соглашения о свободной торговле, а сам союз пополнился еще двумя участниками — Арменией и Киргизией.

ЕАЭС выступает сегодня как многофункциональная площадка стратегического, долговременного характера. Первой стадией и формой был экономический союз, который был призван обеспечить свободное перемещение товаров. В 2015 г. началось формирование единого энергетического рынка, а к 2025 г. предполагается формирование единого евразийского рынка углеводородов, что призвано стимулировать дальнейшее развитие евразийской экономики. Близкой перспективой является переход к рассмотрению вопросов социального, культурного и политического характера с целью расширения пространства культурного диалога и усиления культурного суверенитета стран — участниц объединения.

Вместе с тем среди *объективных препятствий на пути расширения ЕАЭС и углубления интеграционных процессов в его рамках* можно выделить:

- конфликтное напряжение в отношениях России и Запада, последствия которого проецируются на постсоветское пространство и затрудняют продвижение евразийской интеграции в собственно европейском направлении;
- собственные модернизационные проекты у кандидатов в ЕАЭС, которые могут не коррелировать с общей стратегией евразийской интеграции, разработанной и реализуемой основными участниками этого процесса;
- некогерентность экономических моделей, используемых различными постсоветскими государствами (стратегия, предполагающая опору на собственные ресурсы развития);
- слабость или недостаточная консолидированность политических и властно-управленческих институтов внутри некоторых государств — потенциальных участников, что ограничивает возможность участия их в интеграционных и шире — модернизационных процессах на постсоветском пространстве;
- Отсутствие должного уровня политического консенсуса среди элит некоторых стран — потенциальных членов ЕАЭС, что затрудняет совершение ими итогового выбора в пользу интеграционной стратегии.

Тем не менее, несмотря на трудности и противоречия, развитие и качественное совершенствование ЕАЭС продолжают развиваться. Одними из направлений развития объединения являются совершенствование его институциональной организации и репозиционирование его традиционных стран-участниц.

2016 г. ознаменовался председательством в ЕАЭС Казахстана. Данное председательство подчеркивает вес и значение этой страны в рамках объединения. В условиях углубляющегося экономического кризиса и санкций Запада в отношении России роль этой страны как стабилизатора общей экономической ситуации в ЕАЭС и экономического «окна» на Запад, и шире — эффективного посредника в политических переговорах с Западом возрастает. Казахстан за все время существования интеграционных объединений проявил себя как последовательный сторонник и активный участник процессов евразийской интеграции, поддерживая по принципиальным вопросам Россию. Все сказанное делает выбор Казахстана на эту роль вполне объяснимым.

Продолжается развитие институтов ЕАЭС. Сформирован новый состав Евразийской коллегии — по два члена от каждой страны — участника организации. Назначение руководителем Коллегии представителя Армении — Т.С. Саргсяна подчеркивает заинтересованность других стран — членов объединения в более плотной интеграции Армении в структуры ЕАЭС, а также в политической поддержке ее руководства. Армения, сделавшая свой выбор в пользу ЕАЭС в конце 2013 г., не имеет общих границ с другими членами организации, ее внешнее окружение проблемно, а экономика во многом зависит от отношений с Ираном. Можно с полным основанием предположить, что полноценная интеграция Армении в структуры евразийского объединения потребует времени и усилий и будет осложняться вследствие влияния факторов геополитики и непростой внутривнутриполитической ситуации в республике.

Что же касается Грузии, то следует отметить, что консолидированная позиция ее элиты и поддерживающей ее значительной части населения предполагает интеграцию в евроатлантические структуры, а не в евразийский проект. Единственным препятствием для этого пока остается проблема Абхазии и Южной Осетии, независимость которых официальный Тбилиси не признает. Сохраняющаяся напряженность в отношениях с Россией превращает возможное включение Грузии в зону свободной торговли сугубо гипотетической перспективой.

Существуют ли реальные перспективы расширения ЕАЭС? На постсоветском пространстве сегодня отсутствуют работоспособные и имеющие перспективу роста межстрановые объединения с аналогичным потенциалом развития. СНГ, к большому сожалению, не смог состояться в качестве полноценного инструмента постсоветской интеграции. Объединения постсоветских государств в отдельные региональные блоки (например, в Центральноазиатский союз) также не принесли первоначально ожидавшегося эффекта. Перспектива интеграции в структуры ЕС для большинства постсоветских государств остается умозрительной и не гарантирует существенных экономических и социальных выигрышей — по крайней мере, на начальном этапе. В этой связи актуальным представляется более пристальное рассмотрение как общего интеграционного потенциала ЕАЭС, так и возможных направлений дальнейшей интеграции.

В складывающейся геополитической ситуации особое значение для процесса евразийской интеграции приобретает центральноазиатское направление. Интегрировав Киргизию и планируя в обозримом будущем интегрировать Таджикистан, руководство стран ЕАЭС и, прежде всего, России стремится играть на опережение, усиливая свое

влияние в Центральноазиатском регионе. Она получает дополнительные возможности политического влияния, выход на новые рынки и доступ к значимым коммуникациям и источникам сырьевых ресурсов. Однако сами последствия вхождения в состав ЕАЭС новых членов могут быть неоднозначными. Современная Центральная Азия — континуум проблем, связанных с нестабильностью государственных институтов, необходимостью властно-политического транзита, общей неустойчивостью сырьевых и аграрно-сырьевых экономик, а также актуализирующейся угрозой экспорта радикального политического ислама в регион.

Ключевыми проблемами недавно интегрировавшейся Киргизии являются структурная деградация экономики, низкий уровень производительности и фактическое торжество торгово-посреднической модели, основанной на реэкспорте и реимпорте. В то же время уже на этапе вступления Киргизии имеет шанс использовать механизмы ЕАЭС для стабилизации и улучшения социально-экономической ситуации в стране.

Среди проблем, связанных с интеграцией Киргизии в ЕАЭС, следует также выделить такие проблемы, как миграция, укорененность неформальных практик в общественно-политической жизни, а также зависимость от экономической ситуации в России [2, 198—215].

Что касается возможного вступления в ЕАЭС Таджикистана, то у этих планов есть как сторонники, так и противники. Исследование Евразийского банка развития, посвященное оценке экономических эффектов присоединения Таджикистана к ТС и ЕЭП, подчеркивает наличие у страны экономического потенциала для такой интеграции [1, 27—30].

Одновременно интеграция Таджикистана в ЕАЭС связана с возможностью вовлечения государств ЕАЭС в региональные конфликты. Слабость таджикского государства и продолжающаяся деградация социальной сферы, а также официальный запрет ПИВТ, что привело к потере контроля за религиозно-политической сферой и разрушением механизмов коалиции, сложившейся по итогам гражданской войны 1992—1993 гг., — являются весьма беспокоящими экспертов моментами.

Что же касается *государств, не имеющих общей границы с нынешними участниками ЕАЭС* и проявляющих интерес к созданию зоны свободной торговли с ЕАЭС (Египет, Израиль, Тунис, Пакистан, Иордания, Монголия), то их разнородность принадлежность к различным геополитическим и геоэкономическим регионам, существующие внешнеполитические и внешнеэкономические обязательства и сла-

бость экономических связей с регионом «Большой Евразии» делают их возможное включение в единое экономическое пространство предметом серьезной дискуссии и — в лучшем случае — делом обозримого будущего.

Значительные сложности существуют и в отношении других — более вероятных — претендентов на вступление в ЕАЭС. Прежде всего, это относится к *Узбекистану*, который в 2006 г. покинул ОДКБ и некоторое время делал ставку на политические гарантии Запада, необходимые для обеспечения транзита власти (от которого руководство страны в 2014 г. в итоге отказалось). Узбекистан долгое время рассчитывал на проведение социально-экономической модернизации с опорой на собственные ресурсы (сырьевые и демографические), включая собственную программу (ре)индустриализации. Потенциальный рынок сбыта для продукции растущей экономики Узбекистана предполагалось создать в рамках Центральноазиатского союза — проекта, который фактически был сорван вступлением в ВТО Киргизии в декабре 1998 г. Следуя этой логике, Узбекистан никогда не стремился к полноценной экономической интеграции с бывшими советскими республиками. Он последовательно вышел в свое время из Центральноазиатского союза, ЕврАзЭС, отверг предложение о вступлении в Таможенный союз, и даже до 2020 г. не намеревался принимать членство во Всемирной торговой организации. Однако сырьевая база страны оказалась ограниченной, проблемы демографии и безработицы все более явно заявляли о себе, а отдельные удачные инвестиционные и высокотехнологичные проекты не позволяли говорить о комплексной и последовательной реиндустриализации.

В то же время возможная интеграция Ташкента в ЕАЭС затруднена вследствие сохранения автаркических элементов в экономике страны, со сложными процессами внутри политической элиты Узбекистана. Кроме того, в бизнес-элите Узбекистана, помимо традиционной конкуренции с Астаной за лидерство в регионе, существует опасение экономического «поглощения» со стороны более мощного Казахстана, бизнес которого тесно интегрирован с еще более мощной экономикой Российской Федерации. Все это, взятое в совокупности, позволяет в ближайшее время рассчитывать лишь на установление ассоциированных отношений Узбекистана с ЕАЭС, с возможным созданием сторонами зоны свободной торговли (ЗСТ).

Особую позицию в отношении любых внешних объединений имеет сегодня Туркмения, обладающая огромными запасами природного газа. Официально закрепивший свой нейтралитет и стремящийся проводить лавирующую политику, балансируя между интересами ЕС,

России, Китая и Ирана. Подтверждением этому служит ситуация с летним «газовым» обострением 2015 г. между Россией и Туркменией, которую и Запад, и Иран, и Китай рассматривают важнейшим партнером в энергетике. И этой неслучайно: ежегодный объем добываемого Ашхабадом природного газа достиг сегодня рекордной отметки в 80 млрд м³, причем год от года его добыча увеличивается на 10%. В то же время обострение ситуации на туркменской границе с Афганистаном — серия нападений на погранзаставы с жертвами среди туркменских пограничников — делает стратегию «самодостаточности» официального Ашхабада по меньшей мере сомнительной и побуждает его к укреплению связей со структурами ШОС. Вместе с тем *интеграция Туркмении собственно в структуры ЕАЭС в обозримое время представляется маловероятной с учетом расхождения экономических интересов страны с интересами участников евразийского интеграционного объединения.*

Расширение ЕАЭС принципиально не ограничено рамками постсоветского пространства. Наряду с установлением тесных взаимоотношений с Вьетнамом, который превращается в важное связующее звено со странами АСЕАН, весьма вероятным выглядит заключение соглашения о зоне свободной торговли с Лаосом как со страной, сходной во многих экономических аспектах с Ханоем. Объединение также стремится к сближению с Китаем, к участию в масштабных проектах, имея ввиду прежде всего «Новый шелковый путь» («One belt, one road»). Растущая китайская экономика нуждается в сырьевых ресурсах, которыми богат регион Центральной Азии, а также в получении доступа к транзитным путям, ведущим в Европу. Все это побуждает Китай к реализации масштабных инфраструктурных проектов, одним из которых является Великий шелковый путь. Данный проект подтверждает стремление китайского руководства интегрироваться в глобальную инфраструктуру с целью повышения общей конкурентоспособности китайской экономики и обеспечения выхода продукции китайской экономики на новые рынки. Для России и стран ЦАР подключение к китайским проектам означает инвестиции в транспортную инфраструктуру, оживление экономики во включенных в проект и сопредельных с ними регионах, дополнительные возможности для экспорта энергоресурсов в КНР.

Что касается *Китая*, распространяющего свое влияние и элементы инфраструктуры на регион Центральной Азии с целью доступа к местным источникам энергетических ресурсов и рынкам сбыта, то *последний пока предпочитает действовать в рамках собственного проекта «Нового шелкового пути»*, не проявляя стремления к вступ-

лению в региональные экономические объединения. Создание же Китаем зоны свободной торговли совместно с ЕАЭС объективно сталкивается с проблемой экономической конкурентоспособности стран — участниц объединения. Поэтому при наличии у этой идеи ряда привлекательных сторон ее полноценная реализация может занять от 10 до 30 лет. Первым шагом к созданию такого ЗСТ, как предполагается, должно стать соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС и Китая. Создание более устойчивых и институционализированных механизмов такого сотрудничества является делом более отдаленного будущего и потребует длительных консультаций и согласований.

Таким образом, уже сегодня мы можем уверенно констатировать как многообразие шансов и возможностей, так и многообразие вызовов и проблем, с которыми сталкивается ЕАЭС. Развитие ситуации очевидно требует от объединения комплексной многовекторной стратегии, призванной купировать угрозы и адекватно ответить на вызовы, одновременно используя весь спектр существующих и возникающих возможностей для укрепления своих позиций. Как представляется, потребность в выработке такой стратегии с участием всех стран — членов объединения становится все более насущной необходимостью.

Литература

1. Оценка экономического эффекта присоединения Таджикистана к ТС и ЕЭП. СПб., 2013.
2. *Kupatadze A. Political corruption in Eurasia: understanding collusion between states, organized, crime and business // Theoretical criminology. 2015. Vol. 19.*

References

1. Assessment of the economic effects of accession of Tajikistan to the Customs Union and Common Economic Space. St. Petersburg, 2013.

Л. ЮРЧИШИН

**Трансграничный политический экстремизм в эпоху
глобализации: общая угроза для безопасности
Российской Федерации и Евросоюза**

Аннотация. Рассматриваются общие как для Евросоюза, так и для Российской Федерации современные угрозы со стороны политического экстремизма. С одной стороны, мы имеем дело с политическим радикальным национализмом организаций и крайне правых партий, с другой — с радикальным исламом, терроризмом исламских фундаменталистов. В своих стратегиях эти две силы одинаково стремятся к дестабилизации регионов, пытаясь привлечь сторонников из числа маргинализованных, озлобленных социальных групп и индивидов.

Ключевые слова: безопасность в ЕС и Российской Федерации, правый экстремизм, миграционный кризис, исламский терроризм.

Abstract. The article is based on a series of sociological and political science empirical researches (qualitative and quantitative) dedicated to issues of national security policy, the integration of national and ethnic minorities, youth radicalization of extreme right-wing, and the current radicalization of immigrants of Muslim background, often leading to terrorism in Europe. The fieldwork was carried out on the territory of three countries: Poland, Russia and France. The overall goal of the article is to present two, common types of contemporary threat both for the European Union and the Russian Federation that has been recently provoked by political extremism. On the one hand, we think of political radical nationalism through the far-right organizations and parties. On the other hand, the article focuses on radical Islamism, in particular on terrorism of Islamic fundamentalists being organized by such subjects as Islamic State and/or Al-Qaeda. The article shows how both the extremists-anti-Islamists (ultranationalists) and extremists-Islamists represent contemporary common threat for Russia and the EU, firstly, in sense of similar strategy of destabilization of these two regions. Secondly, at comparable level they rely on their activists and supporters among the marginalized, frustrated individuals, social and political groups.

Key words: national security in the EU and the Russian Federation, right-wing extremism, migration crisis, Islamist terrorism, the future of relations between the EU and the Russian Federation.

Политический экстремизм и радикализм можно считать проявлениями угроз, общих для безопасности и Евросоюза, и Российской Федерации: с одной стороны, политический радикальный национализм со стороны организаций или крайне правых партий, таких как Альтернатива для Германии (AfD), Свободная партия Австрии (FPÖ); Йоббик в Венгрии, партия KORWIN в Польше или уже запрещенное российское Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ); с другой стороны, радикальный исламизм, терроризм исламских фундаменталистов со стороны таких организаций, как ИГ (ИГИЛ) и Аль-Каида.

Следует отметить, что оба вида радикальных процессов носят чрезвычайно сложный характер, а, учитывая нынешнюю динамику политических, общественных, культурных и религиозных процессов, наблюдаемых в Европе уже в течение последних лет, становится все более очевидной необходимость проведения сопоставительного анализа указанных процессов. Одна крайность влечет за собой другую: радикализация части мусульманской среды, включение мусульман в мировой джихад, огромный приток беженцев из беспокойных регионов мира (в большой части мусульман) — все это влияет на обострение экстремистских позиций в регионе. Например, недавно немецкие спецслужбы задержали ячейку новых, крайне правых террористов [1]. При этом отрицательное отношение к иммигрантской волне охватывает существенную часть европейского населения.

В Польше это касается большинства населения (53%), что заметно влияет на рост поддержки партий и организаций с антииммиграционной риторикой¹. Можно ожидать роста напряженности и конфликтов в отношениях европейского (в том числе и российского) мусульманского населения и националистических группировок, учитывая явную неприязнь или даже ненависть, включая и вовлечение в террористическую деятельность.

Политический экстремизм наиболее широко определяется в категории взглядов и поведений, отличающихся крайностью, выражающих неодобрение существующего в данном месте и времени полити-

¹Это, во-первых, результат очередного исследования Центра исследований общественного мнения (СВОС) от апреля 2016 г. и, во-вторых, один из выводов опросного исследования, проведенного за неделю до октябрьских выборов в Сейм РП среди молодых избирателей (18—30 лет), число опрошенных 1036, «Основание правых избирательных предпочтений молодых поляков», Виневски М., Юрчишин Л., Билевич М. Бееда М (ред.). Центр исследований предубеждений (ЦИП) Варшавский университет / Центр социологических интервенций (ЦСИ) Collegium Civitas, Варшава, 2015.

ческого, общественно-экономического или культурного порядка [3]. Следует добавить, что мы пользуемся термином «экстремизм» в значении применения или призыва к актам символического или физического насилия. Наш анализ опирается на ряд исследований² в области социологии и политологии, посвященных вопросам антисистемных движений, экстремизма и политического насилия, политики общественной безопасности во Франции (исследование миграционной политики, причин и последствий беспорядков, вызываемых неинтегрированной группой граждан иммигрантского происхождения, в большинстве своем мусульманского, в так называемых пригородах, где волнения вспыхивают систематически, все чаще с использованием огнестрельного оружия, вызывая радикализацию общества). В Польше проводилось исследование бригады Национально-радикального лагеря (ONR), опрос касался поддержки идеологии правых организаций среди польской молодежи, а также анализ движения Стоп АСТА в 2012 г. В России объектами исследования, в первую очередь, были причины и следствия деятельности крайне правых (особенно среди футбольных фанатов) и левых сил, а также политика безопасности Российской Федерации (в том числе и миграционная, и реформа полиции) в рамках проекта «Понять насилие в России. Опыт войны, терроризма и экстремизма». Для мэрии Парижа был разработан трехлетний (2009—2011) проект группой исследователей из Центра восточных исследований (CERCEC/EHESS/CNRS). Дополнительно была проведена экспертиза программы UEFA Respect Diversity — усиления общественной безопасности во время организации UEFA EURO 2012 в Польше и на Украине.

Угроза правого экстремизма

Одним из основных результатов исследований стала обоснованность четкого разделения между процессами ренационализации современных европейских обществ и усиления крайне правого радикализма. В последние годы на территории Европы, включая Российскую Федерацию, мы можем наблюдать, причем задолго до роста прямой угрозы исламского терроризма и волны беженцев, рост обеих тенденций: а) ренационализации; б) радикального национализма. По мнению американского социолога К. Калхуна, первое означает возвращение к оценкам политики, общественных отношений, экономики в национальных категориях, в категориях национальной идентичности, национальных интересов или территориального суверенитета государства

²В конце статьи помещен перечень соответствующей библиографии.

— в оппозиции к унификационным глобализационным процессам [7]. Согласно определению Калхуна, национализм носит нейтральный характер, не является идеологией, которая не ставит данную нацию выше других, не исключает из политически-национальной общности этнические меньшинства.

Дело, прежде всего, касается видения гомогенной идентичности национального сообщества — разновидности национализма, ставящего свой народ выше других и одновременно исключаящего из сообщества конкретные группы меньшинств — другие национальные, этнические, религиозные, сексуальные или социальные меньшинства (например, инвалидов, бомжей). Признаками также являются: этноцентризм, евроскептицизм, ксенофобия, расизм, зачастую традиционный и современный антисемитизм, антикоммунизм, антиплюрализм, социальный дарвинизм, склонность к насилию, авторитаризм и милитаризм, восхваление дисциплины и порядка и, наконец, установка — «больше общественных, национальных обязанностей и меньше индивидуальных гражданских прав». В экономических вопросах, в зависимости от конкретной группировки, в основном, имеем дело с совмещением рыночной экономики (иногда с ортодоксальным экономическим либерализмом) с существенной ролью сильного социального государства [10]. Следует отметить, что радикальные взгляды или позиции не всегда приводят к актам насилия (расистского или ультранационалистического толка).

Так, три последних глубоких кризиса, которые до сих пор пытаются преодолеть Европа, влияют на динамичное развитие радикального национализма и тем самым — на рост поддержки радикальных организаций и крайне правых партий. Дело тут в долгосрочных экономических последствиях финансового кризиса 2008 г. Терроризм связан с проблемами интеграции мусульманских меньшинств в европейские общества. Проявления и последствия миграционного кризиса предугадать невозможно. Влияние упомянутых кризисов на поддержку правоконсервативных и крайне правых партий можно проследить по результатам упомянутого выше опросного исследования «Почва правых избирательных предпочтений молодых поляков», проведенного Центром исследования предубеждений (ЦИП) Варшавского университета и Центром социологических интервенций Collegium Civitas [2]. Исследователи провели опрос за две недели до парламентских выборов; опрашиваемая группа составляла 1036 поляков в возрасте 18—30 лет. Целью исследования было выяснение общественно-психологической почвы политических предпочтений и предполагаемой роли дискуссии на тему беженцев, мусульман и терроризма как

факторов, влияющих на предпочтения молодого поколения избирателей. Результаты получились весьма интересными. Молодые поляки за неделю до парламентских выборов в большинстве своем заявляли, что отдадут свои голоса (почти 60%) скорее за правые политические партии (более консервативные, национальные и крайне правые): за «Право и справедливость» (24,5%), «Кукиз—15» и «КОРВиН» (12,9%), или же за центристские, либеральные или левые партии («Гражданская платформа» 14,1%), «Современная» (4,8%), «Объединенные левые» (3,2%), «Вместе» (1,7%). Примечательно, что полученные результаты в большой мере совпали с результатами exit poll (проведенного агентством IPSYS для частного канала TVN 24) — «Право и справедливость» (25,80%), «Кукиз—15» (19,90%), КОРВиН (14,6%), «Гражданская платформа» (14,6%), «Современная» (8,5%), «Вместе» (5,2%), «Объединенные левые» (3,9%).

Исследователи установили, что правый сдвиг избирателей связан с явлением депривации (субъективного восприятия ухудшающегося материального положения поляков), авторитарными тенденциями (нужда в сильном лидерстве и требование мировоззренчески однородного общества), а также с антииммигрантскими, антимульманскими предубеждениями, что связано с нынешней террористической угрозой. Последний фактор во время предвыборной кампании мог повлиять на успех в выборах правых формаций.

Стоит отметить, что ультра националисты традиционно набирают своих сторонников и сочувствующих из числа маргинальных социальных групп [5], хотя последние исследования подтверждают тезис о том, что современные крайне правые сосредоточили усилия, чтобы завоевать популярность среди представителей среднего класса, и это явление имеет место в самых богатых странах Европы [11].

Запугивание иммигрантами в предвыборной кампании дало ожидаемый эффект. Швейцарская народная партия в октябре 2015 г. выиграла парламентские выборы в Швейцарии. Похожая по содержанию предвыборная кампания помогла выиграть в первом туре 24 апреля 2016 г. президентские выборы кандидату от Австрийской партии свободы (FPÖ) (35,1% голосов). В Германии право-популистская «Альтернатива для Германии» (AfD) добилась внушительного успеха в выборах в ландтаги, вошла во все три парламента, а в Саксонии «Антхальт» получила блестящий результат — 21,5%. Во Франции в декабрьских региональных выборах 2015 г. «Национальный фронт» беспрецедентно выиграл первый тур, но в конечном итоге во втором туре не выиграл ни в одном регионе. Примечательно, что несмотря на неудачу в последних региональных выборах, эта партия победила в

последних выборах в Европарламент и у ее лидера — Марин Ле Пен есть все шансы выиграть президентские выборы в будущем году.

Проблема угрозы крайне правого экстремизма в большой мере касается общественного и политического порядка в России, именно в этой среде существует потенциал возникновения относительно сильной оппозиции к все более авторитарной власти. И поэтому ведется решительная борьба силовиков с организациями и сочувствующими в среде националистов в России. Свыше 2000 активистов крайне правых сил отбывают сроки в колониях, в том числе Александр Белов, лидер запрещенного Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ). Похожая судьба ожидает и бывших «лимоновцев» — деятелей Национал-большевистской партии, которая также оказалась в списке экстремистских организаций еще в 2008 г. Нельзя забывать о сильной инфильтрации (и массовости этого явления) среды футбольных фанатов ультранационалистскими организациями [6]. Стоит здесь напомнить большую манифестацию на Манежной площади в декабре 2010 г. в Москве, закончившуюся беспорядками с участием около 5 тыс. фанатов и националистов и значительного числа сил правопорядка. Беспорядки были вызваны медлительностью милиции в расследовании убийства фаната «Спартака» Егора Свиридова. ДПНИ было запрещено именно вследствие своего активного и эффективного участия в организации демонстраций на Манежной площади.

Угроза исламского экстремизма

Вторым видом общей угрозы для ЕС и Российской Федерации со стороны политического экстремизма являются радикализация исламских фундаменталистов, и их наиболее фанатичная форма — террористическая деятельность, которая показала свой страшный лик в Европе в текущем и прошлом годах.

Во Франции ноябрьский 2015 г. теракт был совершен организацией экстремистов из так называемого ИГ и, по сути, стал самым трагическим в истории Франции террористическим покушением (жертвами стали 130 человек). В январе 2015 г. в Париже радикальными исламистами из «Аль-Каиды» был совершен шокирующий теракт в отношении сотрудников и журналистов «Шарли Эбдо», полицейских и других граждан (погибли 12 человек). 22 марта в Бельгии был совершен теракт, жертвами которого стали 32 человека, он также стал самым трагическим терактом в этой стране, за который несет ответственность ИГ (ИГИЛ, ДАИШ). Октябрьский теракт 2015 г. террористов ДАИШ в Египте был прямо нацелен на Российское государство. На борту взорванного самолета «Аэробус» находилось свыше 220

граждан России, возвращавшихся с египетского курорта в Санкт-Петербург.

Упомянутые выше теракты показали, что современный терроризм исламских фундаменталистов связан не столько с радикальным пониманием религии, сколько с общественно-экономическим кризисом в той или иной европейской стране. Недостаточная социально-экономическая и культурная интеграция мусульманского меньшинства является благодатной почвой в процессе набора, проводимого исламскими радикалами среди членов маргинальных групп. Последние исследования показали, что подавляющее большинство исполнителей терактов на территории ЕС — это ее же граждане, и что любопытно — около 20% составляют вновь обращенные в ислам, и они при этом представители среднего класса (около 30%) [12].

Кроме того, следует указать на важный геополитический фактор: влияние нынешней военной разрухи на территории Ближнего Востока (особенно в Сирии) и в Африке (вооруженные конфликты и беспорядки в Ливии) на усиление угроз со стороны воинствующего ислама в регионе. Если посмотреть на ИГ, мы в меньшей степени имеем дело с типичным религиозным терроризмом, а скорее с политическим терроризмом как с организованной формой внутреннего (отечественного) терроризма, так и внешнего (глобального). Религия остается лишь действенным инструментом для набора членов в упомянутые террористические организации. В этом контексте следует назвать существенные цифры, указывающие на похожие и общие угрозы со стороны исламского экстремизма для России и ЕС. Известно об участии около 5 тыс. так называемых *foreign fighters* — граждан стран — членов ЕС, активно участвующих в военных действиях в Сирии, Ираке или в Афганистане, а также 3 тыс. граждан России и других стран СНГ. Существенная их часть состоит и в «мировом джихаде» на восточной территории Северного Кавказа, где действительность напоминает скорее ближневосточную, чем российскую: ключевым фактором, организующим общественно-политическую жизнь, остается ислам, а конфликты, нередко кровавые, внутри исламского сообщества являются движущей силой событий в регионе [9]. Следует добавить, что ныне наблюдаемые события иллюстрируют более широкие процессы, идущие в той части Северного Кавказа уже несколько десятков лет: бурная реисламизация и дерусификация региона и его цивилизационно-культурный отход от России [8] организация Кавказского Эмирата — отрядов, декларирующих верность ИГ (ИГИЛ).

Резюмируя, следует сказать, что как экстремисты-атиисламисты (ультранационалисты), так и экстремисты-исламисты в настоящее

время представляют угрозу и для России, и для ЕС: во-первых, в своих стратегиях они делают ставку на дестабилизацию этих регионов, во-вторых — привлекают своих сторонников из числа маргинализованных, неудовлетворенных отдельных людей и слоев населения.

Общие угрозы для ЕС и России вызывают необходимость совместного противостояния этим современным вызовам, даже если оба региона в последнее время остаются в состоянии конфликта. Динамика развития описываемой общей угрозы уже требует — и, наверное, потребует в будущем еще больше — совместной, решительной реакции. В контексте борьбы с исламскими террористами и еще большей интенсификации этой угрозы не исключено, что возникнет необходимость создания (очередной, после 9 ноября 2001 г.) глобальной антитеррористической коалиции. В то же время в контексте ультранационалистической радикализации уже сейчас можно обмениваться опытом, противодействуя политическому экстремизму такого типа. Российская Федерация будет хозяином Чемпионата мира по футболу в 2018 г. Как известно, в футбольной среде существуют группы крайне правых экстремистов. В этой связи стоит вспомнить польский положительный опыт, которым Россия могла бы воспользоваться. Имеется в виду недавний успех организации Чемпионата Европы по футболу «Евро — 2012», когда в течение месяца в Польшу и на Украину прибыли свыше 2,5 млн болельщиков/туристов разного этнического, национального и религиозного происхождения.

Итак, очевидно, высшей целью как в ЕС, так и в России должны стать усилия государств, направленные на максимизацию противодействия радикальным позициям в обществе. Именно поэтому так важно и научное сотрудничество между ЕС (и отдельными его членами) и Российской Федерацией [4].

Литература

1. Германия. Аресты по делу крайне правой террористической группировки // *Gazeta Wyborcza*. 2016. 19. 04.
2. Основание правых избирательных предпочтений молодых поляков / Под ред. М. Виневски, Л. Юрчишина, М. Билевич, М. Беда. Варшава: Центр исследований предубеждений (ЦИП), Варшавский университет, Центр социологических интервенций (ЦСИ), 2015.
3. Политический экстремизм в современном мире / Под ред. А. Мороска-Бонкевич. Вроцлав: Научное издательство Нижнесилезской высшей школы, 2012.

4. *Юрчишин Л.* Методологические преимущества научного сотрудничества в эпоху глобализации // Международное сотрудничество в сфере науки и образования. Калининград: Калининградский университет, 2014.
5. *Юрчишин Л.* Примкнувшие к националистам. Интервью // Ньюсуик (Newsweek). 2016. № 19.
6. *Юрчишин Л.* Футбольный стадион: современный бастион российских радикальных националистов. Никогда больше. Специальный номер, посвященный UEFA/EURO—2012 в Польше и на Украине. 2012. № 20.
7. *Calhoun C.* Nations Matter: Culture, History, and the Cosmopolitan Dream. Routledge, 2007.
8. *Falkowski M* Rosyjski «Bliski Wschód»: eskalacja konfliktów religijnych na Kaukazie Północnym // ЦВИ. 2016. 04.04.
9. *Falkowski M., Lang J.* Homo jihadicus. Islam na obszarze byłego ZSRR a fenomen postsowieckich bojowników w Syrii i Iraku // ЦВИ. 2015. Сентябрь.
10. *Jurczyszyn L.* Jak skrajna prawica budzi się w Europie (Wschodniej) // Wschód przyłączony. Integracja i transformacja Europy po roku 1989. Instytut Studiów Zaawansowanych.
11. *Jurczyszyn L.* Violences urbaines. Une comparaison: France, Russie, Pologne. Presses Académiques Francophones, 2015.
12. *Khostrokhavar F.* La Radicalisation. Éditions de la Maison des sciences de l'homme. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2014.

References

1. Germaniya. Aresty po delu krajne pravoy terroristicheskoy gruppirovki // Gazeta Wyborcza. 2016. 19. 04.
2. Osnovanie pravyykh izbiratel'nykh predpochtenij molodykh polyakov / Vinevski M., YUrchishin L., Bilevich M., Beeda M (red.) Varshava: TSentr issledovaniy predubezhdenij (TSIP), Varshavskij universitet, TSentr sotsiologicheskikh interventsij (TSSI), 2015.
3. Politicheskij ehkstremizm v sovremennom mire / Moroska-Bonkevich A. (red.). Vrotslav: Nauchnoe izdatel'stvo Nizhne-silezskoj vysshej shkoly, 2012.
4. *Yurchishin L.* Metodologicheskie preimushhestva nauchnogo sotrudnichestva v ehpokhu globalizatsii // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere nauki i obrazovaniya. Kaliningrad: Kaliningradskij universitet, 2014.

5. *Yurchishin L.* Primknvshie k natsionalistam. Interv'yu // N'yusuik (Newsweek). 2016. № 19.

6. *Yurchishin L.* Futbol'nyj stadion: sovremennyj bastion rossijskikh radikal'nykh natsionalistov. Nikogda bol'she. Spetsial'nyj nomer, posvyashchennyj UEFA/EURO-2012 v Pol'she i na Ukraine. 2012. № 20.

VI

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

М.А. РУМЯНЦЕВ

**Антропология хозяйства в «Обретении» Ю.М. Осипова
(опыт понимания)**

Русская истина не очень приятный спутник: это не каждодневная правда, а воистину бессмертная Истина, которая есть сама душа того, что истинно. И если Истину удастся отыскать, она придает творческому воображению блеск и величие.

В. Набоков

Аннотация. Дан читательский взгляд на основные положения сочинения Ю.М. Осипова «Обретение», предпринята попытка раскрыть содержание философско-хозяйственной антропологии в трудах Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: философия хозяйства, Россия, антропология, человек, сознание, экономика, деньги.

Abstract. Given the reader's opinion on the main provisions of the writings of Yu.M. Osipov «Finding», an attempt to reveal the contents of the philosophical-economic anthropology in the writings of Yu.M. Osipov.

Key words: The philosophy of economy, Russia, anthropology, person, consciousness, Economics, money.

В «Обретении» [4] Ю.М. Осипов дает вполне нелицеприятное понимание человека: человек есть «бездник», «хаосник», «зверь по природе», вдобавок порождающий «зверчеловеческий хаос» в мире. Сформулировано жестко, да и жестоко, в целом беспросветно. Однако нас интересует сам механизм становления и завершения осиповской антропологии. В «Обретении» Ю.М. Осипов вплотную подошел к тайне границы философии хозяйства: к переходу от бесконечного становления атрибутов, артефактов, озарений и проникновений в существо дела — к пределу философско-хозяйственного «знания/размышления», которое, исчерпав свое внутренне содержание, подошло к окончательному результату, к своему концу, или началу «иног». Иными словами, самодвижение философии хозяйства (как и любой

вещи на свете) сводится к ее предельному значению, только в котором прозрачно проступает цель, к которой она стремится. Предел есть истина, цель и душа любой вещи, и философии хозяйства в том числе.

К каким же пределам подошла философия хозяйства в «Обретении»? Сам автор ведет речь об обнаружении «потаянных смыслов» и «логик» творения, творящего, творимого и сотворенного. Хозяйство интересует Ю.М. Осипова не более и не менее как взятые с точки зрения Творца неведомое первоначало и конец всего, Апокалипсис. Иное в конце — иное в начале — и под их перекрестными лучами располагается хозяйствование человека, таким образом автор манифестирует свое видение «краев», а стало быть, и смыслов, хозяйственного бытия. А коль скоро это — так, то и Бог, и дьявол возникают перед читателями «Обретения» во всей своей силе и начинается философско-хозяйственная мистерия, мировая эсхатологическая битва за человека.

Вряд ли мы согласимся с автором «Обретения» в том, что человек есть зверь «по природе». Наша восточнохристианская мысль исходит из того, что грех — это некая субстанциональная испорченность человека, обусловленная его свободной волей, исконной предрасположенностью к грешению, а не его природой. Следуя Св. Писанию, православие учит, что изначально человек был создан совершенным и по телу, и по душе (Быт. 1:31), и что грехопадение повлекло за собой повреждение его душевных сил (Быт. 3:31). Поскольку изначальная природа человека была благой, то, замечал св. Иоанн Дамаскин, грех человека зависит «не от его природы, а от свободной воли. При содействии благодати Божией он мог быть и преуспевать в добре» [6, 37]. С христианской точки зрения личность — это человек как носитель самопознания, волящий и принимающий решения по совести субъект, тот, кто владеет качествами, свойствами, энергиями, кто разворачивает их в реальном бытии [2]. Тем более что Софию в «Обретении» сам Ю.М. Осипов понимает экзистенциально и антропологически — как чувство, мысль, слово Божие, выраженное не внешне, а во внутреннем переживании человека.

Но нельзя не увидеть, что Ю.М. Осипов зафиксировал совершенно реальную ситуацию апостасийного отпадения человека — по мере эволюции экономизма, постмодернизма и так ныне вдохновляющего интеллектуалов бесполого трансгуманизма — от своего Создателя, от Бога. В современном мире речь идет об изменении с помощью гуманитарных, нано-, био-, цифровых и прочих технологий самой человеческой сущности, или природы человека. А это бунт против Творца, ибо человек создан по Его образу и подобию. Пересотворяя чело-

века, мы уподобляем его сатане, создаем дивное прелестное телесное обиталище — для бесов.

Метафизика «Обретения» в последовательности ее имманентного внутреннего развития неизбежно ведет к сознанию человека как к «фактору хозяйственного бытия», и не просто к фактору, а к сознанию как «работающей трансценденции». Сознание, по Осипову, есть «метафизическая игра» со всем сверхъестественным, причем такая игра, что в любой экономической оценке и в любом экономическом действии «сидит» действие метафизическое. К последней мысли мы еще вернемся. Здесь же отметим, что, согласно автору «Обретения», сознание и «есть Бог». Если бы не сознание, которое от Бога, то человек никуда бы не ушел от своей зверской природы, был бы всецело «бездником» и «хаосником».

Безусловно, наше сознание *и* от Бога. Но сознание есть сфера самоопределения человека и именно и только в сознании возникают ошибки, промахи, зигзаги — и зверства, которые у самих по себе зверей невозможны. Сознание и разум — трагические феномены свободы воли человека. Процессы, идущие от сознания, имеют своим источником не сферу обезличенного «предопределения» к добру или злу, но область самоопределения субъекта, и потому они нелинейны и многовариантны. Там, где в игру включается человек, движение системы изображается не прямой линией, а набором зигзагообразных вариаций, отклонений от этой прямой. Хозяйственное и экономическое бытие состоит из траекторий, так или иначе «уклоняющихся» от объективных условий жизни. Подобные «уклонения» в результате галлюцинаций сознания дают нам реальную, наличную экономику и реальное, наличное хозяйство в их конкретно-историческом бытии.

Стало быть, сознание *и* от дьявола. В этой интуиции Ю.М. Осипов категоричен: «если человек, принимая Христа, не уклонился от дел мирских», «Христовы императивы не выносимы для него», то он не мог «не принять Антихриста». Вероятно, Осипов полагает, что если полностью преодолеть отступничество большинства людей от Бога невозможно, то идущие от Антихриста сребролюбие, стяжание, эгоизм и «зверства» суть неискоренимые спутники человека и человечества. Пусть так, но тогда получается, что все (деяния, свершения, индивидуальности, вещи и пр.) от Антихриста — и Бог уже «проиграл», или даже «умер», пусть только в нашем сознании?

А так ли это? Сам Ю.М. Осипов пишет, что человек бывает то ангелом, то демоном. Продолжим эту мысль и возьмем для примера «зверства». Ясно, что злобу, войны, смертоубийства, страдания и «зверо-человеческую» жестокость Бог никак не одобряет и одобрять не

может. Но часто бывает, например, на войне, что самим людям смертоубийства и жестокости кажутся достойными и жертвенно необходимыми. Принципиально и важно, что человек, попав в ситуацию экстрима, отрекается от себя, от своего эго, от служения своему мелочному, тщеславному и корыстному «я». Буржуазно-мещанское самодовольство уходит на периферию самосознания, и маленький человек вдруг вырастает до пределов всего мироздания (вспомним Пьера Безухова), а то и отдает жизнь «за други своя». Да не только воин, но даже корыстолюбивый бизнесмен и себялюбивый управленец, служа делу, отождествляя себя со «своим делом», в чем-то важном отрекаются от себя и оставляют нам железные дороги, космодромы, мосты, инфраструктуру воспроизводства жизни и прочие творческие артефакты техногенной цивилизации.

Как ни странно, на языке философии подобную метаморфозу субъекта выразил не кто иной, как философ панлогизма Гегель. Оказываясь в экзистенциальной ситуации человек «смотрит в лицо негативному, пребывает в нем, узнает свой предел и преодолевает его». Когда же мы «смотрим в лицо негативному»? Граница бытия и ничто, жизни и смерти проходит в человеке, дает возможность, оставаясь в мире, увидеть свое мирское бытие как бессмысленное и ничтожное [1, 188—243]. Человек ощущает свободу от всякого бытового ограниченного существования — и в «огне негации» рождается пассионарное, творческое, жертвенное и благое. Так или иначе, метафизическую игру с человеком и сознанием начинает дьявол, а побеждает Бог. Или, по Осипову, «любое бытие есть преобразуемая антиэнтропийным сознанием энергийная бездна».

Вообще, при чтении «Обретения» и ряда других текстов Ю.М. Осипова складывается впечатление, что ему интересны, прежде всего, Иное, Бог и дьявол, «края бытия», а середина — хозяйство «в себе» или экономика «для себя» — не очень-то его и интересует. Но это далеко не так. Дело в том, что Юрий Михайлович Осипов избыточно обладает непостижимой для обыденного сознания способностью, которую Кант назвал «трансцендентальным воображением». Чтобы из многообразных чувственно-наглядных представлений о жизни возникло понятие или понимание эмпирии во всей ее мозаичной полноте требуется особая загадочная способность к синтетическому мышлению, преодолевающему разобщенность фактов, которую немецкий философ и обозначил как трансцендентальное воображение. Это воображение у автора «Обретения» столь велико, что он может иносказательно, на особом языке символов и образов ухватить суть и тенденции хозяйственно-экономических процессов, часто остающихся

непонятными для «ученых-экономистов», «институционалистов» и прочих «макроэкономистов» (вот удивительное словечко, не правда ли?).

К современной финансово-денежной экономике Ю.М. Осипов прилагает такие метафоры, как «вмененная ирреальность», «счетно-расчетная магия», «сакрализованные числа» — и все они в конечном счете ведут к кризисам и катастрофам, к утрате человеческого и социального, к расчетно-бездушной «техноэкономике». В другом сочинении нашего автора мы читаем: «Стоимость всегда вменяется — людьми, их решениями, но, вмененная, она уже и сама работает, вменяясь в экономические параметры». И, далее, «деньги — оборотень», «деньги творят чудеса: они расставляют, производят, распределяют, перераспределяют, побуждают, эксплуатируют, убивают. Они это умеют делать и делают сами, но главным образом все-таки вытворяют это по субъектно-субъективной указке — сверху и из центров!» [3, 149—161].

А можно ли вышеприведенный смысл стоимости и денег выразить на окостеневшем псевдоакадемическом языке ученых педантов, родившемся из умственного блуда или, по Осипову, из «концептуального распятия Христа»? Вряд ли, слишком громадна и не подъемна тема денег, финансов, кризисов. Чтобы ухватить ее суть, потребен язык образный, сочный, необычайный. И вот что показательно. В свое время Ф.М. Достоевский настолько был зачарован и озабочен финансовыми кризисами, что написал на эту тему — редчайший для него случай! — стихи:

*Крах конторы Баймакова,
Баймакова и Лури,
Вместе зрели оба кова,
Два банкротства — будет три!
Будет три, и пять, и восемь,
Будет очень много крахов
И на лето, и под осень (...).*

Слово «ковы», о которых идет речь у Достоевского, между прочим, происходит от древнеславянского «ковъ» — дурное намерение, обман. Обратим внимание, что Федор Михайлович, как и Юрий Михайлович, видит в финансово-денежных нестроениях рукотворное, а никак не объективное, предустановленное некими «законами экономики» начало. В статье «Экономика как царство беззакония» Ю.М. Осипов в сгущенном виде отчеканил смысл своей экономической антропологии: «всё проходит через головы, в них и вершится.

Деньги, цены, капиталы, инвестиции, их динамика — все это продукция экономических голов: индивидов, коллективов, институций. Но головы эти разные по мощи своих разрешений — и среди них находятся такие, которые способны к организации не только самих себя, но и близкого или даже далекого от них экономического пространства — со всеми его экономическими параметрами, субъектными поведением, движениями стоимости» [5, 60—64].

Вернемся к «Обретению». Среди трансцендентальных прозрений автора выделю еще одно — о России, об отечественной антропологии и связанной с ней ритмичности российского хозяйства. Россия как страна-приключение, страна-экстрим порождает свой тип личности, всегда недовольной и требующей иного. Русский человек, по Осипову, по природе своей не признает институциональных опосредствований, идущих от культуры и цивилизации, он живет и под небом, и над бездной сразу, в непосредственной близости к Богу и дьяволу, к святости и к inferнальности. Отсюда страсть к рывкам, к имперским мироустроительным планам — в чем-то еретическим преобразовательным сверхнапряжениям. Исторические ритмы России в результате предстают как чередование таких стадий: большой рывок, творческий подъем — длительная инерция — и далее застой, окостенение. Эта мысль Ю.М. Осипова соотносима с идеей Л.Н. Гумилева о «струнно-колебательных волнах» истории России — Северной Евразии. По Гумилеву, рождающийся новый пассионарный центр дает первотолчок, струны русской истории натягиваются и звенят, импульсы от сверхнапряжения расходятся во времени и пространстве — и затухают. Думаю, мы вправе говорить о «гумилевско-осиповской концепции» больших и совсем не Кондратьевских волн российского развития.

В первом приближении долговременная хозяйственная динамика России, по Осипову — Гумилеву, выглядит так. Когда очередная модель общественно-хозяйственного устройства исчерпывает себя, в России происходит смена центров власти и стратегий развития. И тогда новый центр развития дает «струнно-колебательный» первотолчок всему хозяйственному движению. Понятно, что длительность такой «струнно-колебательной волны» определяется мощностью властного первотолчка, уровнем энергичности элит и народа. Новые типы развития базируются на появлении новых столиц и новых метафизических смыслов. Новый центр проводит долговременные стратегии — большие инфраструктурные проекты, которые создают движущие силы роста за счет длительного затухающего эффекта от масштаба и диффузии инноваций на больших пространствах — «неудобиях» России. В

дальнейшем наступают застой и окостенение всего общественно-хозяйственного бытия, вплоть до нового большого имперского рывка.

Перейдем к выводам.

1. В «Обретении» Ю.М. Осипову удалось увязать воедино трансцендентное, мистериальное, метафизическое с хозяйственно-экономическими практиками личности. Следовательно, если мы рассматриваем мир хозяйства как инобытие сверхсущего, то у категорий научно-экономического познания не может быть самодостаточного статуса, они образуют превращенную форму отношений человека к Христу и Антихристу.

2. Ю.М. Осипов на философско-хозяйственной основе воссоздал присущее отечественной мысли положение о приоритете субъектного, идущего от сознания и воли человека начала над стихийными экономическими закономерностями, будто бы «от воли людей не зависящими», которое всегда было руководящим принципом для славянофилов, евразийцев, почвенников. При этом автор «Обретения» раскрыл особую роль «метафизического действия» в любом хозяйственно-экономическом оценочном артефакте. К примеру, суть современных виртуально-спекулятивных до дурной денежной беспредельности «оцифрованных» транзакций видится в порче человека вожделием счета, антихристовой жаждой количественной стерилизации бытия. И разве это не так?

3. Порой у читателя «Обретения» складывается впечатление о пессимистическом и даже безнадежном видении автором человеческой природы и человеческой истории. Ясно, что Страшный суд всегда близок — но ведь и тысячелетнее Царство праведных тоже. А Ю.М. Осипов показывает нам, что и дьявол движет историю, что не герои, подвижники, творцы, а «тихие серые правители» обладают реальной криптовластью. Серый, кстати, цвет дьявольский. Где же противление злу силою, где меч, который принес в мир Христос — может спросить прямолинейный читатель. Но именно «Обретение» и другие запредельные тексты Юрия Михайловича Осипова со всей мощью являют собой силу, противостоящую злу, а может быть, и концептуальный меч Победы.

Литература

1. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля. Пер. с фр. СПб.: Изд-во Владимир Даль, 2006.
2. Зенько Ю.М. Основы христианской антропологии и психологии. СПб.: Речь, 2007.

3. *Осипов Ю.М.* Деньги // Антология современной философии хозяйства: В 2 т. Т. 2 / Под ред. Ю.М. Осипова. М.: Магистр, 2008.
4. *Осипов Ю.М.* Обретение. М.: ТЕИС, 2011.
5. *Осипов Ю.М.* Экономика как царство без-закона // Проблемы современной экономики. 2015. № 1.
6. *Протоирей Митрофан.* Православие, римо-католичество, протестантизм и сектантство. Сергиев Посад: Изд-во Свято Троицкой Сергиевой Лавры, 1990.

References

1. *Val' Zh.* Neschastnoe soznanie v filosofii Gegelya. Per. s fr. SPb.: Izd-vo Vladimir Dal', 2006.
2. *Zen'ko Yu.M.* Osnovy hristianskoj antropologii i psihologii. SPb.: Rech', 2007.
3. *Osipov Yu.M.* Den'gi // Antologiya sovremennoj filosofii hozyaistva / Pod red. Yu.M. Osipova: V 2 t. Т. 2. М.: Магистр, 2008
4. *Osipov Yu.M.* Obretenie. М.: TEIS, 2011.
5. *Osipov Yu.M.* Ehkonomika kak carstvo bez-zakoniya // Problemy sovremennoj ehkonomiki. 2015. № 1.
6. *Protoirej Mitrofan.* Pravoslavie, rimo-katolichestvo, protestantizm i sektantstvo. Sergiev Posad: Izd-vo Svyato Troickoj Sergievoj Lavry, 1990.

Ф.И. ГИРЕНОК

Отклик на поэму «Блики и срезы»*

Аннотация. В статье разбирается книга Юр. Михайлова «Блики и срезы». По мнению автора статьи, Юр. Михайлов принципу гуманизма противопоставляет принцип софийности. В человеке главное не личность, а устремленность за пределы человеческого к Софии.

Ключевые слова: современная русская литература, гуманизм, София, абсурд, человек.

* *Михайлов Юр.* Блики и срезы. Невразумительное чтиво, или Книга ни о чем и ни для кого. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина. 2015. 730 с.

Abstract. Yur. Mikhaylov's book «Patches of light and cuts» understands article. According to the author of article, Yur. Mikhaylov opposes to the principle of humanity the principle of a Sofia. In the person the main thing not the personality, and tendency out of limits human to Sofia.

Key words: modern Russian literature, humanity, Sofia, absurdity, person.

У меня в руках поэма «Блики и срезы» Юр. Михайлова. Бреду по «стихобредням». Читаю: «Друг — другой, — такой же, как и я». И здесь же предостережение: «Измена — фактор роковой». Чуть далее: «Как сладостно с друзьями расставаться!».

Мне грустно и зябко. Другого не жалко, потому что другой хочет дать нам форму. Другой определяет нашу сущность. Хотя разве можно жить без другого? Без того, кто обернется на «эй, послушайте». А что, если этот другой в тебе, ты сам? Не относимся ли мы к себе, как к другому? Расстроенный другим, заглядываю в «Ненужное». Выбираю «Блаженство». В нем по-змеиному мудрое признание:

«Теперь — на склоне лет — я понимаю,
зачем отшельники в глуши пустынь гнездятся
и почему уходят старцы из ими вскормленных семей;
они уходят от людей — весьма уже постылых,
как раз туда, где их — людей — поменьше,
а то и вовсе нет...».

В поэме Юр. Михайлова никто не желает кланяться человеку. Мне даже кажется, что здесь его не любят. А ведь еще недавно в человеке искали следы присутствия личности. В поэме ни один блик и ни один срез не напоминает нам о существовании личности. Теперь главное не личность, а человек. Вернее, даже не человек, а устремленность за пределы человеческого, или, как говорит герой поэмы, устремленность к Софии. Теперь мы знаем, зачем уходят старцы и почему они все бросают. Ответ поэмы таков — чтобы «войти в себя, собой побыть». Герой поэмы Юр. Михайлова отворачивается от мира, в котором есть все, но нет нашего «я». Он неуклонно идет к себе, чтобы встретиться со своей самостью. Чтобы однажды заговорить не на языке другого, а на своем языке. Однако тот, кто говорит от своего имени, должен принять как должное непонимание и одиночество. В поэме я нахожу проникновенное:

«Мой голос одинок,

он вопиет в людской пустыне,
среди давно уже глухих
и ничего уже не зрящих».

Как можно жить среди глухих? Либо оглохнуть самому, либо рискнуть пройти через абсурд. Абсурд — это отрицание глухоты. Оглохшие, потерявшие слух не слышат голос Бога. А мы не глухие, ab-surdum, мы еще слышим голос Бога. Тема одиночества развивается неожиданным образом в «Недоуменьи»:

«Я все пишу!
Зачем? Не знаю!».

Бессмыслица для героя поэмы — это не отсутствие смысла. Это возможность его найти, т. е. учредить. Герой Юр. Михайлова все знает. Он говорит:

«Мне никто уж не нужен, да и я — никому!
Сам себя ненавижу, сам себя и люблю...».

И вот в «Памятнике» лирический герой поэмы признается:

«Я зрю — придет еще на Землю гений,
Которого заденет скрытый в текстах смысл...».

К.А. ХУБИЕВ

О научной школе Ю.М. Осипова

Аннотация. Впервые предпринята попытка обоснования факта формирования научной школы Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: научная школа, школа Цаголова, школа Осипова.

Abstract. The brief summary: the first attempt to study the fact of the formation of the Osipov's scientific school.

Key words: scientific school, Tsagalov's school, Osipov's school.

Никогда прежде не испытывал больших затруднений по поводу написания поздравительных текстов по случаю юбилеев коллег и дру-

зей. Иногда это удавалось даже в стихотворной форме. А на Осипове Юрии Михайловиче осекся. Талант, творчество и иные подобные и привычные слова не помогли. Потребовались иные, особенные и индивидуальные характеристики, не похожие на других. После долгих размышлений остановился на *Явлении*, имея в виду таинство и неограниченное пространство для извлечения характеристик, для описания личности Юрия Михайловича.

Высшей характеристикой результатов труда ученого я считал и считаю создание научной школы. Она безусловно относится и к Юрию Михайловичу. Но научные школы создаются разными способами и путями. На совсем еще недавно прошедшей юбилейной конференции на экономическом факультете МГУ пленарные доклады были посвящены научным школам. Школа Осипова не упоминалась, хотя факт ее существования едва ли может быть оспорен. Тогда почему же торжествует фигура умолчания? А потому что у Осипова не просто школа, а Явление.

Большинство школ возникает в рамках уже существующих научных направлений. Ландау создал научную школу, но он не создал физику. Рикардо создал школу, но он не создал политическую экономию. На упомянутой конференции говорили о школе Цаголова, школе Татура и др. Но их не называли создателями научного направления. Школа школе рознь. Известные школы и достойнейшие люди их создавшие. Эти и другие школы создавались в рамках уже существующих наук, со сложившейся историей, традициями, накопленным научным опытом. А здесь *Явление*. Ни учителей, ни традиций, ни опыта предшественников. Вспахана целина, щедрой рукой посажены растения и разбросаны семена. Пошли всходы, появились и наметились цветенья. Они еще не доросли до уровня тех, чей возраст измеряется столетиями, на выращивание которых потрачены огромные средства и усилия поколений. В крохотной лаборатории кипит работа и создаются труды, соизмеримые с результатами работы целых институтов. Проводимые конференции уже давно стали площадкой притяжения экономистов философского склада мышления, собственно философов, историков и всех тех, кто имеет вкус к философско-хозяйственному, или хозяйственно-философскому, осмыслению действительности. Ширится география, школа приобретает международное звучание.

Эта школа молодая, но иногда амбициозная и даже задиристая. Почувствовав твердую научную почву под ногами, она бросает вызовы направлениям науки, которые годятся ей в отцы и деды. Вызовы эти, хотя порой и дерзкие, но с выдержанной корректностью и достоинством. Поначалу это кажется наивностью времен становления.

Научный малыш чешет зубки. Однако не все так просто. Загадка в таком поведении была. Малыш ли это? Ответ для меня появился из опыта исследования научной школы вообще. Я пришел к выводу, что одним из самых главных признаков научной школы (наряду с наличием лидера, публикаций, сторонников и др.) является ее методологическая самодостаточность. Если школа методологически самодостаточна, она чувствует себя уверенно в любом научно-исследовательском и полемическом пространстве. В свое время школе Цаголова удавалось отстаивать и развивать свои позиции благодаря тому, что она была, прежде всего, методологически самодостаточна. Поэтому был свой системный взгляд на предмет. И теперь, благодаря этому качеству, ее представители имеют свой взгляд на исторически переломные события недавнего прошлого и настоящего. Об этом написано в материалах той самой юбилейной конференции.

Методологическая самодостаточность дает основание школе Осипова вести себя в научном и полемическом пространстве уверенно, самоуверенно, а иногда и дерзко. Пусть оппоненты попробуют оспорить позицию Юрия Михайловича, если он стоит на выработанной собственным трудом методологии и при этом ему никогда не отказывают интеллигентность и благородство. Явление, однако! Много ли сейчас на факультете методологически оригинальных и самодостаточных научных школ? На юбилейной конференции, посвященной 75-летию факультета, на счете «три» возникали большие затруднения. А тем, кому удавалось продолжить счет, приходилось отходить от важнейших качеств, формирования научным сообществом оригинальных научных коллективов. Но не было названо ни одной новой научной школы, которая была бы создана за последние четверть века. Вместе с тем, если бы был поставлен вопрос о возникновении за этот же период заимствованных и имитационных школ, счет пошел бы на десятки! Но так вопрос никто не решился поставить. Мотивами этой же нерешительности, возможно, и объясняется фигура умолчания. Имитационная и копируемая научная машина едва ли расположена к признанию того, что имеет безусловную оригинальность, к тому же с отечественными корнями.

Еще одно таинство есть у школы Осипова. Ловил себя на мысли и задавался вопросом: что же меня, уже давно сложившегося политэконома, освоившего мейнстрим, притягивает на мероприятиях возглавляемого им Центра? Относительно недавно получил для себя ответ через собственный научный опыт. Здесь удастся расширить рамки для исследуемого предмета, продвинуться в понимании сложнейших проблем экономической теории. Дискуссия о деньгах, проводимая

в рамках Центра, помогла расширить представление о всеобщности феномена денег. Понять, что виртуализация инструментов денежного обращения — это не что иное, как очередные этапы продвижения денег к своей сущности всеобщей формы общественного богатства, представленного в единичном. Загадка: какие новые вершины всеобщности будут завоеваны деньгами и чем это закончится? Наверное, мы будем продолжать искать ответы на эти и иные вопросы, продолжая сотрудничать. Полагаю, что в таком положении не один я из тех, кто, не разделяя теорию Ю.М. Осипова, получает возможность расширять мыслительное пространство, утончать инструменты абстрактного мышления, коллективно порождать новую проблематику и новые подходы, развивать методологические навыки.

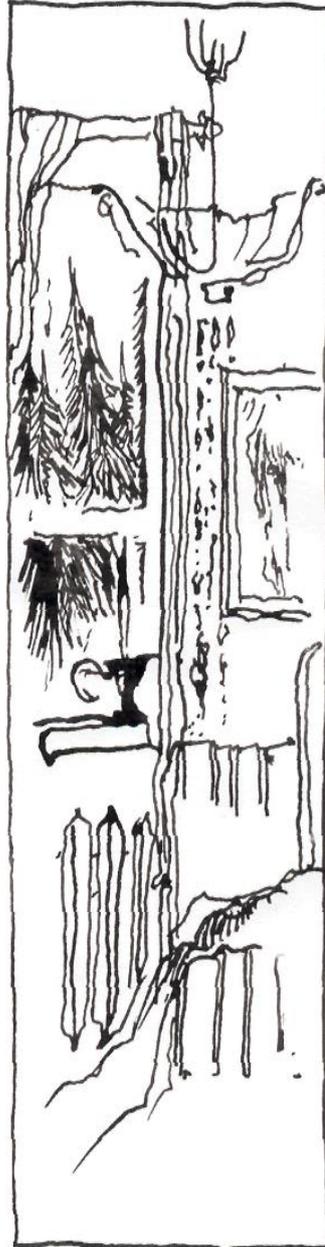
Об отечественных корнях школы упоминалось. Вся ее рефлексивная мощь направлена на проблемы Отечества: его прошлого, настоящего и в особенности будущего. И хотя оригинальность зашкаливает здесь до имперского уровня, все тревоги за судьбы страны и надежды на ее будущее имеют свою — методологически самодостаточную — основу.

Явление школы Осипова имеет неисчерпаемое основание и потенциал развития. Искренне желая ей развития и процветания, хочется поставить вопросы и высказать пожелания. Наверное, следует обратить внимание на вопрос о том, чего в этой школе больше — философии или хозяйства, не с тем, чтобы сокращать интерес к какой-то ее части, а для того, чтобы подтянуть оказавшуюся в тени часть учения. Надо серьезно подумать еще и о взаимодействии с другими теориями и их методологией, имея в виду, что общей закономерностью науки является ее развитие во взаимодействии с другими. Это можно осуществлять, не утрачивая ни своего предмета, ни своего метода, а обогащая и то и другое. И здесь приведу пример из своего научного опыта. В споре о возможностях синтеза классической и неоклассической методологии преобладает отрицание и с одной, и с другой стороны. А голоса в пользу синтеза не подкрепляются убедительными аргументами. Наше решение данного вопроса базировалось на разграничении маржинализма объективного, отражающего предельно убывающие величины в реальной экономической действительности, и субъективного маржинализма, где предельно убывающие оценки основаны на субъективно психологических основаниях. Не может быть синтеза и эффективного методологического взаимодействия между субъективным маржинализмом и классической экономической наукой. А вот объективный маржинализм весьма органично сочетается с классическим подходом. Теория земельной ренты Рикардо и Маркса основана

на предельно убывающем плодородии земли. Причем это не противоречит теории стоимости. Более того, именно стоимостной подход позволил выстроить научную теорию земельной ренты. Закон убывающей нормы прибыли, физические и моральные границы рабочего дня и иные, объективно убывающие экономические величины весьма органично и последовательно раскрываются через стоимость. Возможно, и с развитием школы Осипова утвердятся не трансцендентные отношения к стоимости, а найдутся возможности если не для органического синтеза, то для творческого взаимного обогащения, наверняка.

Замалчиваемой школе трудно. Без институционализации трудно ее развивать усилиями учеников и последователей. Их просто нет, если нет преподавания, если нет научной специальности для защит диссертаций. Возможно, это временные трудности организационно-институционального порядка. Их надо преодолеть. А для этого нужна стойкость, чего не занимать Ю.М. Осипову. Основатель школы встречает свой юбилей в творческой великолепии. Пожелаем сил и здоровья Юрию Михайловичу Осипову. Они как еще понадобятся для продолжения дела, которому отдано так много, а еще больше предстоит сделать. Ведь Отечество еще не вышло на траекторию долгосрочного благополучия. Значит, и поиску пока не видно конца.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

В.В. Чекмарёву — 65

Один из северных столпов политической экономики, еще и зачинателей новой политической экономики, как и создателей одноименного научного журнала «НПЭ», профессор *Василий Владимирович Чекмарёв* достиг вдруг замечательного возраста, когда надо не так итоги великие подводить, как планы грандиозные строить, ибо всё только у 65-летних начинается: статьи, книги, конференции, речи, в общем — *творчество!*

В.В. Чекмарёв — наш большой друг, добрый человек, вольный стрелок, позволивший себе вместе с другим вольным стрелком, А.И. Субетто, неоднократно не без удовольствия пострелять по философии хозяйства — критично, но любовно, за что ему с А.И. и наша сердечная признательность!

Многие Вам лета, Василий Владимирович!

* * *

3 июня 2016 г. В Центральном экономико-математическом институте РАН на научном семинаре «Проблемы моделирования и развития производственных систем» (руководитель — член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер) с докладом «Философско-хозяйственное осмысление экономической реальности» выступил председатель научного совета «Центр общественных наук МГУ», д.э.н., профессор Ю.М. Осипов.

* * *

16 июня 2016 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова лабораторией философии хозяйства при участии научного совета «Центр общественных наук МГУ» была проведена Международная научная конференция «Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение». Ведущий — д.э.н., профессор Ю.М. Осипов. В конференции приняли участие 67 человек, выступили 33 докладчика — доктора наук Ю.М. Осипов, М.Л. Альпидовская, Ф.И. Гиренок, А.В. Кузнецов, В.М. Кульков, К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, Д.Н. Платонов, М.Г. Покидченко, И.В. Пшеницын, Л.И. Ростовцева (Тула), А.И. Субетто (СПб.), Н.А. Шапиро (СПб.), И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский; кандидаты наук М.Н. Глазунов, О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, Е.Н. Калмычкова, С.С. Нипа, С.Л. Сазанова, Е.А. Сенаторова,

И.П. Смирнов, Г.В. Фадейчева (Дубна), Т.Ю. Яковец; научные сотрудники А.А. Антропов, С.С. Мерзляков, Т.С. Сухина, преподаватель И.А. Горюнов, соискатель И.И. Рудяк, аспирант Л.Г. Ахинова.

* * *

27—30 июня 2016 г. в г. Тамбове и поселке Мучкапский Тамбовской области состоялась выездной для научного совета «Центр общественных наук МГУ» и Академии философии хозяйства III Всероссийский научно-практический симпозиум «Средняя Россия: земля и люди» на тему: «Перемены, которые есть, которые нужны и которых нет», организованный Центром и АФХ совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района Тамбовской области. Председатель оргкомитета — руководитель научного совета «Центр общественных наук МГУ», д.э.н. Ю.М. Осипов, сопредседатели — глава Мучкапского района А.А. Хоружий, проректор ТГУ, д.э.н. В.В. Смагина.

28 июня в г. Тамбове на основном заседании симпозиума выступили д.э.н. Ю.М. Осипов (ведущий), заместитель главы администрации г. Тамбова М.А. Пахомов, заместитель председателя Тамбовской областной думы В.М. Юрьев, доктора наук М.Л. Альпидовская, В.Д. Мамонтов (г. Тамбов), И.В. Пшеницын, Л.И. Ростовцева (г. Тула), кандидаты наук Г.В. Булгаков (г. Тамбов), О.В. Доброчеев, Н.В. Логвин (г. Тамбов), С.С. Нипа, И.П. Смирнов, научные сотрудники Т.С. Сухина, С.П. Шевчуков.

29 июня в поселке Мучкапский прошла вторая часть симпозиума — встреча с руководством района и руководителями аграрных хозяйств Мучкапского района. На встрече выступил д.э.н. Ю.М. Осипов. Состоялся обмен мнениями. Среди участников дискуссии были д.э.н. Ю.М. Осипов, глава района А.А. Хоружий, заместитель главы района И.В. Кулаев, глава поселкового совета М.А. Коростелев, генеральный директор ООО «Мучкап-Нива» Ф.Е. Палачев, директор ООО «Восход» С.В. Савинков, управляющий агрофирмой «Мучкапская» А.А. Кузин, управляющий агрофирмой «Троицкая» О.А. Сахно, руководители крестьянских фермерских хозяйств Ю.А. Андрианов, А.П. Зориков, Т.А. Памбухчан, доктора наук М.Л. Альпидовская, И.В. Пшеницын, кандидаты наук О.В. Доброчеев, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, научный сотрудник Т.С. Сухина, ведущий инженер Т.Г. Трубицына, С.П. Шевчуков, Т.М. Осипова.

29 июня участники симпозиума посетили село Кулябовка Мучкапского района, где с 1955 по 1972 г. в качестве председателя колхоза

работал М.Я. Осипов (отец Ю.М. Осипова), прибывший на село посланцем КПСС — тридцатитысячником. Во время пребывания в Кулябовке, основная часть земель которой находится ныне в хозяйственном обороте ООО «Мучкап-Нива», участники симпозиума в местном Доме культуры встретились с жителями села. Выступил Ю.М. Осипов. Состоялся интересный разговор.

30 июня участники симпозиума посетили ООО «Мучкап-Нива». Состоялись встреча и беседа с директором ООО «Мучкап-Нива» Ф.Е. Палачевым, а также знакомство с агрохозяйством.

В ходе симпозиума состоялась встреча Ю.М. Осипова с заместителем губернатора Тамбовской области С.А. Чеботаревым.

В состав делегации ЦОН вошли сотрудники лаборатории философии хозяйства С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына, принявшие участие в подготовке и организации симпозиума.

* * *

АНОНСЫ

ХІ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ МГУ
Интерактивная лекция
«Экономист как практикующий философ»
Ведущий Ю.М. Осипов
8 октября 2016 г.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

*«Российское системное перестроение
как стратегическая неизбежность:
неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»*

*Предлагаемое мероприятие отвечает как текущему бытию
российского общества — прежде всего состоянию и движению наци-
ональной экономики, переживающей заметный конъюнктурный и уже*

хронический структурный кризис, так и потребностям научно-мировоззренческого осмысления протекающей проблемы и турбулентной российской (вкуче с мировой) действительности. Отсюда несомненная актуальность мероприятия, преследующего цель не только всестороннего анализа возникших ситуаций, но и выработки концептуальной картины необходимых (по-своему уже и неизбежных) перестроенческих перемен в России, ее национальном хозяйстве (с учетом новейших мирообусловленных положительных и отрицательных для страны процессов).

Концепт мероприятия носит фундаментальный характер, предполагая наряду с прикладным освещением текущей реальности ее глубокое концептуальное осмысление с учетом новейших онтологических перемен и тенденций, что также предопределяет востребованную временем гносеологическую преобразовательную и функциональную новизну.

Итогом мероприятия станут выдвижение, обоснование и утверждение концепции российского системного перестроения (не перестройки, а именно перестроения), столь необходимого России в настоящий исторический момент, полный не одних кризисных явлений, структурных проблем и инерционных препятствий развитию, но и вполне обозначившихся угроз самому бытию России, ее целостности и будущности.

7—9 декабря 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Заявка на конференцию (анкета и тезисы докладов — не более 2000 знаков) будет приниматься по электронной почте <lab.phil.ec@mail.ru> **с 15 сентября по 31 октября 2016 г.** Обязательное указание темы письма «Заявка на конференцию декабрь — 2016».

Тезисы будут опубликованы в электронном виде и размещены на сайте лаборатории <http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/>.

К публикации принимаются тезисы, оформленные в соответствии с требованиями, которые будут размещены на сайте лаборатории.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, председатель научного совета «Центр общественных наук МГУ», заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ГРИЦЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

член-корреспондент НАН Украины, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, Киев, Украина (*agrytsenko@ief.org.ua*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@sfedu.ru*).

ПОГРЕБНЯК АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра социальной философии и философии истории, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*aapo.grebnyak@gmail.com*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*kut.va@mail.ru*).

ДРАШКОВИЧ ВЕСЕЛИН,

кандидат экономических наук, морской факультет, Котор, Университет Черногории, Подгорица, Черногория (*vesodraskovic@gmail.com*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор, кафедра мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*kuznetsov0572@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*morskaya67@bk.ru*).

АТАЯН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат философских наук, ведущий юрист-консульт, экономический факультет, ведущий специалист, Управление дополнительного и непрерывного образования, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*vvatayan@mail.ru*).

СЕНЮТКИН КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ,

аспирант, кафедра философии и теологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия (*vvatayan@mail.ru*).

ДЯТЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*oetdsa@yandex.ru*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Ярославский филиал, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Ярославль, Россия (*vikorn1@rambler.ru*).

ВАХРУШЕВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления, Ярославский государственный технический университет, Ярославль, Россия (*natalia_vakhrusheva@mail.ru*).

ПЕТРОВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва, Россия (*oetdsa@yandex.ru*).

АХИНОВ ГРИГОР АРТУШЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*gakhinov@mail.ru*).

РВАЧЁВ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

доктор экономических наук, директор по региональному развитию и инфраструктурным инвестициям, «ПрайсвогтерхаусКуперс», Москва, Россия (*rvachev@inbox.ru*).

ОЛЕЙНИКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; Уральский институт бизнеса, Екатеринбург, Россия (*alek.oleinikoff2010@yandex.ru*).

ЮДИНА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА,

доктор экономических наук, доцент, кафедра экономики инноваций, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*orchidflower@list.ru*).

ЦИКИН АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ,

кандидат химических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт экономики и организации управления в газовой промышленности, Москва, Россия (*A.Tsikin@econot.gazprom.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ИВАНОВА ВЕРА НИКОЛАЕВНА,

инспектор по кадрам, АО «Научно-исследовательский центр по изучению свойств поверхности и вакуума», Москва, Россия (*vn_ivanova@mail.ru*).

КУПЧИШИНА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА,

аспирант, кафедра экономики инноваций, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*sigdriva@inbox.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

НЕЧУХРИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей и славянской истории, декан, факультет истории, коммуникации, и туризма, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Белоруссия (*anech@grsu.by*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет, Киев, Украина (*sinjakovsv@gmail.com*).

ДЁМИН ИЛЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия (*ilyadem83@yandex.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философской антропологии, философский факультет МГУ, Москва, Россия (*nnrostova@yandex.ru*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор политических наук, профессор, кафедра политических наук, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия (*birs.07@mail.ru*).

БАРСУКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ,

кандидат политических наук, заместитель декана, факультет политики и международных отношений, Сибирский институт управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственного управления), Новосибирск, Россия (*birs.07@mail.ru*).

ЮРЧИШИН ЛУКАШ,

кандидат социологических наук, директор, Центр социологических интервенций «Collegium Civitas», Варшава, Польша (*dstolarek@wz.uw.edu.pl*)

РУМЯНЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет Санкт-Петербург, Россия (*churila@yandex.ru*).

ХУБИЕВ КАЙСЫН АЗРЕТОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*khubiev48@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURIY MIKHAYLOVICH,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Leader the Science Council «Center of Social Sciences at MSU», Chief of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

GRYTSENKO ANDREI ANDREEVYCH,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of NAS of Ukraine, Deputy Director, Institute for Economics and Forecasting of the

National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine (*agrytsenko@ief.org.ua*).

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy and Social-political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfedu.ru*).

POGREBNIAK ALEKSANDR ANATOLIEVICH,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*aapogrebnyak@gmail.com*).

KUTYRYOV VLADIMIR ALEKSANDROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia (*kut.va@mail.ru*).

DRASHKOVICH VESELIN,

Candidate of Economic Sciences, Marine Faculty Kotor, Montenegro University, Podgorica, Montenegro (*vesodraskovic@gmail.com*).

KUZNETSOV ALEXEY VLADIMIROVICH,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Financial University, Moscow, Russia (*kuznetsov0572@mail.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

ALPIDOVSKAIA MARINA LEONIDOVNA,

Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Theoretical Economy, Financial University, Moscow, Russia (*morskaya67@bk.ru*).

ATAYAN VLADIMIR VLADIMIROVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Leading Counsel, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*vvatayan@mail.ru*).

SENYUTKIN KIRILL VLADIMIROVICH,

Postgraduate Student, Nizhny Novgorod State Pedagogical University of Kozma Minin, Nizhny Novgorod, Russia (*vvatayan@mail.ru*).

DYATLOV SERGEY ALEXEEVICH,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia (*oetdsa@yandex.ru*).

KORNYAKOV VASILY IVANOVICH,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Yaroslavl Branch of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Yaroslavl, Russia (*vikorn1@rambler.ru*).

VAHRUSHEVA NATALIA ANDREEVNA,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia (*natalia_vakhrusheva@mail.ru*).

PERTOV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Candidate of Economic Sciences, Senior Research Officer, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*oetdsa@yandex.ru*).

AKHINOV GRIGOR ARTUSHEVICH,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*gakhinov@mail.ru*).

RVACHEV ALEKCEI LEONIDOVICH,

Doctor of Economic Sciences, Director of Regional Development and Infrastructure Investment, «PricewaterhouseCoopers», Moscow, Russia (*rvachev@inbox.ru*).

OLEYNIKOV ALEKSANDR ALEKSEEVICH,

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia (*alek.oleinikoff2010@yandex.ru*).

YUDINA TAMARA NICOLAEVNA,

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*orchidflower@list.ru*).

TSIKIN ALEXEY MAXIMOVICH,

Candidate of Chemical Sciences, Senior Research Officer, Economics and Management Science in Gas Industry Research Institute, Moscow, Russia (*A.Tsikin@econom.gazprom.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Officer, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

IVANOVA VERA NIKOLAYEVNA,

Human Resources Supervisor, Center for Surface and Vacuum Research, Moscow, Russia (*vn_ivanova@mail.ru*).

KUPCHISHINA ELENA VALERYEVNA,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*sigdriva@inbox.ru*).

GIRENOK FEDOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

NECHUHRIN ALEKSANDR NIKOLAEVICH,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Yanka Kupala Grodno State University, Grodno, Belarus (*anech@grsu.by*).

SINYAKOV SERGEY VASILIEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, National Transport University, Kiev, Ukraine (*sinjakovsv@gmail.com*).

DEMIN ILIA VJACHESLAVOVICH,

Associate Professor, Department of Philosophy and History, Samara University, Samara, Russia (*ilyadem83@yandex.ru*).

ROSTOVA NATALYA NIKOLAEVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nnrostova@yandex.ru*).

BIRYUKOV SERGEY VLADIMIROVICH,

Doctor of Political Sciences, Professor, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia (*birs.07@mail.ru*).

BARSUKOV ALEXANDR MIKHAILOVICH,

Doctor of Political Sciences, Siberian Institute of Management (a Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration), Russia, Novosibirsk (*birs.07@mail.ru*).

JURCZYSZYN LUKASZ,

Candidate of Sociological Sciences, Director, Centre for the Sociological Interventions (CIS) «Collegium Civitas», Warsaw, Poland (*dstolarek@wz.uw.edu.pl*).

RUMYANTSEV MIKHAIL ALEKSEEVICH,

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia (*churila@yandex.ru*).

KHUBIEV KAISYN AZRETOVICH,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*khubiev48@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук и экономический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова продолжают в 2016 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, обществоведческой, экономической и философской науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научная ориентация издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления «философия хозяйства» и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Журнал видит своими главными задачами сбережение и развитие классической размыслительной культуры — дискурсивной, понятийной, языковой, литературной, исходя из мирового когнитивного опыта и национального интеллектуального потенциала.

С 1999 г. — года своего основания — журнал, демонстрируя себя безусловным приверженцем энциклопедического подхода к познанию сложной и неоднозначной реальности, продолжает оставаться обильным источником свободной, свежей и достаточно уже редкой фундаментальной мысли, ныне особенно ценной.

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 30 000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках*:

- сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле);
- названия статьи;
- аннотации;
- ключевых слов;
- списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы (100—150 слов). Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно.

Сведения об авторе должны включать:

- фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность без сокращений;
- ученая степень, звание;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Каждая статья должна сопровождаться индексом *jel* (после key words).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «красной строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Название статьи пишется обычным шрифтом (не допускается использование других стилей), располагается по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

*При переводе воспользуйтесь сайтом: <http://englishleo.ru/vocabulary-faculty.php>.

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: перевод на английский язык (как правило, для свежих статей, если в оригинале имеется авторский вариант перевода) или транслитерация.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (вариант BSI).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). **Рисунки и схемы**, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Название — под рисунком. Не разрешается использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и вставлять их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала.

Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, проходят двойное слепое рецензирование по профилю научного исследования членами редакционно-издательского совета (РИСО), при необходимости членами научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенными рецензентами, имеющими соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается РИСО.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Материал, предлагаемый для публикации в журнале, должен быть оригинальным и ранее не публиковавшимся в других научных изданиях. Опубликованные в статье данные должны иметь указание на источники.

